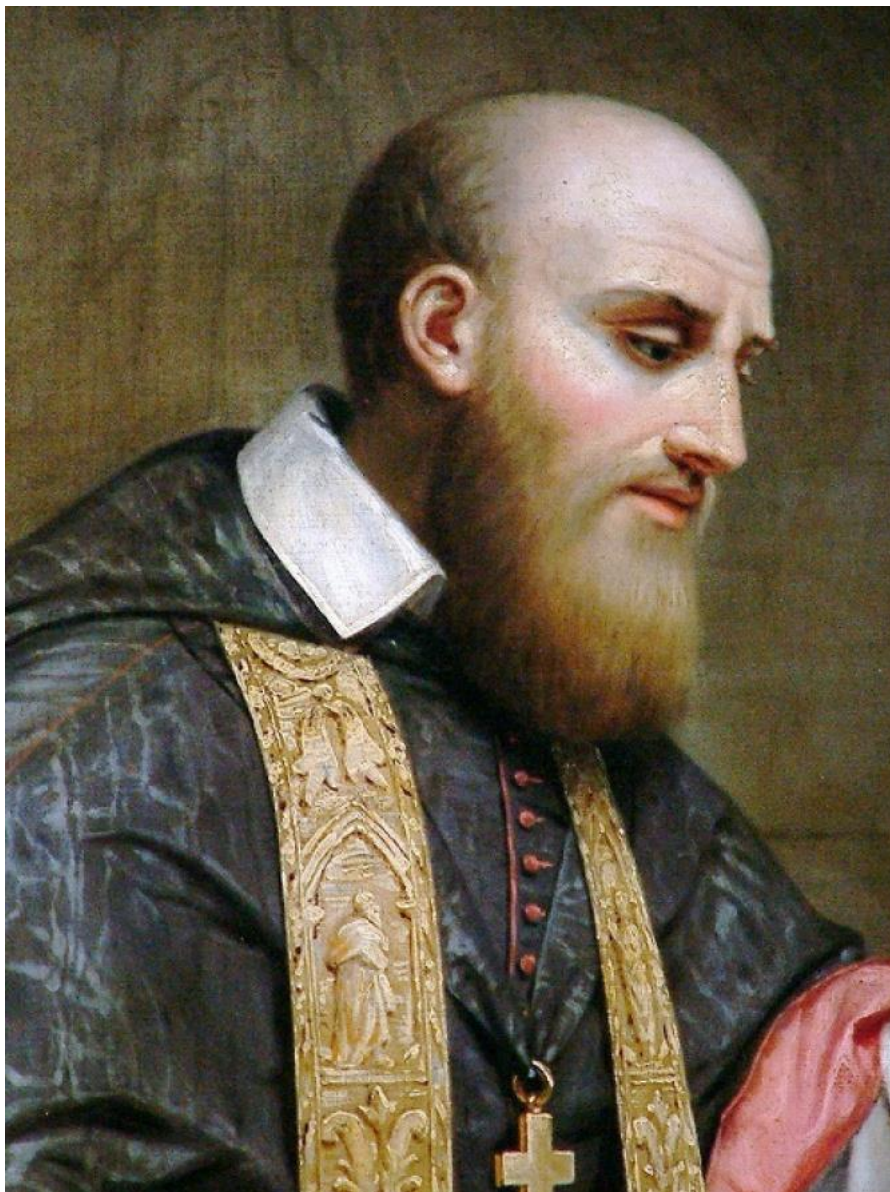

ФРАНЦИСК САЛЬСКИЙ: ОЧЕРК О КРОТКОМ СВЯТОМ

Луиза М. Стэкпул-Кенни

Пер. с англ. Francis de Sales: a study of the gentle saint by Louise M. Stacpoole-Kenny. London: R. & T. Washbourne. – 1909

В переводе Константина Чарухина

ГЛАВА I. В ДЕБРЯХ САВОЙИ

Во вторник 21 августа 1567 г. в старинном замке Шато-де-Саль – в той его крохотной комнатухе, что называлась «la chambre de St. François d'Assisi» («покои св. Франциска Ассизского») в честь изображения Серафического отца, висевшего над алтариком, – между девятью и десятью часами вечера родился Франциск Сальский.

Семью годами ранее его отец – Франсуа, сеньор де Нувель – женился на юной дочери Мельхиора де Сьонней, сеньора де ла Вальер, де ла Тюиль и де ла Буази. Она была наследницей всех этих обширных владений и, соответственно, по вступлении в брак получила большие земли в Буази, а её муж приобрёл титул от этого поместья, так что они стали повсеместно известны как месьё и мадам де Буази.

Одним ясным августовским днём я посетила это старинное шато; там по сути уцелела лишь одна комната – та, в которой родился святой; теперь это маленькая часовня. Такая крохотная комнатуха! Я подумала о другой родильной горнице – в городке над Эйвоном в лесистом Уорикшире, где впервые увидел свет величайший из поэтов и драматургов – тот, что был и есть поэт на все времена, в чьих дивных пьесах люди любого нрава и состояния могут найти всё что им по душе. Ровно таков же и Франциск, святой на все времена. Ведь в его писаниях мы, чада суматошного двадцатого века, обретаем точно такое же утolenie и утешение, как и те ревностные, пылкие люди века шестнадцатого, к коим были обращены его чудесные послания и для наставления коих святой составил «Благочестивую жизнь» (в рус. пер. Феофана Затворника – «Руководство к благочестивой жизни») и «Любовь к Богу».

Как рисуется моему воображению, столь же яркий августовский свет наполнял часовенку в тот день много веков назад, когда Франциск Сальский – младенец всего лишь нескольких часов от роду – был погружён в святые воды крещения. Вероятно, и день был таким же солнечно погожим, и уж наверняка высокогорья Савойи смотрелись столь же прекрасно, а деревья были так же густы и зелены, когда мсье де Буази с первенцем на руках выглянул из узкого оконца, а затем направился в долгий путь к маленькой приходской церкви в Торан, везя свою драгоценную, бережно завернутую ношу.

Восприемниками были бабка святого – мадам де ля Флешер (вновь вышедшая замуж после смерти отца мадам де Буази) и её деверь – дом Франциск де ля Флешер, приор бенедиктинского монастыря в Салиньи.

Дитя получило имя Франциск-Бонавентура, но звали его всегда Франциском: не только из-за того, что то было имя его отца, но и в честь его великого заступника и любимого святого – кроткого серафима из Ассизи.

И вот, обряд свершился – какое счастье теперь возвратиться домой! Новокрещённое дитя покоится на руках юной матери; она, гордая и ликующая, исполнена странного, неодолимого предчувствия, что мальчик её однажды станет князем Церкви – святым мужем несравненного благочестия и учёности.

«И ты, младенец, наречешься пророком Всевышнего, ибо предъидешь пред лицом Господа приготовить пути Ему, дать уразуметь народу Его спасение в прощении грехов их, по благоутробному милосердию Бога нашего, которым посетил нас Восток свыше, просветить сидящих во тьме и тени смертной, направить ноги наши на путь мира».

Конечно же, «младенец возрастал и укреплялся духом». Многие авторы рассказывают нам о забавных случаях из раннего детства святого, проливающие свет на его кротость и послушание, любовь к молитве и уединению, на ту быстроту, с какой он изучил катехизис, который преподавала ему его набожная матушка и добрейший мсье Деаж – благочестивый иерей, ставший для него с малых лет советчиком и наставником, и сохранял эту роль до тех пор, пока Франциск сам не сделался священником.

Но нам всё-таки довольно приятно узнать, что он не был совсем уж ангелоподобен – у него имелись маленькие недостатки, немножко тщеславия и даже страстишка к лакомствам. В нём не было бы ничего от милого человеческого ребёнка, если бы в столь раннем возрасте он не допускал порой шалостей, а ведь он уж точно всегда прежде всего оставался человеком. Особенно занимательна история о том, как он прокрался на кухню и наелся горячих пирожков. Они были с пылу с жару и страшно обжигали пальцы, но он хватал их крепко и со вкусом уписывал. Потом он честно признался в непослушании, за что ему было строго воспрещено заходить в кухонное отделение.

В семилетнем возрасте его отправили в коллегиум Ля-Рош, а два года спустя, когда мсье де Буази был вынужден по политическим соображениям покинуть Шато-де-Саль и переселиться в Шато-де-Бранс в Шабле, Франциска поместили в коллегиуме в Анси под опекой верного мсье Деажа.

Здесь он предавался молитве и учёбе, проводя долгие часы за занятиями латынью, и добился больших успехов в «гуманитарных науках» – довольно любопытное выражение, ведь мы его совсем не используем теперь, и большинство из нас не понимает его значения. Насколько мне удалось выяснить, тогда сие означало общую осведомлённость в литературе и античности, а также соответственную умственную и телесную подготовку, позволяющую мужчине занять своё место в свете в качестве воина, придворного или сенатора.

По окончании трудов Франциск всякий раз поспешал в ближайшую церковь, прихватив с собой как можно большую толпу спутников, так что добрые обыватели городка, глаза вслед этой ватажке, направляющейся на поклонение нашему Господу в Св. Тайнах, и любясь безупречной красотой юного де Саля, восклицали: «Comme il est beau, qu'il est aimable! Il est l'ange visible de la patrie; et si Dieu lui conserve la vie, il sera un jour l'ornement et la gloire de sa famille» («Как хорош-то да пригож! Сущий ангел земной для краёв наших; и если только Бог сохранит ему жизнь, он однажды станет украшением и славою своего рода»).

В возрасте десяти лет он удостоился величайшего счастья – впервые принял Св. Тайны. Преклонив колени в той необычной старинной доминиканской церкви, я пыталась нарисовать в воображении картину этого события. И вот это уже не полузаброшенный

храм – он заполняется причудливо наряжённой толпой: мужчины в рейтузах и дублетах, со звенящими клинками и вьющимися кудрями; женщины в чепцах и расписных корсажах, с затейливыми головными уборами, полностью скрывающими волосы; крестьяне, одетые почти так же, как они и сейчас одеваются в большинстве швейцарских кантонов... Святая Жертва приносится на ярко освещённом алтаре; торжественно гремят глубокие ноты органа, то возвышаясь плавно, то делаясь ниже, пока, наконец не смолкают, и в тишине не слышится ничего, кроме звона колокольчика, когда священник поворачивается, держа в руках св. гостию – «Domine, non sum dignus» («Господи, я не достоин») – и верные приближаются к алтарному ограждению, чтобы причаститься. Среди них – прекрасный голубоглазый мальчик, который, благоговейно преклонив колени перед алтарём, в первый раз принимает своего Господа. Можно вообразить запредельное ликование, наполнявшее душу Франциска, святого уже в детстве, ни прежде, ни впоследствии не терявшего своей крещальной невинности, но прожившего жизнь, не запятнавшись миром, и прошедшего без ущерба сквозь пламя испытаний и искушений.

Именно в этой же самой церкви годы спустя Господу нашему было угодно дать поразительное знамение Своей любви Своему избранному слуге.

Во время проповеди лицо святого преобразилось, просияв небесным светом, когда пылающие слова слетели с его уст, тронув даже самые зачерствелые сердца, и даже в своём отечестве все признали в нём провидца и пророка.

С того дня, как он впервые вкусил Св. Тайн, его желание посвятить себя Богу постоянно возрастало, но отец имел совершенно иные виды на его карьеру. Он пожелал, чтобы Франциск стал адвокатом и членом сената Савойи. Однако, поскольку тонзура в те времена значила очень мало (даже не обязывая носить церковное облачение и отказаться от шпаги и уж конечно никоим образом не принуждая к окончательному принятию священного сана), месье де Буази позволил сыну пройти этот обряд в Клермоне в 1578 г.

В ту пору Франциск был всего лишь одиннадцатилетним мальчиком, но таким разумным и сведущим, таким уравновешенным и благочестивым, что трудно было представить себе, что он столь юн. Притом ветхий Адам был ещё не совсем мёртв, ибо расставание с прелестными золотыми кудрями стоило мальчику горьких переживаний. Он обливался слезами и только после отчаянной борьбы кротко согласился лишиться своих обожаемых волос, но в итоге преодолел естественное нерасположение к стрижке, и когда наступил роковой миг, отнюдь не подавая виду, безмятежно позволил ножницам срезать его драгоценные локоны.

Мадам де Буази, со своей стороны, наблюдала, как безжалостная сталь отсекает один за другим эти милые её сердцу кудри, и по завершении обряда, когда толпа рассеялась, конечно, собрала их и принесла домой; обретя же в своей комнате уединение, она пролила по-женски слёзы и опять же по-женски возносила молитвы, взирая на эти чудесные золотые волосы, такие шелковистые и мягкие – прекрасные волосы её родного мальчика. Она осознавала, что он более не принадлежит только ей. Теперь он посвящён Всевышнему. Он сделал первый шаг по тернистому пути самопожертвования

и самоотречения, пути, уводящему прочь от дома и из её любящих объятий, ибо в отличие от мужа она знала, что Франциску суждено стать священником и никакие препятствия не заставят его свернуть с избранной стези. Она ликовала, что её сын будет служить Господу Воинств, и хотя её сердце разрывалось от муки при мысли о расставании с ним, она памятовала о том, как сама ещё до появления дитяти на свет посвятила его Господу, стоя незадолго до родов на коленях в Анси перед покровом, осенявшим Св. Дары. Бог поймал её на слове, принял дар, и она не посмела бы даже пожелать взять его обратно, омрачив щедрость сего приношения. «Да будет благословенно Его святейшее имя!»

ГЛАВА II. ИЗ СТОЛИЦЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ В ВЕЧНЫЙ ГОРОД

Когда в 1580 г. Франциску исполнилось тринадцать лет, мсье де Буази решил отправить его в Париж на учёбу в университете. Он пожелал, чтобы сын разместился в Наваррском коллегиуме, ибо именно туда вся савойская знать посылала молодёжь, но он пользовался не слишком доброй славой: студенты были малость буйны, а дисциплина хромала. Франциск опасался, что дурные товарищи собьют его с толку и он развратится, а потому умолял отца позволить ему вместо этого отправиться в иезуитский коллегиум. В то время, как и всегда, он питал особую любовь и почтение к сынам св. Игнатия, а кроме того слышал, что в их коллегиуме надо всем царит дух благочестия и святости. Мать была согласна с ним. Она тоже горячо желала поместить сына у Saints Pères (святых отцов, – фр.), уповая, что под их опекой он будет защищён от опасностей, грозящих душе и телу. Убедить мужа стоило ей некоторых усилий, но в итоге он неохотно согласился.

Едва прибыв (как обычно, в сопровождении верного мсье Деажа) в жизнерадостный город, Франциск вместо того чтобы предаться развлечениям, со своей обычной энергией сразу взялся за учёбу: посещал лекции, читал, писал, а большую часть свободного времени отдавал молитве и делам милосердия. Он причащался еженедельно, каждый день слушал мессу, часто ходил на поклонение Св. Тайнам; но несмотря на всю свою ревность и благоговение, он на шесть недель стал жертвой ужасного искушения страстью отчаяния. Его душа разрывалась от муки; он чувствовал, что обречён на вечную погибель, но даже когда этот чудовищный помысел владел его умом, терзал его не страх перед адскими муками – нет! то был лютейший ужас, что в сем месте безвременного несчастья он похулит своего Бога. «Иисусе! – восклицал он, – если мне суждено никогда не увидеть Тебя в Твоём Царствии Небесном, даруй мне хотя бы, дражайший Господи, возможность любить Тебя, пока я пребываю в этом мире! О Мария, Мать Божия! Неужто я никогда не узрю Тебя?! Молись, Матушка, чтобы, даже горя в адском огне, я ни за что не похулил Тебя или Твоего достолюбезного Сына! Если на то Его святейшая воля, чтобы я утратил Его навсегда, то да свершится она; но даруй мне хотя бы возможность любить Его и славить, даже будучи осуждённым».

Так он рыдал и молился, и наконец Матушка пришла к нему на помощь. Преклонив колени перед Её изваянием в церкви Сент-Этьен-де-Гре, он благоговейно прочёл Memorare («Памятуй», – молитва св. Бернарда к Богородице. – прим. пер.), и прямо во время молитвы зло, подобно мерзкой коросте проказы, спало с его души, жуткие

мучения прекратились, помыслы обрели безмятежность и мир, измученный ум успокоился, и он благословил имя Господне.

Таким образом, поскольку он был спасён предстательством Пресвятой Богородицы, его благодарность к Ней не знала границ; он пообещал ежедневно читать розарий в Её честь и часто повторять Memorare.

Он провёл в Париже пять лет, изучал теологию под руководством Хуана Суареса (брат Франсиско Суареса – крупнейшего философа, «последнего схоласта». – прим. пер.), греческий – у отца Сирмона (Жак Сирмон (1559 – 1651), писатель, историк, издатель средневековых латинских и византийских авторов) еврейский – у Женебрара (Жильбер Женебрар (1535 – 1597) – экзегет, востоковед, впоследствии архиепископ Экса). Для завершения образования мсье де Буази решил послать его в Падуанский университет, дабы он получил учёную степень по юриспруденции. Итак, в 1586 г. Франциск пустился в путь и, проехав по славнейшим городам Франции, добрался до родного дома в Шабле. Все эти долгие годы он не навещал Шато-де-Бранс. Мать едва узнала своего сына в высоком восемнадцатилетнем юноше, а он со своей стороны удивился, как здорово выросли трое его братьев. Звали их Галуа, Жан-Франсуа и Луи – превосходные ребята, полные восхищения своим старшим братом, особенно Луи, который изначально почитал его и советовался с ним по всякому поводу. Это был добрый мальчик, старательный и разумный не по летам. Жан-Франсуа, напротив, был грубоват и легко выходил из себя. О Галуа нам мало что известно, хотя впоследствии он унаследует от отца титул сеньора де Буази и прослывет в своих краях как Миротворец. О братьях и о самом себе Франциск порой говаривал: «Из нас троих выходит отличная заправка для салата: Жан-Франсуа – уксус, ядрёный и едкий; Луи так смышлён, что послужит солью; ну а «этот толстячок» Франсуа – масло; уж очень любезна ему кротость да мягкость».

Печален был для нежной матери и любящих братьев тот день, когда Франциску пришлось отправиться в дальний путь на Падую, но мсье де Буази твёрдо решил, что его наследник должен получить образование, приличествующее его рождению и положению в обществе, и по-прежнему лелеял надежду, что Франциск, получив звание юриста, станет сенатором. Поэтому несмотря на суровую зимнюю погоду он тронулся в путь в сопровождении, как обычно, доброго мсье Деажа. Они благополучно пересекли Альпы и прибыли к месту назначения в начале 1587-го года.

В Падуе Франциск изучал юриспруденцию под руководством Гвидо Панчироли, одного из самых прославленных наставников своего времени. Стоит ли говорить, что наш святой со всем пылом посвящал себя учёбе, трудясь день и ночь; но, зная, что попечение о душе и совести куда важнее простого упражнения разума, искал мудрого и сведущего руководителя, кто помогал бы ему с этой задачей. В итоге выбор его пал на отца Поссевина из Общества Иисусова (вероятно, знаменитого Антонио Поссевино (1534 — 1611 гг.). Секретарь генерала ордена, ректор падуанской академии, он побывал в 1581-1582 гг. в Московском государстве и оставил ряд исторических сочинений о нём. – прим. пер.), мужа праведного и благоразумного, который помог ему определиться с призванием. По-настоящему Франциск никогда не колебался в

намерении принять духовный сан, но из почтения к мнению отца ещё раз решил взвесить все про и контра, попросив отца Поссевина молиться, дабы Бог дал ему познать Свою волю.

После долгой созерцательной молитвы и по зрелом размышлении мудрый иезуит сказал Франциску, что никаких сомнений в это вопросе быть не может – призвание его и в самом деле заключается в священстве. Он пошёл даже дальше, пророчествуя, что смиренный его духовный сын в один прекрасный день станет князем Церкви и оплотом веры.

Франциск был так мягок нравом, так обходителен и внимателен, что нескольким его товарищам пришло в голову, будто вся его приветливость и мягкость вызваны слабостью. Поэтому они решили заставить его проявить презренную трусость и похоронить таким образом благое влияние, какое он постепенно приобретал на всё большее число студентов.

Однажды ночью они залегли, поджидая его, с тем расчётом, что как только они выскочат и набросятся на него, он побежит, спасая свою жизнь, вопия о пощаде. Вышло же ровно наоборот. Вместо того, чтобы побежать от них, именно он, один против многих, обратил их в бегство. Едва распознав их намерение, он выхватил шпагу и несколькими мощными выпадами (ведь он был блестящий фехтовальщик) они не только оказались разоружены, но и пали на колени, моля смириться, ведь их оскорбительные слова и неудавшееся нападение имели целью лишь розыгрыш. Франциск мрачно улыбнулся. Он вполне уразумел всю суть затеи, но со своей обычной кротостью великодушно простил им.

Франциск был кавалером весьма привлекательным и элегантным, да притом сметливым и бесстрашным. Танцевать он умел не хуже, чем фехтовать, отличался утончёнными и изысканными манерами, приятной речью и галантным поведением.

Он был столь заметной личностью, что привлёк внимание прекрасной, но ветреной принцессы, которая, дико в него влюбившись, послала к нему подругу с просьбой навестить её. Однако Франциск был предан единственной своей возлюбленной Госпоже, Которую избрал своей Королевой, Марии Непорочной, и никакие земные прелести не могли очаровать взора, устремлённого к Её духовной красе. Именно пред Её алтарём в Париже он принёс обет целомудрия и сему обету оставался верен всю свою жизнь. Ни единым словечком или деянием не омрачил бы он чистоту души, посвящённой Её служению. Поэтому он оказался глух к уговорам неудачливой посланницы, которая зашла так далеко и сделала такую глупость, что предложила ему бриллианты и золото, склоняя у свиданию с очарованной им принцессой.

«Пускай сокровища принцессы остаются при ней; я вовсе не желаю ни их, ни её. Ступайте!» – приказал он.

Аскетичная жизнь, многие часы, посвящаемые учёбе и молитве, чрезвычайные подвиги и суровые посты наконец ослабили его превосходное здоровье. Он потерял аппетит, истончился до скелетоподобного состояния, не мог спать, а в итоге совсем сдал и

вскоре опасно заболел. Четыре дня его жизнь висела на волоске. Бедный месье Деаж был в отчаянии. Он осаждал небеса и врачей мольбами о спасении жизни его любимого ученика, но в конце концов, смирившись с неизбежным, принёс Франциску весть, что надежды на выздоровление нет и что на самом деле он уже на пороге смерти, а потому лучше бы подготовиться к принятию Последних таинств.

Несказанная радость наполнила душу святого юноши. Он разразился потоком песнопений хвалы и божественной любви и, выбирая самые прекрасные отрывки Священного Писания, восклицал чистым, благозвучным голосом:

«Как вожделенны жилища Твои, Господи сил! Истомилась душа моя, желая во дворы Господни» (Пс. 83:2-3).

«Блаженны живущие в доме Твоем: они непрестанно будут восхвалять Тебя» (Пс. 83:5).

«Господи, Боже сил! Услышь молитву мою, внемли, Боже Иаковлев!» (Пс. 83:9).

«Буду восхвалять Тебя, Господи, Боже мой, всем сердцем моим и славить имя Твое вечно» (Пс. 85:12).

«Ибо ты сказал: «Господь - упование мое»; Всевышнего избрал ты прибежищем твоим» (Пс. 90:9).

«Буду петь Господу во всю жизнь мою, буду петь Богу моему, доколе есмь» (Пс. 103:33).

«Да исполнится Его святая воля в жизни и в смерти!»

Затем, обращаясь к доброму старому наставнику, молвил: «Я желаю, чтобы тело моё было отдано трупорезам. При жизни я был бесполезен; от мёртвого меня, надеюсь, выйдет хоть какая-то польза – это предотвратит брань и ссоры».

Он имел в виду жуткое обыкновение, распространённое не только среди студентов-медиков, но и среди хирургов, вытаскивать из могил трупы и препарировать их, что влекло к стычкам с родственниками и друзьями покойных, старавшимися защитить тела близких от осквернения.

Но не время было ещё Небесам распахнуть свои врата для этой праведной души. Ещё много лет жизни было впереди; предстояло совершить брань и одержать победу, прежде чем войти в радость Господа. Так что тогда он на последнем дыхании совершенно неожиданно поправился и очень скоро опять стал прежним самим собой, жизнелюбивым, здоровым, бойким.

Чтобы наверстать упущенное время, он приступил к работе с удвоенным рвением, предаваясь с новым пылом служению Богу и Его Пресвятой Матери, чьим властным заступничеством он теперь восстановил здоровье телесное, как прежде в Париже обрёл здоровье душевное. Его друг и однокашник месье де Шалль повествует: «Добродетелей у Франсуа имелось больше, чем требуется для канонизации, а подтверждается это тем, что он владел пророческим даром. Он предсказал мне, что я женюсь и буду иметь детей, а на мой вопрос «А ты?» ответил: «Бог предназначил меня для алтаря»».

Таким образом, уверенный в своём высоком призвании, он старался подготовиться к нему не только освящая свою жизнь, но и совершенствуя ум. Он изучал теологию наряду с юриспруденцией и преуспел в обеих этих многотрудных науках. Вскоре он был готов получить учёную степень.

Диплом был вручён ему в сентябре 1591 года профессором Панчироли в Падуанском университете. Поскольку не только преподаватели и студенты, но и горожане почитали его святым и видели в нём гения, церемония вручения диплома вышла особенно примечательной. Все желали оказать честь новому выпускнику. Да и он не испытывал недостатка признательности к альма-матер. В яркой речи он поблагодарил епископа, ректора и преподавателей, сказав: «Если я хоть что-нибудь знаю, то благодаря вам – особенно же вам, Гвидо Панчироли, князь юриспруденции, а потому прошу вас собственноручно даровать мне кольцо, шапочку и грамоту от Университета».

Затем Панчироли надел на его голову венец и шапочку и вручил ему диплом доктора, сказав:

«Университет усматривает в вас, Франсуа де Саль, возвышеннейшие качества ума и сердца; и с превеликим удовольствием приветствует вас среди своих выпускников».

Образование своё Франциск закончил, но прежде чем возвратиться в Савойю, посетил Рим. Можно представить благоговение, с каким он молился над гробницей святых апостолов, пыл, с каким ходил от святыни к святыне, от церкви к церкви; радость, с какой он преклонял колени у подножия Вифлеемской колыбели в Санта-Мария-Маджоре. Не обошёл он вниманием и развалины Рима, Колизей, руины бань и все достопримечательности древних и сравнительно недавних – по сути, всех – веков, что делают Рим Вечным Городом.

Наконец, насытив как благочестие своё, так и любопытство, он возвратился домой через Лорето и Венецию. В Лорето он исполнился радости при виде Святой Хижины из Назарета, в которой Иисус, Мария и Иосиф жили, трудились и молились столь много лет.

Он ещё раз посвятил себя Богу и Пресвятой Деве, обновив обет целомудрия, а затем, простершись на земле, пылко целовал её и увлажнял слезами, извергая огненные слова любви к Богу.

Доброму месью Деажу показалось, что лицо его воспитанника уподобилось ангельскому, ибо оно просияло и преобразилось пламенем Духа. С тех пор он обращался с учеником с величайшим уважением и почтением, сожалея, вероятно, о своей запальчивости, проявлявшейся в Париже, когда он потчевал парня оплеухами почём зря, видимо, просто для того, чтобы потешить себя и дать выход раздражению. Франциск тогда сносил затрещины благодушно, ибо всегда питал искреннее расположение к доброму старику.

ГЛАВА III. ИЕРЕЙ БОЖИЙ

В один прекрасный день весной 1592 года какой-то галантный кавалер подъехал верхом к старому Шато-де-Тюиль, служившему ныне местожительством для месье и мадам де Буази. Молодого дворянина сопровождал почтенного вида седовласый священник. Ещё прежде чем прибывшие спешили, любящие родители выбежали наружу в объятия долгожданного сына; мать – нетерпеливо, взволнованно, задыхаясь, отец – в равной мере взволнованно, но медленней и степенней. Затем их облепили трое братьев, и Франциск Сальский с изрядным трудом узнал в этих высоких, пригожих юношах тех мальчиков, которых он покинул где-то пять лет назад; а среди них и Бернард, младшенький – робкий и застенчивый, слегка напуганный величавым видом молодого гостя.

Ему двадцать пять лет, он вежлив и учтив, голубые глаза его добры, улыбка неотразима, манеры мягкие и утончённые. Он стал самым настоящим кавалером: научился ездить верхом, фехтовать, поддерживать беседу на любую тему, ибо, зная, что отец желает видеть его *au fait* («на уровне» (от фр.) – прим. пер.) всех требований, предъявляемых молодым людям его сословия, он постарался усовершенствоваться в светских искусствах, рассудив, что если уж делать что-то, то делать толково.

Месье де Буази был заморожен. В его мозгу мелькали мечты о будущем успехе и славе обожаемого сына, и он настоял, чтобы Франциск в качестве первого шага к блестящей карьере направился в Шамбери, дабы вступить в адвокатскую коллегию. Там он познакомился с человеком выдающегося дарования и благочестия, что стал ему другом на всю жизнь, почти братом – адвокатом и сенатором Антуаном Фором.

24 ноября 1592 года Франциск Сальский был принят Сенатом Савойи в адвокатуру.

Когда он возвращался через верхом домой через лес Сонэ, с ним приключился любопытный случай. Франциск был превосходным наездником, но несмотря на это внезапно сверзился наземь. При падении шпага его выскользнула из ножен, а ножны – из перевязи, и на земле шпага с ножнами скрестились. Наездник взобрался на седло, но через несколько мгновений опять свалился, явно безо всякой причины (дорога-то была ровная), и снова сложился крест из шпаги с ножнами. Вот Франциск обратно запрыгивает в седло, но стоит ему проехать пару шагов, как ещё раз он падает наземь, перевязь и ножны соскальзывают, как уже было дважды, и на третий раз шпага с ножнами образуют крест.

Месье Деаж, как всегда, сопровождавший его, был поражён. Ему самому, хоть он был и несравненно менее искусным наездником, не составило никакого труда удержаться в седле. Наверняка было что-то сверхъестественное в этих трёх последовательных падениях и кресте.

Да, и он, и Франциск почувствовали, что то было знамение и что Господь наш изволил таким образом показать Своему избранному слуге, что ныне настало время ему отринуть не только мирское платье, но и навсегда оставить жизнь светского человека и дворянина, отказаться от шпаги, взять крест и выступить в бой под знамёнами Распятого.

Но месьё де Буази был упрям. Тщетно его кузен, каноник Людовик де Саль убеждал его позволить сыну принять духовный сан, тщетно Франциск описывал своё пламенное стремление полностью посвятить себя служению Богию, настаивая на том, что это отнюдь не новая идея, но что он с детства желал стать священником и молился о том. Мадам де Буази присоединилась к уговорам, указывая мужу на то, что призвание сына явственно вдохновлено свыше и что будет неправильно – а на самом деле грешно – противиться ему; но даже её усилия не помогли склонить старого дворянина к уступке.

Он решил, что его первородный должен унаследовать земли и звания. Он пожаловал ему титул сеньора де Вийяроже, даровав при том и земли, относящиеся к нему. Эти владения вместе с титулом всегда удерживались старшим сыном в роду. И вот, не довольствовавшись наделением Франциска земными благами и званиями, месьё де Буази теперь желал поженить сына с мадемуазель де Сюше, прелестной дочерью сеньора де Вежи. Эта очаровательная девушка была юна, мила, привлекательна и с хорошим приданым. Она жила с родителями в Салланше.

Отец с сыном навещали её несколько раз, но, хотя Франциск обращался с нею с крайним почтением и обходительностью, наслаждался её обществом и восторгался ею, мужем её стать наотрез отказался, заверив мсье де Буази, что не женится никогда.

Потерпев крушение в матримониальных затеях, старик попытался склонить сына к принятию должности сенатора при дворе Савойи. Это почётное звание Франциску настойчиво предлагал сам государь, и огромных усилий духа потребовалось для отказа, особенно когда мсье де Буази стал настаивать, чтобы предложение было принято.

Однако Христос Господь наш не оставил Своего избранного слугу. Когда предельно сгустилась тьма и Франциск едва не впал в отчаяние, оттого что его нежное сердце разрывалось между долгом пред родителем и долгом пред Богом, обнаружился способ смягчить и умирить неслышимого отца, а сыну – беспрепятственно последовать своему возвышенному призванию.

Умер настоятель капитула каноников кафедрального собора Женевы, и каноник Людовик де Саль, посовещавшись с досточтимым епископом Клавдием де Гранье, отправился в Рим, чтобы ходатайствовать перед папой о передаче этой должности своему кузену Франциску.

Возвратившись в Анси, он поспешил переговорить с мсье де Буази, сообщив ему, что это почётнейшая должность – по сути, уступающая лишь епископской – и что не следует больше стоять на пути сына, особенно теперь, когда замыслы Провидения так ясно обнаружались.

Борьба была тяжёлой, но в итоге каноник победил – месьё де Буази согласился с тем, что Франциску следует принять предложение и последовать своему призванию к священному служению. Давая сыну родительское благословение, старый солдат воскликнул: «Да благословит тебя Бог навеки, сынок! Раз Он вдохновил тебя, то во имя Его даю тебе моё родительское благословение!»

За много месяцев до того мадам де Буази собственноручно сшила сутану своему любимому сыну, и вот, он отказался навеки от шпаги и яркого дворянского платья, облачившись в строгое чёрное священническое одеяние.

В праздник Вознесения 26 мая 1593 года он был представлен капитулу каноников в Анси, и все члены его радушно приняли нового настоятеля. На эту должность допускались только особы с докторской степенью или дворянского звания; Франциск же был тем и другим: он получил блестящее образование в Падуе и происходил от длинной вереницы благородных предков. Его предшественник заодно имел звание сенатора, и месьё де Буази уговаривал сына принять эту должность, но Франциск решительно отказался.

«Я чувствую, – сказал он, – вдохновение от Бога посвятить себя Его служению полностью. Он – мой один-единственный Владыка и не потерпит соперников».

«Ладно! – воскликнул бедный отец в крайнем раздражении, – Вижу, спорить с тобой – пустая трата времени. Ступай же и служи одному лишь Богу!»

Ободрённый отцовским приказом, Франциск немедля оставил всё сколь-либо относящееся к миру, отказавшись от земель и титула де Вийяроже. Он предпринял уединение под руководством старого священника месьё Бувара, который начал было наставлять его в новых должностных обязанностях, но был не на шутку удивлён, как хорошо Франциск уже знаком с ними. Он понимал breviарий и мог пользоваться им, словно привык к нему за многие годы.

«На самом деле, – поведал Франциск ему, – живя в Падуе, я обычно пел литургию часов вместе с театинцами, а во время путешествий мы с месьё Деажем всегда читали сие священное правило».

Нужды откладывать посвящение не было, и вот, 18 июня 1593 года Франциск Сальский был рукоположен в малые чины праведным Клавдием де Гранье, а четыре дня спустя в субботу, в канун праздника Святой Троицы – возведён в субдиаконы. Впоследствии он говорил:

«Я стал прелатом, не побыв в подчинении. Лучше бы я сперва послужил простым клириком, лучше бы для начала носил кропильницу, чем сразу посох».

18 сентября он был последовательно возведён в диаконы, а в субботу 15 декабря 1593 года – посвящён в иереи. С душой, воспламенённой божественной любовью, он стал молитвенно готовиться к служению своей первой мессы.

Это великое событие свершилось 21 декабря в праздник святого апостола Фомы в кафедральном соборе города Анси.

«С того дня, – говорит отец Ла Ривьер, – он вступил в самоуглублённое и мирное житие; стал новым, иным человеком. Это было заметно по взгляду, речи, манерам; и что-то настолько ангельское, божественное проявлялось в его облике, что всякий, словно бы принуждаемый нежной силою, почитал его и любил».

ГЛАВА IV. СВЕТ ДЛЯ СИДЯЩИХ ВО ТЬМЕ

В кафедральном соборе Анси, ближе к дверям, имеется очень старая исповедальня, в ряде мест искромсанная и изрубленная на куски – вероятно, набожными паломниками.

Именно в ней Франциск Сальский выслушал множество рассказов о горестях и прегрешениях, утешая и успокаивая многие и многие сердца да уставшие от жизни души. Известно, что он расположил свою исповедальню так, чтобы хромые, слепые и немощные могли найти её без затруднения.

Здесь же и кафедра, с которой он, ещё будучи лишь субдиаконом, произнёс свою первую проповедь по настоятельному пожеланию епископа Женевы монсеньёра де Гранье. Она была подготовлена к празднику Тела и Крови Христовых, но поскольку в Анси приехал отец Фодери – знаменитый францисканский проповедник, – Франциск упросил его утешить народ своим словом.

Соответственно, сам Франциск не проповедовал до конца октавы. Его речь была тщательно подготовлена (он уделил много времени и труда её составлению), но когда пришла пора, его охватил приступ нервозности, и, трепеща всеми членами, он едва нашёл силы, чтобы взойти на кафедру.

Многочисленное скопление людей нетерпеливо ждало его слова. Вверившись Богу в короткой, но ревностной молитве, он вмиг успокоился и, позабыв обо всём, кроме возвышенного предмета, выбранного темой проповеди – Святых Тайн, – он поразил слушателей силой и пылом языка, изяществом и ясностью идей. Многие проливали слёзы, а паче всех – его благочестивая матушка, понявшая, что её надежды воистину сбылись, и сын её наверняка станет для многих вожатым и помощником.

Не то отец: месьё де Буази не нравились проповеди сына. С одной стороны, он считал, что тот проповедует уж слишком часто, а с другой – что стиль его слишком уж прост и невыразителен. Годы спустя Франциск поведал монсеньёру де Беллей:

«У меня был самый славный и добрый отец в мире, но он провёл большую часть жизни при дворе и в походах, а потому лучше разумел, что на уме у придворного и воина, чем у священника или духовника. Будучи настоятелем капитула, я проповедовал постоянно и повсеместно. Я никогда не отказывался от сего, *tant m''était chere la parole de notre Seigneur* (так дорого было мне слово нашего Господа)».

«Мой отец, слышав колокол, призывающий на богослужение, спрашивал: «Кто будет проповедовать?», и ответ всегда был: «Кто ж, как не ваш сын – настоятель». Это крайне раздражало его; настолько, что он выговаривал мне: «Вот что, настоятель, ты проповедуешь совсем уж много; ты расточаешься по пустякам. И потом, твои речи! – *grand Dieu!* великий Боже! Ни латыни, ни греческого, ни учёных цитат. Твой язык так прост и безыскусен, что и ребёнок поймёт. *Voquez-vous*, видишь ли, в мои времена выдающиеся мужи таким образом не выражались!» И так далее, и так далее».

Однако бедный мессье де Буази вскоре получил ещё один повод для огорчения, и посерьёзнее, ибо Франциск вызвался на миссию в Шаблэ – обращать еретиков. Это было действительно ужасным испытанием для доброго старика, теперь уже почти семидесятилетнего, поскольку он признавался монсеньёру де Гранье со слезами на глазах:

«Я позволил своему старшему сыну – надежде нашего рода и опоре моей старости – посвятить себя служению Церкви в качестве духовника, но я никогда не соглашусь, чтобы он стал мучеником!»

Епископ был тронут этим горем, но Франциск оказался непоколебим. Он решил отправиться как можно скорее на свою опасную миссию, взяв с собой лишь кузена – Людовика де Салю.

Миссия была необходима, поскольку южное побережье Женевского озера – область, известная как Шаблэ – отпало от Католической Церкви. В 1536 году протестанты кантона Берн, воспользовавшись войной между Карлом III, герцогом Савойским, и Франциском I Французским, завладели областями Во, Жекс и Тернье, а вскоре сделались хозяевами над Шаблэ до самого Тонона и, разделив завоёванную область на четыре района – относящихся к Жексу, Гайяру, Тонону и Тернье, – стали насаждать там свою религию и подавлять католическую веру. Спустя тридцать лет Савойя вернула эту землю, но католичество не восстановила. В 1589 году область опять была захвачена швейцарцами; затем герцог ещё раз овладел ею, а швейцарцы обратно отняли, но в итоге вынуждены были в 1593 году уступить Шаблэ савойскому принцу Карлу-Эммануилу.

Карл-Эммануил решил заняться обращением своего народа – более по политическим мотивам. Он опасался, что, коль подданные придерживаются тех же убеждений, что и швейцарцы, они естественным образом будут склоняться на сторону единоверцев и ухватятся за любую возможность освободиться от его власти.

Соответственно, он попросил епископа Женевы направить в Шаблэ миссионеров. В течение ряда лет епископы Женевские не могли пребывать в этом городе и даже посещать его, а вынуждены были переехать в Анси. Там-то Клавдий де Гранье и провёл встречу с епархиальным священством, совещаясь о лучших способах исполнения герцогского пожелания, и настоятель капитула был одним из вызвавшихся на опасную миссию.

9 сентября 1594 года Франциск и Людовик Сальские отправились из Анси в своё рискованное путешествие. При их отъезде город оплакивал их. Добрые люди, хоть и в полном восторге от героической отваги пастырей, горевали о расставании с ними и содрогались при мысли о бедствиях, с каковыми могут столкнуться их возлюбленный настоятель и его кузен. Франциск ехал к грубому и необузданному народу – народу, который так дурно обращался с отцом Бушером, который прежде прибыл к ним распоряжению епископа проповедовать Слово Божие, что он задержался среди них очень ненадолго и бежал, отчасти потому, что боялся за свою жизнь, отчасти утратив надежду добиться хоть какого-нибудь толку.

Вскоре кузены прибыли в старый добрый дом – Шато-де-Саль, – опять ставший местожительством четы де Буази. Здесь они провели несколько дней в молитве и созерцании, готовясь к великой миссии. Они совершили генеральную исповедь, приняли Святое Причастие и были уже готовы выступить, когда мессье де Буази вновь попытался переубедить сына.

«Безумие с твоей стороны, – сказал он ему, – ехать к этим дикарям; они тебя изрежут на кусочки, а мёртвый ты не принесёшь никакой пользы Церкви. Куда лучше тебе спокойно жить в Анси, проповедовать, свершать Святое Жертвоприношение (мессу. – прим. пер.), выслушивать исповеди, заботиться о своей пастве и бедном своём старике-отце».

Все эти доводы и даже угрозы были бесполезны. Отец напрочь отказался помогать Франциску – не дал ему ни гроша; что ж касается принца, то хотя он просил о помощи и получил её, денежного вспомоществования не предоставил никакого, так что миссионерам пришлось бы выехать буквально без гроша и даже не имея смены одежды, если бы нежная мать не пришла им на выручку. Мадам де Буази снабдила их бельём, одеждой, деньгами и прочим. Она не могла дать много, но, как заметил Франциск, у апостолов не было и вовсе ничего.

С горячей благодарностью он дал священническое благословение своей матушке, которая, испытывая, вероятно, куда более глубокую сердечную муку и страх, чем упрямый отец, всё же одобряла, более того, радовалась и гордилась, что её мальчику предстоит столь возвышенно посвятить себя служению Божию.

Коли на то Его всесвятая воля, чтобы её обожаемый сын отдал свою жизнь ради обращения грешников, soit – что ж, пускай; она покоряется полностью. Опять, как в те дни, когда она оплакивала его золотистые кудри, звучат её слова: «Да будет имя Его святое благословенно!»

Был праздник Воздвижения Святого Креста, когда настоятель и каноник выехали в путь из Шато-де-Саль. Они шли пешком, без слуг, имея при себе лишь маленькие сумки с одеждой, Библией, breviарием и Белларминовыми «Контроверсиями».

После долгого дневного перехода они прибыли под вечер к крепости Алэнж в самом сердце Шаблэ, расположенной в шести милях от Тонона – столицы и оплота кальвинизма. Губернатором крепости был барон Д'Эрманс, имеющий под своим командованием отряд солдат-католиков. Он был верным приверженцем герцога Савойского и старым другом семейства де Саль; поэтому приветствовал он кузенов радушно и тепло. Франциск вручил ему два письма: одно от герцога Савойского, содержащее приказ заботиться о миссионерах и защищать их, а второе от епископа Женевского, главным образом на ту же тему, но с упоминанием их поимённо.

Д'Эрманс настаивал, чтобы прибывшие отдохнули, но они на следующее утро встали чуть свет и отслужили в часовенке мессу, после чего были готовы отправиться в Тонон.

«Давайте вы для начала осмотрите нашу крепость!» – сказал барон, провёл их всюду по цитадели и, показывая пушку, заметил: «Но это нам больше не понадобится, если вам, с

помощью Божией, удастся обратить еретиков. Гляньте на этот великолепный пейзаж! С террасы видно Женевское озеро, горы со снежными вершинами, плодородные долины. Прекрасно ведь?»

Франциск только глубоко вздохнул. Склонившись над парапетом, он с грустью озирает эту прекрасную землю, чья славная краса была испорчена признаками гонений: разрушенные церкви, сожжённые дотла пресвитерии и замки, опрокинутые кресты, вместо которых воздвигнуты виселицы, – повсюду запустение. Глядя на всё это с высоты, на которой он стоял, Франциск не мог удержать слёз при мысли о миллионах душ, ввергнутых во тьму раскола, отделившихся от Истинной Церкви.

В Шаблэ было семьдесят два прихода с 70.000 душ, католиков среди которых было лишь 100.

Равноапостольный праведник громко застонал и, закрыв лицо руками, горько плакал. Затем, обратившись к кузену Людовику, сказал: «Будем надеяться, что Бог в благости Своей благословит наш труд и что мы сможем отстроить Его святилища, вновь воздвигнуть Его алтари и собрать потерявшихся овец в истинное стадо». После чего он совещался с Д'Эрмансом о том, как лучше всего поступить.

«Есть два совершенно необходимых условия, – поведал ему барон, – вы каждый вечер должны возвращаться в крепость и не должны пытаться служить мессу в еретическом городе. Это повергнет ваши жизни бесполезному риску; вас наверняка побьют камнями или изрежут на кусочки. Так что нет, друзья мои; пока довольствуйтесь лишь проповеданием Слова Божия в Тононе и окрестностях. Мессу служите здесь или в церкви святого Мартина на том берегу Дранса – тамошняя деревушка всегда оставалась привержена вере. Ещё есть часовенка св. Бернарда ближе к озеру; она лежит в руинах, но мы её отстроим».

Кузены последовали мудрому совету и ежедневно на рассвете служили мессу в Шато д'Алэнж, а затем отправлялись в Тонон. В городе была лишь горстка католиков, а кальвинисты не слушали их. Притом, еретикам мало было игнорировать проповедников; они распускали всяческие клеветы на них, говоря, что то маги, колдуны и злодеи. И тем не менее, они упорно продолжали.

Франциск ходил, в основном, в Тонон, а Людовик – в окрестные деревни. Их не обескураживала малочисленность собранных ими общин, и они старались завоевать сердца людей всевозможными способами. Франциск пользовался своими юридическими и медицинскими познаниями, чтобы всячески помогать им, и всегда был готов прийти на выручку, но его доброта и благодушие лишь бесили их. Они даже грозились умертвить священников.

Слухи об этом дошли до ушей несчастного месьё де Буази. Он был в отчаянии. Его безрассудный сын наверняка погибнет, убитый этими головорезами! Он не мог больше этого выдержать: Франциск должен вернуться в Анси! Итак, отец направляет туда верного слугу с лошадью, чтобы доставить настоятеля обратно, хочет он того или нет.

Франциск отказался покинуть пост, но, сжалившись над обеспокоенным отцом, зная, что беспокойство это и душевное смятение коренятся в любви, которую тот питает к нему, настоятель отправил обратно каноника Людовика, чтобы он унял стариковские страхи, а заодно попросил денег и одежды, поскольку запасы их совсем подошли к концу.

Месьё де Буази был так же непреклонен, как и его сын. Он отказался выдать им хоть самое малейшее вспомоществование, полагая, что без средств от него они будут вынуждены, *bon gré, mal gré* – волей-неволей, отказаться от миссии.

Вновь на выручку приходит мадам де Буази, обещая Людовику сделать всё, что в её силах, дабы пособить дражайшему сыну. Она немедленно направляет надёжного гонца с деньгами, бельём и прочими предметами первой необходимости. Более того, зная, как взбодрило бы одинокого священника в его добровольном изгнании свидание с членом семейства, она послала его любимого брата Луи навестить его и пересказать все домашние новости.

Можно вообразить себе эту встречу и то, как рад был Франциск вновь увидеть любимого брата, ныне – галантного кавалера и элегантного придворного, вхожего ко двору герцога Немурского, стоявшего тогда в Анси. И всё же по сути Луи остался тем же, он был по-прежнему естественным, мягким, прямодушным, преданным, как всегда, своему праведному брату, счастливым от возможности побеседовать с ним.

Вот он рассказывает ему о Жане-Франсуа, как этот любитель колкостей и насмешек, обуздав ныне свой вспыльчивый нрав, готовится к принятию священного сана. Галуа и Бернар помогают постаревшему сеньору присматривать за обширными землями и великими владениями; а Жак, меньшей, решил стать рыцарем Ордена св. Иоанна Иерусалимского.

А ещё две сестры: Гаспарда, старшая, сделалась статной и трезвомыслящей девицей, а крошка Жанна, младшенькая, день за днём всё милее и благонравнее. Франциск некогда сам крестил свою сестрёнку и питал к этой девчурке как бы отеческую любовь наряду с братской.

Как, наверняка, ликовало любящее сердце кроткого святого, когда он выслушивал свежие новости из счастливого семейного круга и беседовал с Луи *à cœur ouvert* – по душам! Весьма воодушевила его весть о том, что матушка одобряет его труды и готова помогать в них, что отвага её неодолима, даже в условиях грозящей ему опасности. Ни разу не попросила она его вернуться домой. Она ясно понимала, что, положив руку на плуг, он обязан честью, не говоря уж о высших мотивах, продолжать работу, а она – делать всё возможное, чтобы ему помочь.

«Проповедуя в Шаблэ, – рассказывал Франциск впоследствии одной монахини-визитантке, – я жалел, что не обучился какому-нибудь ремеслу, ведь тогда я мог бы как-нибудь зарабатывать своими руками; но моего умишки хватало лишь на починку собственного платья. Однако правда и то, что в ту пору я не стоил никому и полушки,

ибо матушка снабжала меня всем необходимым, втайне присылая деньги и бельё из Шато-де-Саль».

ГЛАВА V. ВОИН КРЕСТА

Истина диковиннее вымысла, и если изложить в современном романе жуткие приключения Франциска Сальского и то, как он избегал «беды на волосок от смерти», большинство читателей пожмёт плечами, пробормотав: «Что за дичь! Сплошные натяжки! Абсурднее некуда!»

Интересно, рассказывал когда-нибудь ли на склоне лет святой епископ Женевский свои приключения монахиням-визитанткам? Позволяла ли ему это его скромность? Или он в святой простоте воздавал за всё славу Богу, рассматривая себя как простое орудие в руках Промысла?

Припоминал лишенья и труды,

Испытанные на море и суше.

Рассказывал, как я беды избег

На волосок от смерти. Как однажды

Я в плен попал...

... Говорил

О сказочных пещерах и пустынях,

Ущельях с пропастями и горах,

Вершинами касающихся неба.

(У. Шекспир. «Отелло», акт I, сцена III, пер. Б. Пастернака)

А они уподоблялись героине:

Рассказы занимали Дездемону,

И, отлучаясь по делам, она

Всегда старалась кончить их пораньше,

Чтоб вовремя вернуться и поймать

Утерянную нить повествованья.

(там же)

И чувствовали тогда, подобно ученикам в Эммаусе, безмолвные монахини, как горят в них сердца их (ср. Лк. 24:32) при слушании рассказа, ибо в скромном повествователе

они распознавали героя и святого. Они тоже во всём видели силу Божию, понимая, что именно Его милость и благодать ограждали Франциска. При этом они вполне отдавали должное отваге и терпению человека, столь ревностно сотрудничавшего с благодатью Божией.

Я даже не буду пытаться описать все многочисленные приключения Франциска Сальского. Когда я думаю о его жизни в Шаблэ, мне приходит на ум один стих из Евангелия от Иоанна – о жизнеописании нашего Преблагословенного Господа: «Многое и другое сотворил Иисус; но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг» (Ин. 21:25). На самом деле, даже задача дать хотя бы краткий отчёт о миссии в Шаблэ кажется мне непреодолимо трудной. Mais nous verrons. – Однако поглядим.

Давайте-ка продолжим *doucement, sans empressement* – потихоньку-полегоньку, как посоветовал бы сам Франциск, ибо он был всегдашним противником спешки и наставлял своих духовных чад и друзей братья за дело спокойно, а продвигаться вперёд медленно, но верно.

Эту свою любимую поговорку он сам применял в жизни, ибо именно посредством кротчайшего убеждения он пытался обращать угрюмых и упрямых кальвинистов. Брошюры, которые он писал во время миссии и поручал распространять в народе, дышат добротой и кротостью, в то же время ясно и определённо излагая истины католического вероучения. Еретики, хоть они и не ходили слушать его проповеди, читали эти книжицы просто из любопытства, но многие находили их столь убедительными, что у них возникало желание побольше узнать об учении, вызвавшем у них не только умственный, но и сердечный отклик. Таким образом, очень постепенно, по двое, по трое они приходили послушать рассуждения настоятеля и каноника.

Когда вести об отбивающихся от стада овцах дошли до слуха служителей, они ещё сильнее (если это было возможно) обозлились на священников и решили наслать на них убийц.

Они несколько раз нанимали головорезов, чтобы покушаться на их жизни, но в особенности – на Франциска, потому как полагали, что, как только его устроят, Людовик вернётся в Анси.

Де Саль многократно и при чудесных обстоятельствах избегал рук таких убийц, но 18 июля за дело взялись двое душегубов, что оказались отчаяннее и решительнее своих предшественников. Эти несчастные устроили на Франциска засаду в лесу. Друзья настоятеля слыхали, что жизнь его в опасности и уговаривали его провести ночь в Тононе, но он, вспомнив, что нужно срочно написать одно важное письмо, а относящиеся к нему бумаги остались в крепости, настоял на возвращении туда. «Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится» (Пс. 90:1), – ответил он на уговоры.

Таким образом, в сопровождении двух католиков и верного слуги, Жоржа Роллана, он тронулся в путь. Когда он добрался до подножия горы Монтань-де-Алэнж, душегубы

ринулись на него со шпагами в руках. Спутники бросились на защиту, обнажая оружие, но Франциск, подражая примеру Божественного Наставника, воскликнул: «Поднимите шпаги; я один пойду к этим людям, желающим отнять мою жизнь».

Идя навстречу, он глядел им прямо в лицо, слегка улыбаясь и кротко говоря с ними; и так благородна была его наружность, так спокойны и любезны манеры, что эти грубые мужланы пали к его стопам, моля о прощении, оправдываясь, уверяя, что виноваты во всём кальвинистские служители, заплатившие им за его убийство, но что в будущем они не только воздержатся от нападений на него, но будут верно ему служить.

Франциск с готовностью извинил их, пообещав запомнить их предложение и воспользоваться им, после чего вместе с товарищами продолжил путь к Шато д'Алэнж.

Стоило им добраться дотуда, как Жорж Роллан ринулся к губернатору и поведал ему о давешнем рискованном приключении. Д'Эрманс не на шутку встревожился и стал упрашивать Франциска брать с собой в дальнейшем при поездках в Тонон эскорт солдат – даже пятеро-шестеро послужат достаточной защитой, – но святой решительно отказался.

«Св. Павел и апостолы, – заявил он, – не нанимали солдат для защиты. Против врагов, куда более ужасающих, они прибегали лишь к мечу Слова Божия. Сим оружием они поражали бесов и успешно противостояли власти Римских императоров. Они восторжествовали над суетным философствованием и гордыней мирской, насадив веру Христову на развалинах язычества. Я желал бы следовать их примеру. Доверие к Богу стоит более легиона воинов, и если бы драгоценный Господь наш даровал мне милость пролить кровь на службе Его, то воистину было бы славным концом, да вот только я вовсе не достоин такового».

Губернатор не знал, что ответить на подобные рассуждения. В то же время он решил позаботиться о безопасности человека, вверенного его опеке, а потому тайно велел пяти-шести солдатам следовать за Франциском на отдалении, но держа его в поле зрения и находясь в готовности оборонить его в случае нападения.

Жорж Роллан не довольствовался этим распоряжением, а потому отправился в Шато-де-Саль, чтобы дать там отчёт месьё де Буази о последнем нападении на его сына и о безрассудстве Франциска, продолжающего рисковать жизнью. Добрый старик-сеньор пришёл в ужас как никогда. Он был убеждён, что сына убьют, если он ещё хоть сколько-нибудь промедлит в краю еретиков, очевидно ставших его заклятыми врагами. Он безоговорочно велел Франциску немедля возвратиться в Анси.

Франциск с тем же нарочным передал следующий ответ:

«ДОРОГОЙ И МНОГОЧТИМЫЙ БАТЮШКА!

Если бы Роллан был вам сыном, а не слугой, он не позволил себе трусости отступить и не поднимал бы такой шумихи по пустякам, едва вступив в бой. Конечно, еретики ненавидят нас и хотели бы от нас избавиться, но те, кто подвергают сомнению нашу

отвагу, вредят нам даже больше. Потому умоляю вас, батюшка, не относить моё упорство на счёт непослухания, но верить мне всегда и неизменно.

Ваш всепочтительный и покорный сын

Франсуа».

Это прямодушное и отважное письмо пришлось старому воину по нраву. Он оценил героическую отвагу сына. Ведь и сам он смотрел в лицо опасности и смерти с высоко поднятой головой и храбрым сердцем на службе у своего земного государя. Неустрашимость и стойкость Франциска Сальского восторжествовали над отцовскими тревогами. Месьё де Буази в итоге смирился с тем, что его сыну придётся рисковать под знаменем Креста.

С той поры старый солдат более не ворчал, не пытался уговорить Франциска оставить свою возвышенную миссию. Напротив, он поддерживал и ободрял его, вплоть до того, что давал приют в своём шато лишившимся крова обращённым.

Мадам де Буази радовалась великой радостью перемене в мужниных настроениях, и оба супруга вместе с детьми теперь объединились с тем, чтобы всячески помогать воину Креста.

ГЛАВА VI. АПОСТОЛ ШАБЛЭ

В 1595 году Франциск Сальский принял решение поселиться в Тононе. Обращения были столь редки, а труды – столь явно бесплодны, что пришла, показалось ему, пора предпринять более решительный образ действий и, оказавшись в самой твердыне кальвинизма, начать наступление по всем фронтам.

«Они изрежут вас на кусочки là-bas – там», – заверил его Д'Эрманс. «Куда лучше остаться здесь, где вы среди друзей. Да и о моих бедных солдатах подумайте! Они опять впадут в прежнее злонравие, если вы не останетесь здесь и не присмотрите за ними».

Франциск улыбнулся, но остался верен своему решению.

«Что же касается солдат, – ответил он, то они теперь хорошие христиане. Бог их защитит и наставит».

Франциск не просто покорила сердца этих грубых вояк; он сохранил жизнь их душам. Те, что были прежде известными по всему краю кощунниками, пьяницами, дуэлянтами и распутниками, стали ныне благочестивыми, тихими, богобоязненными мужами, живущими совместно в мире, любви и гармонии; они регулярно причащались св. Тайн, служа примером сдержанности и добродетели.

Преображение их свершилось благодаря нашему святому. Сердца солдат были тронуты его мягкостью и милосердием. В частности, один пожилой ветеран так расчувствовался от одной из его замечательнейших проповедей, что по окончании её разыскал Франциска, упросил выслушать и, бросившись к стопам святого, вскричал в отчаянии:

«Бог никогда не простит столь великого грешника! Нет мне надежды: преступления мои слишком многи и слишком ужасны!»

Франциск утешил его и успокоил, убедив совершить генеральную исповедь.

С рыданиями и стонами бедолага прошёл по длинному перечню грехов. Он не приступал к таинству покаяния с отрочества, а ныне был уже сед. За всю свою жизнь, проведённую без исповеди, он накопил множество грехов. Франциск отпустил их ему и дал за епитимию один «Отче наш» и одно «Радуйся, Мария».

«Вы что, отче?! – воскликнул изумлённый солдат. – Хотите мне погибели, раз даёте такую лёгкую епитимию? Подумайте о жутких грехах, что я вам только что исповедал; как мне их искупить?»

«Сын мой, – отвечал кроткий святой, – положитесь на милость Божию! Он пролил Свою Драгоценную Кровь за вас и за всех нас во отпущение грехов. Его милость превышает ваших беззаконий. Остаток вашей епитимии я исполню сам».

«Но так несправедливо, отче, – возразил честный простак, – ведь вы не при чём; я – виновник».

Более того, этот бравый солдат так проникся чувством вины и так тронут был кроткой добротой духовного отца, что через несколько недель пришёл к Франциску, чтобы сообщить ему об уходе со службы и намерении стать монахом-картезианцем. Он был убеждён в необходимости посвятить остаток жизни молитве и подвигу, дабы искупить свои многообразные прегрешения.

Так что с плачем и стоном (ср. Иез. 2:10) провожали brave солдаты своего возлюбленного отца, покидавшего Ситадель д'Алэнж, чтобы поселиться посреди врагов.

Он нашёл пристанище у одной почтенной дамы – мадам дю Фонг – вдовы бывшего прокуратора Шаблэ, старого друга семейства де Саль. Ещё живя в д'Алэнж, он обыкновенно столовался в её доме и укрывался там, чтобы поработать, подготовить проповедь. Естественно, она была счастлива принять его. Кальвинисты пришли в бешенство, прослышав, что этот ненавистный священник-папист в самом деле приехал жить в их собственном городе, оплоте их веры. Какая наглость! Однако они избавятся от этого вредителя раз и навсегда. В этот раз осечки не должно случиться; будь он даже колдун, ему не уйти от них.

В ту ночь свора фанатиков вторглась в дом мадам дю Фонг. Они осмотрели его от подвала до чердака, разыскивая Франциска Сальского, чтобы убить его. Он молился в своей комнате, когда услышал, как они врываются, перешёптываются и приглушёнными голосами изрыгают проклятья. Он тихо продолжал беседу с Богом, и хотя они вошли в его комнату и обшарили её, его не заметили. Иные авторы говорят, что Бог сделал его невидим для взора врагов (ср. аналогичный эпизод в «Житии св. Колумбана», гл. 20. <http://рускатолик.рф/columban/> – прим. пер.); иные утверждают, что он был укрыт в тайном закутке, подготовленном для него благочестивой вдовой.

В любом случае, они его не нашли и удалились, сыпля проклятиями и возглашая, что он ведьмак и в сговоре с дьяволом. А верные католики Тонона благодарили Бога, говоря: «Незачем нам отныне бояться волков, раз наш добрый пастырь с нами! Да сохранит его Бог от ловушек еретических!»

Теперь, обосновавшись среди своего стада, Франциск решил служить мессу ежедневно. Поскольку в Тононе это было пока невозможно, он каждое утро пересекал Дранс, чтобы вознести Святую Жертву в церкви св. Стефана близ деревеньки Марэн.

В январе 1596 года мост, соединявший берега реки, снес ужасный разлив, и перебраться на ту сторону можно было лишь ползком по доске. Вскоре она стала такой скользкой, что Франциск рисковал жизнью, когда перемещался по ней, подтягиваясь руками и цепляясь коленями, зависая над бездонной пропастью, оглушаемый рёвом потока. И всё же он проделывал это ежедневно, убеждённый, что никакое препятствие, пускай сколь угодно пугающее, не должно помешать ему служить мессу.

Он продолжал ходить в Марэн, пока прямо под Тононом на берегу озера не была закончена часовенка св. Бернарда Ментонского. С радостью и благодарением принял он это маленькое святилище, осласливленный возможностью часто в течение дня посещать Св. Тайны (выставляемые для поклонения. – прим. пер.), проповедовать, принимать исповеди и уделять Святое Причастие.

Рвение и неустрашимость Франциска Сальского, его самоотверженность и милосердие мало-помалу смягчили упрямых кальвинистов. Сравнивая его неутомимое терпение, неослабную деятельность, его явное бескорыстие с небрежностью, чёрствостью и алчностью их собственных служителей, они начали в итоге слушать его речи; затем, пересказывая друзьям и соседям эти учёные и красноречивые рассуждения, они убеждали последних присоединиться, а вскоре начались первые обращения. Франциск пробыл в Шаблэ уже более двух лет, а герцог Савойский не присылал ему ни денег, ни помощников. Без материнских посылок и поддержки кузена, каноника Людовика де Саля, он остался бы без гроша и в одиночестве.

Теперь, когда больше людей оказались готовы принять католическую веру, он срочно написал государю письмо, прося прислать священников и денег. Ещё он уговаривал его профинансировать открытие в Тононе коллегияума иезуитов или какого-нибудь другого монашеского ордена, а также забрать гражданскую власть из рук кальвинистов и передать её католикам.

Бог в эту пору чрезвычайно ободрял его, даруя дивную благодать при молитве. Душу его снедала любовь к Божественному Наставнику, и он чувствовал жгучее, неодолимое желание принести себя в жертву на служении Иисусу Христу и отдать жизнь ради обращения грешников. Некая могучая страсть овладела им, возвышая над землёй, наполняя душу пламенем Божественной Любви и своего рода священным безумием, требующим сделать для Бога решительно всё.

«Мне казалось, – записал он на клочке бумаги, найденном после его смерти, – что моё рвение обратилось в безумную одержимость Возлюбленным – Amor meus, furor meus (лат. «Моя любовь, моё безумие»).

«Est ce l'amour ou la fureur

Qui me presse, O Dieu de mon coeur.

Oui, mon Dieu, ce sont tous les deux

Car je brûle, quand je vous veux».

Любовь то иль на ярый бред похоже,

Что сердце мне томит, о милый Боже?

Да, Боже мой, тут вместе оба чувства –

Сгораю я, когда к тебе стремлюсь я.

<...>

Примерно в ту же пору отверг кальвинизм и примирился с Римской Церковью знаменитый адвокат Пьер Пусе, а позднее, 4 октября 1595 года, барон д'Аврийи торжественно отрёкся от своих заблуждений и был принят в Церковь Франциском. Он давно желал этого обращения.

Барон был человеком весьма влиятельным, многие колеблющиеся могли последовать за ним, увлечённые его примером. Сию милость Франциск Сальский обрёл как раз в день памяти св. Франциска Ассизского, возлюбленного своего покровителя. И до самого конца жизни он в сей праздник всякий раз торжественно отмечал то событие.

Рвение святого ещё усилилось, когда он получил письмо от своего старого духовника о. Поссевина, О.И. Этот прославленный иезуит, едва прибыв в Шамбери, письменно поздравил Франциска с успехом, коим, как он слышал, наконец увенчались его усилия, и предложил своё участие, если начальство позволит.

Не меньше утешения и ободрения доставили Франциску и подарки, присланные от епископа Женевы. В письме настоятелю он рассказывал, как он рад и доволен, называя его возлюбленным сыном, опорой своей старости, увещевая упорно продолжать своё славное предприятие с удвоенной отвагой, всегда памятуя слова Святого Писания:

«Воззвали праведные – и Господь услышал их, и от всех скорбей их избавил их. Близко Господь к сокрушённым сердцем и смиренных духом спасёт. Много скорбей у праведных – и от всех их избавит их Господь» (Пс. 33:17-19).

Франциск поторопился ответить на это благожелательное послание:

«Коли вы, монсеньёр, пожелаете узнать, – писал он, – обо всех препятствиях и гонениях, что мы испытали, и которые нам ещё явно предстоят, то вы найдёте их описание в известном послании св. Павла. Знаю, что не достоин сравниваться с этим

великим апостолом, но Господь наш знает, как обратить на пользу даже слабейшего из Своих слуг. Мы продвигаемся, но медленно, как калека, что едва может ходить. Да, монсеньёр, этот край – в параличе, и только по вашей искренней молитве ему может быть даровано исцеление. Я всего лишь убогий грешник, и совершенно недостоин тех милостей, что Бог уделил мне».

Когда новость об отказе барона д'Аврийи от ереси достигли Рима, папа Климент VIII направил специального посланника поздравить Франциска, а вскоре за тем передал ему своё пожелание, чтобы он предпринял попытку обратить Теодора Безу, кальвинистского корифея, проживавшего в Женеве и оказывавшего оттуда пагубное влияние на всех жителей края.

Климент VIII давно лелеял надежду убедить Безу отвергнуть заблуждения кальвинизма, зная, что сделай так, тысячи последовали бы его примеру. Отец Эспри-де-Бом, монах-капуцин, уговаривал папу поручить Франциску эту трудную миссию. Именно этот отец и прибыл в Тонон с папским декретом.

«Весть о великом успехе вашей миссии в Шаблэ, – писал Климент VIII, – преисполнила нас радости, и ныне мы просим исполнить со свойственным вам рвением и прилежанием задачу, о которой вам поведаёт отец Эспри. Это давно взлелеянная нами мысль, и мы знаем, что вы возьметесь за её осуществление с вашей обычной преданностью нам и Святому Престолу».

Франциск согласился. Он был уже готов отправиться в Женеву, чтобы переговорить со знаменитым ересиархом, как получил письмо от герцога Савойского, приказывавшее ему немедленно прибыть в Турин на обсуждение различных вопросов, упомянутых в письме, что он написал за несколько месяцев до того.

Франциск рассудил, что раз теперь Карл-Эммануил проявил наконец признаки заинтересованности в духовном и материальном благополучии Шаблэ, то нужно способствовать оному всеми возможными для него способами и уж точно не оставлять никаких препятствий на сем пути. Обращение целого народа, подумал он, имеет большую важность, чем переубеждение одного человека, неважно насколько могуществен и высокопоставлен он будет.

Он посоветовался с епископом Женевским, и этот мудрый и праведный прелат согласился с ним в том, что долг его состоит в том, чтобы немедленно отправляться ко двору в Турин, а беседы с Безой отложить.

ГЛАВА VII. ТРИУМФ КРЕСТА

Однажды студёным ноябрьским днём в год Господень 1596-й двое запоздалых путников медленно карабкались на вершину горы Мон-сен-Бернар. Их яростно хлестал густой снег, пронизывал буйный северный ветер. Но они упорно двигались выше и выше! Наконец силы почти окончательно покинули их, они больше не видели, куда идти. Ослеплённые снегом, оглушённые бураном, они могли лишь молиться о помощи и избавлении. Внезапно какой-то свет ослепил их. Да, он сиял из монастыря св. Бернарда! Постучавшись во врата, они немедленно были пущены внутрь. Заботливые

монахи оказали им сердечный приём. Для них растопили очаг, попотчевали их вволю, предоставили удобную постель. Наутро они вполне оправились. Монахи хотели удержать их, пока буран не уляжется, но Франциск Сальский настаивал на необходимости продолжить путь ко двору герцога Савойского в Турин.

Верный Роллан возражал; ведь монахи верно указывали на предстоящие путникам опасности. Однако святой был настроен решительно. Отслужив мессу и плотно позавтракав, он со слугой продолжил рискованной путешествие.

В Турин они прибыли благополучно. Карл-Эммануил принял настоятеля чрезвычайно радушно. Он созвал тайное совещание (причём на эту встречу был допущен папский нунций), на котором обсуждались различные вопросы относительно управления Шаблэ.

После нескольких собеседований, продолжительных разговоров и многих споров герцог наконец согласился дозволить восстановить старые приходы, вернуть Церкви собственность, открыть в Тононе иезуитский коллегийум, а в Анси – католическую книгопечатню. Также было решено направить в путешествие по герцогству восьмерых священников, чтобы они проповедовали и научали истинам веры, служили святую мессу, уделяли таинства и принимали обращённых в Церковь. Содержание, что прежде выплачивалось кальвинистским служителям, должно будет передать им. Тононскую церковь св. Ипполита нужно будет отремонтировать и вернуть католикам, да чтобы в дальнейшем лишь им дозволено было там свершать литургию.

Герцог наотрез отказался распорядиться потеснить протестантов и завершить передачу государственного управления от них католикам, но Франциск был вполне удовлетворён сделанными ему уступками. Он вернулся через перевал Малый Сен-Бернар в родные края и добрался до Шато-де-Саль без каких-либо неприятных приключений. Он провёл несколько дней в семье, но, стремясь воссоединиться со своей паствой, вскоре, лишь слегка передохнув, попрощался с родными и поспешил в Тонон. Католики встретили его с любовью и восторгом. Когда же они услышали доставленные им хорошие вести, ликование и благодарности их не было предела. Особенно им было по душе то, что церковь св. Ипполита была передана им в полное и исключительное распоряжение. Франциск сообщил им, что намерен служить в ней мессу на Рождество, для чего немедленно приступает к её ремонту.

Не теряя зря времени, он вскоре собрал строителей, готовых взяться за работу, но тут тлевшая до поры ярость еретиков вспыхнула во всю силу. Бешенство их не знало границ. Они бросались на него на улицах, грозились сжечь живьём, если будет упорствовать. На все их выпады и оскорбления святой отвечал с величайшим дружелюбием. Он не обратил ни малейшего внимания на их угрозы, но спокойно велел своим людям начать работы. Увидев это, кальвинисты выступили, вооружённые палками и прочими снарядами, а католики всю готовились защищать возлюбленного пастыря. Кровавая стычка была неизбежна, но Франциск вмешался.

В обычной спокойной и ясной манере он заговорил с возбуждённым сбродом, и при звуке его кроткого, хотя и твёрдого голоса, при виде его безмятежного и исполненного

достоинства лика смятение унялось, люди замерли под пристальным взглядом святого и разошлись по домам, а строители получили возможность продолжать работу.

На Рождество 1596 года полуночная месса совершалась в церкви св. Ипполита. Впервые более чем за шестьдесят лет здесь возносили Святую Жертву. Велико было воодушевление верных: они стеклись туда из всех окрестных деревень. Восемьсот человек приняли Святое Причастие из рук Франциска Сальского. Жители трёх деревень отказались от ереси.

Не только сами топонимы были благодетельствованы рвением и братской любовью святого апостола. Солдаты из полка графа де Мартиник, расквартированные тогда в городе, все были католиками, но также, как гарнизон в Д'Алэнже, они охладели и стали небрежны в исполнении предписаний своей веры.

Великим постом 1597 года святой читал проповеди в св. Ипполите. Заходили туда и солдаты, а в Страстную среду явились к Франциску en masse – все скопом и умоляли исповедовать их. Он исполнил просьбу и имел удовольствие уделить всем им Хлеб Жизни в Страстную четверг, Пятницу и в Пасхальное воскресенье. С того времени они переменились и стали другими людьми – образцом для прочих батальонов. Франциск составил устав духовной жизни, подходящий для воинов; они верно следовали его предписаниям, а вскоре его переняли офицеры и рядовые других подразделений.

Посреди этих тяжких трудов Франциск памятовал и о миссии, вверенной ему папой: попытаться обратить Теодора Безу. Похоже, время пришло. Святой отправился в Женеву, и на Пасху ему удалось переговорить со знаменитым ересиархом. «Женевский папа» – как величали Теодора – принял его обходительно, выслушал его доводы, проявил более-менее полное согласие с ними, обсудил ряд затруднительных вопросов и в итоге выразил готовность встретиться ещё раз.

Между апостолом Шаблэ и преемником Кальвина имели место ещё две встречи. Сердце Безы было тронуто, его совесть пробудилась (ведь в юности он был членом истинной Церкви), и уже казалось, что пламенное красноречие и ясные рассуждения св. Франциска Сальского берут верх. Но уж слишком «Женевский папа» любил власть и своё положение, чтобы пожертвовать званием главы кальвинистов ради того, чтобы стать рядовым подданным папы Римского. Он не смог смирить себя, не признался в ошибках, и вот, 22 октября 1602 года умер, как и жил, во тьме неверия. Говорят, в предсмертных муках он громко призывал какого-нибудь католического священника и проклинал друзей и единоверцев, отказывавшихся привести такового, обвиняя их в том, что они послужат причиной его гибели.

Франциску теперь помогал не только его кузен Людовик де Саль, но также отец Эспри-де-Бом, отец Шерубен-де-Морьен и отец Сонье, О.И. Наконец приблизилась жатва: множество обращений совершалось ежедневно, и ради того, чтобы укрепить веру и усилить рвение паствы, он решил, с согласия епископа, провести церемонию Сорокачасового поклонения Св. Дарам в Аннемасе.

Клод де Гранье был в восторге. Это было как раз то, что нужно. Он сделал всё, что было в его силах, дабы это богослужение совершилось, пообещав самому открыть его, отслужив Высокую архиерейскую литургию. Согласие дали также папский нунций и герцог Савойский. Более того, они щедро выделили большие суммы на покрытие расходов.

Было решено, что эта церемония – Quarant' Ores – должна начаться 7 сентября. Когда кальвинисты слышали эту новость, они сделали всё возможное, чтобы предотвратить затею; произошло несколько враждебных выступлений, опасались волнений.

Франциск Сальский, не утраченный ничем, вознамерился провести обряды при как можно большем стечении народа. Он решил пройти крестным ходом весь путь от Тонона до Аннемаса, расстояние между которыми составляло около двенадцати миль, и дабы впереди несли распятие.

Когда наступил назначенный день, он принёс Святую Жертву на прекрасном новом алтаре церкви св. Ипполита, уделил Святое Причастие множеству людей и стал собирать крестный ход. Однако оказалось несколько затруднительно найти, у кого хватило бы духу возглавить толпу, неся распятие – столь велик был страх, внушаемый еретиками. В этот критический миг Франциск обратился к Жоржу Роллану и предложил ему выступить передовым.

«Не бойся, – сказал он, ободрительно улыбаясь, – я буду подле тебя всю дорогу. Если причинят тебе какой вред, то причинят его и мне – умрём вместе».

Уладив приемлемым образом этот вопрос, они выступили в долгий путь, напевая литании и гимны. Франциск, в стихаре и епитрахили, замыкал ход, но по мере движения к толпе примкнуло такое множество верных савояров, что вскоре настоятель оказался в середине, а перед тем, как они достигли места назначения, он был ближе к передним рядам – столько тысяч влилось в толпу из окрестных мест.

Прибыли в Аннемас поздно вечером и после посещения церкви и лёгкого совместного ужина расположились на ночлег. На следующее утро досточтимый епископ Женевский отслужил Высокую мессу; многие приняли Святое Причастие; Св. Тайны пронесли ходом через город и затем поместили на алтарь для поклонения великому множеству верных душ. Франциск проповедовал несколько раз, и отцы Шерубен с Эспри также оживляли и усиливали общее рвение красноречивыми выступлениями.

Ближе к вечеру святой благословил прекрасный крест, который был установлен при Женевской дороге, как раз на том месте, где и раньше стоял такой же, но был снесён и разрушен еретиками.

С несказанным ликованием праведный прелат, настоятель, всё священство и люд пронесли крест в процессии от Аннемаса на место, предназначенное для установки, и Франциск разместил там же стихи собственного сочинения:

Ce n'est la pierre ni le bois

Que le Catholique adore;
Mais le Roi qui, mort en croix,
De son sang la croix honore.
Не деревьям, не камням
Воздаёт католик честь,
А Царю, Который Сам
Кровью освятил Свой крест.

Это изящное посвящение возымело на кальвинистов чудотворное действие.

«Наши служители гнусно обманывали нас! – восклицали они, – Они заявляли, что католики поклоняются древесине и камню, а всё наоборот: Господь наш Иисус Христос – вот Кому они поклоняются!» Вследствие чего свершилось великое множество обращений; многие приходили за наставлением и, убедившись в ошибочности кальвинизма, принимали Истинную Веру.

И вот, снова знамя Креста восторжествовало в Шаблэ; святыне образа были обратно воздвигнуты на свои места при скрещении дорог и на уличных перекрёстках, а Иисус Христос и Его Пресвятая Матерь опять взяли верх над землёй и сердцами людскими.

ГЛАВА VIII. БЕЛЫЙ КРЕСТ САВОЙИ

По возвращении в Тонон Франциск Сальский занялся укреплением веры обращённых; изысканием способов просветить тех, кто ещё пребывал во тьме неверия, и сопровождением благочестивых душ на их пути к небесам.

Хотя Франциск ненавидел и презирал ересь, еретиков он любил и был к ним внимателен; обращался с ними всегда с величайшей обходительностью и добротой, служа им всеми способами, называя дорогими братьями да возлюбленными земляками. Некоторые из миссионеров пеняли ему за такую кротость, говоря, что он слишком мягок и нетребователен и что ему никогда не убедить этих упрямец переменить свои мнения, если он не предпримет суровых мер. «Обрушьте на их головы самые суровые угрозы: адский пламень и вечное проклятие!» – со знанием дела советовали они. Франциск отвечал: «Не бывало так, чтобы я, переусердствовав с суровостью и жёсткостью к еретикам, не имел бы повода пожалеть о своей строгости. Вместо добра горькие слова и обвинения приносят только ожесточение и делают слушателей ещё упрямее. Я имел счастье обратить нескольких еретиков, но добился этого добротой и кротостью. Любовь и внимание имеют над душами куда больше власти, чем грубость и суровость. Любовь победительнее сильнейших доводов и убедительнейших доказательств».

Однажды он выбрал предметом своей речи слова из Евангелия от Матфея: «А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и

другую» (Мф. 5:39). Когда он окончил проповедь, какой-то кальвинист подошёл и обратился к нему перед всем собранием:

«Вот и чего ради вы только что сказали нам обратить левую щёку к тому, кто ударил нас по правой? Чтобы одна была не бледнее другой? Если я прямо сейчас ударю вас, последуете ли вы тому, чему учите? Ба! Да вы из тех, что «говорят и не делают!» (ср. Мф. 23:3)»

«Друг мой, – кротко ответил Франциск, – я в совершенстве знаю, что обязан делать, но не знаю, достанет ли мне на это отваги и крепости, ибо я всего лишь убогая тварь. Но всё же уповаю на благодать Божию, ибо она даёт крепость слабейшим. Однако, даже если бы я и не принял ваше оскорбление миролюбиво, Евангелие говорит вам в процитированном вами стихе: «всё, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте»».

«Но, – заметил кальвинист, – Христос не обратил другой щеки к слуге первосвященника, когда тот дал Ему оплеуху».

«Так что ж, вы желаете поместить нашего Господа среди тех, кто говорит и не делает?! – возразил Франциск, вспыхнув от праведного негодования, – Но ведь легко понять, почему Он тогда не подставил другой щеки – Он желал обратить человека, показав ему его неправоту. Позднее, во время Страстей, Он последовал сему совету, покорившись заушениям и ударам грубой солдатни, предав тело Своё мучителям на битьё и бичевание».

Кальвинист отступил; любезные и ясные ответ кроткого святого тронули его сердце. Многие из слушателей были так впечатлены, что умоляли Франциска наставить их в истинах столь возвышенного вероучения, а впоследствии были приняты им в лоно Церкви.

Чудо, которое апостол Шаблэ совершил примерно в эту же пору, также помогло привлечь множество душ в истинное стадо. Некая женщина, что жила в Фобур-Сен-Бон близ Тонона, наотрез отказывалась отречься от ереси, хотя постоянно посещала богослужения, внимательно слушала проповеди Франциска, а его самого уважала и чтילה. Притом все его доводы и уговоры явно оказывались тщетны; она упорствовала. У неё родился сын, и она день за днём всё откладывала его крещение. Дитя умерло. Обезумев от отчаяния и горя, она сама отнесла трупик на кладбище. По дороге туда ей встретился настоятель. Бросившись к его стопам, она молила восставить ей сына – хотя бы на несколько мгновений, лишь чтобы излить на него спасительных вод крещения. За то она обещала принять католическую веру.

Франциск был глубоко тронут. Его слёзы смешались с её слезами; и, преклонив на земле колени, он стал молиться над тельцем. Не успела окончиться его молитва и он ещё не встал с колен, как мальчик открыл глаза и застонал. Его крестили прямо на месте. Затем счастливая мать понесла его домой посреди всеобщего ликования. Он прожил два дня, и все, кто сомневался, могли удостовериться в чуде, увидев и потрогав

живое дитя. Более того, некоторых еретиков отец Шерубен даже призывал к тому, и они вместе со многими были приняты в Церковь.

Теперь жатва была поистине обильна. Наконец-то труды праведного апостола увенчались успехом. В 1598 году в Тононе был открыт иезуитский коллегиум. Ряд приходов пополнился ревностными священниками. Многие кальвинистские служители были вынуждены бежать в Берн и Женеву. Эти люди часто вызывали настоятеля и миссионеров на споры, но почти всегда отступались в последний момент, прикрывая свою трусость каким-нибудь пустяковым предлогом, а когда, оказавшись в безвыходном положении, всё же являлись на диспуты, всегда терпели поражение.

Большинство народа больше не верило им и их учению – по сути, большая часть жителей Шаблэ более не были овечками, отбившимися от стада, но стали добрыми, блюдущими предписания веры католиками.

2 мая 1598 года был подписан Вервенский договор, подаривший Европе мир. Согласно ему Франция обеспечила за Савойей бесспорное право на Шаблэ и Тернье.

Вновь над славными землями, граничащими с южным берегом озера Леман, взвилось знамя Белого креста – торжествующе и неустрашимо. Более не существовало угрозы того, что бернские протестанты отнимут эти земли у их законного суверена.

<...>

...Именно святой Франциск, ведомый Промыслом, послужил средством обращения жителей Шаблэ. В этом краю, где при приезде в 1594 году насчитывалась лишь сто католиков, теперь едва оставалось сотня кальвинистов. По некоторым оценкам, Франциск Сальский вместе с помощниками-миссионерами принял в Церковь около семидесяти двух тысяч человек.

ГЛАВА IX. ВОЗВРАЩЕНИЕ В РИМ

Клоду де Гранье приснился странный, пугающий сон. Ему привиделось, будто его вместе с паствой окружают волки. Он оказался совершенно один и едва ли смог бы защитить своё стадо, так что, несмотря на его усилия, несколько ягнят были похищены и сожраны лютыми хищниками. Завопив в ужасе «Au secours! au secours! – На помощь! на помощь!», он пробудился. Вбежал его келейник, ночевавший в соседней комнате. Прелат, трепеща, поведал ему о жутком ночном видении.

«Ох, что же мне делать?! – причитал он, – Я стар и немощен; я не в силах позаботиться о епархии. О Господи, если б я только мог убедить Франциска Сальского пойти ко мне в помощники и принять обязанности коадьютора!»

«А почему бы и нет? – полюбопытствовал келейник. – Сие на протяжении многих лет было вашим сокровенным желанием. Мы все хотели бы этого. Почему бы не написать ему и не попросить принять эту должность?»

Епископ провёл остаток ночи в молитве и сосредоточенном размышлении. Утром он принял своего племянника, генерального викария, его преподобие аббата де Сиссе,

кoмy изложил свои мысли. Благородный и бескорыстный священник вполне согласился с ним и, хотя сам вправе был ожидать назначения на это место, безоговорочно одобрил и, более того, настаивал на избрании Франциска Сальского.

Настоятеля позвали, и епископ, нежно обняв его, молил о помощи.

«Да с превеликой охотой! – воскликнул Франциск, не имевший ни малейшего представления о том, что от него требовалось. – Вы же знаете, монсеньёр, что я всегда беспредельно рад быть вам полезным».

«Дорогой сынок, – отвечал Клод де Гранье, – я бы хотел, чтобы ты стал моим коадьютором с правом наследования Женевской кафедры».

Услышав эти слова, настоятель покраснел, потупил взор и пришёл в крайнее замешательство.

«Монсеньёр, – сказал он, – я от трудов не отказываюсь. Вы же знаете, я готов посвятить вам жизнь и приложить все силы, чтобы помочь вам. Но должность! Нет, я не могу принять её; я слишком недостоин». Невзирая на упрасивания и мольбы досточтимого прелата, он настоял на своём отказе и вечером же возвратился в Шато-де-Саль.

У Клода де Гранье не выходила из головы мысль об этом назначении. Он снова и снова вызывал Франциска, даже приезжал к нему самолично, заручился поддержкой месьё и мадам де Буази, а также родственников и друзей святого. Тщетны были их уговоры. Франциск был как алмамент. Однако и Клод де Гранье проявлял не меньше упорства. Знать и клир епархии уговаривали настоятеля согласиться. Снова и снова владыка упрасивал настоятеля, ссылаясь на свой преклонный возраст и немощи, а также на крайнюю нужду в молодом и крепком помощнике.

Франциск глубоко вздохнул. «Смерти моей хотите, – сказал он епископу де Гранье, – коли подвергаете опасности высокого положения. Вы ведь не знаете меня, монсеньёр – я исполнен тщеславия и самомнения; у меня нет достаточно смирения, чтобы спасти свою душу на столь почтенном посту. Гордость погубит меня».

Епископ не унывал и продолжал упорствовать, несмотря на неудачи. Он направил в Шато-де-Саль аббата Критена, снабдив его указаниями, как довести дело до конца. Рано утром этот добрый священник попросил Франциска о встрече.

«Вам, должно быть, известно, – сказал он ему, – что наш возлюбленный епископ направил меня к вам, дабы я убедил вас принять должность коадьютора. Он уже многократно говорил с вами на эту тему, снарядил знатнейших людей епархии просить вас уступить его пожеланию, а вы всё упрямитесь! Осторожнее: вы противитесь Божией воле. Не один лишь епископ велит вам принять должность коадьютора, но и клир, и знать, и народ желают от вас сего поступка; они единодушно уверены, что вы – подходящий человек. Они выбрали вас, а глас народа – глас Божий. Мало того, вот патентная грамота от герцога Савойского, всемилостиво утверждающая ваше избрание, а также грамота от кардинала де Медичи, гласящая, что он будет чрезвычайно польщён возможностью ходатайствовать о вашем назначении перед Его

Святейшеством. Чего ж вам ещё? Разве всё это не является множеством знаков Божией воли на ваш счёт?»

Эта речь смутила и тронула Франциска. Он призадумался. С одной стороны, его ужасала мысль о епископстве, но, с другой стороны, и замыслам Провидения он противиться не хотел бы.

Он смолк на короткое время, погрузившись в думы. Затем, обратившись к аббату Критену, молвил:

«Съездим-ка в Торан, в церковь да отслужим по очереди мессу Святого Духа (торжественная месса, при которой особым образом испрашивают руководства у третьего Лица Св. Троицы. – прим. пер.), и попросим Утешителя просветить нас. Будем молить дражайшего нашего Господа вдохновить меня. Пойдёмте и будем сослужить друг другу».

Оба священника вознесли Священную Жертву с невиданным рвением – особенно Франциск, ибо казалось, что он вошёл в экстаз. Его взор был прикован к дарохранильнице, лицо озарялось пламенем Божественной любви.

По возвращении в Шато аббат спросил: «Итак, монсеньёр, какой ответ дал Бог на ваши молитвы?»

«Сообщите монсеньёру, – отвечал Франциск, – что я всё ещё страшусь ответственности, налагаемой той высокой должностью, на которую он желает меня возвести, но раз он приказывает, я подчиняюсь. Если из меня выйдет какой-нибудь толк, если я принесу хоть сколько-то пользы, то только благодаря его молитвам».

Стоит ли говорить, какую радость и признательность испытал досточтимый прелат и весь народ, узнав эти добрые вести. Договорились, что Франциск немедленно отправится в Рим, но прямо накануне отъезда он вдруг опасно заболел.

Одно время уже перестали надеяться, что он выживет. К телесным страданиям добавились куда более тяжкие терзания духовных мук. Снова его душа вверглась в самые глубины смятения и отчаяния. Его охватывало ужасное искушение и обуревали сомнения самого прискорбного рода. Впоследствии он поведал о природе этого искушения канонику Людовику де Салю, взяв с него обещание хранить то в строжайшей тайне. Его постигло сомнение в вероучении, в особенности – необычайное отвращение к идее о Реальном Присутствии.

Эти мучительные терзания души и тела изнурили его. Врачи заявили, что надежды на выздоровление нет. Они просили мадам де Буази, чтобы она сообщила сыну о крайней опасности и посоветовала ему подготовиться к смерти. Сердце любящей матери было разбито. И всё же посреди мрака сиял какой-то проблеск. У женщины было предчувствие, что Франциск ещё не «завершил свой бег» (ср. Вульг. 2 Тим. 4:7), что перед уходом в вечный покой ему предстоят ещё более великие дела на честь и славу Божию. Тем не менее, заключение врачей она сыну сообщила.

Франциск погрузился в пучину горечи и угрызений. Он решил, что недостаточно возместил подвигами грехи, которые считал невероятно гнусными и тяжкими. И он уже до окончания жизни более не получит возможности искупить свои злодеяния! В сердечном сокрушении он восклицал вместе с Давидом, оплакивавшим свои провинности:

«Помилуй меня, Господи, ибо я немощен; исцели меня, Господи, ибо кости мои потрясены...»

«Обратись, Господи, избавь душу мою, спаси меня ради милости Твоей, ибо в смерти нет памятования о Тебе: во гробе кто будет славить Тебя?»

Утомлен я воздыханиями моими: каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою» (Пс. 6:3-7).

Но спустя краткое время несчастье и скорбь уступили место упованию на Бога. Опять же воспользовавшись выражениями святого царя, он воскликнул:

«Услышал Господь и помиловал меня; Господь стал мне помощником.

...Да поёт славу Тебе душа моя и да не изнемогает. Господи, Боже мой! Вовеки буду уповать на Тебя» (Вульг. Пс. 29:11-13)

Мир, совершенный мир снизошёл на его измученную душу. Он часто повторял имена Иисуса и Марии. Его дух снова успокоился, искушения пропали – но не ранее, чем он, собравшись с силами, нашёл разрешение своего затруднения.

Мать была вдвойне заботлива и ласкова. Всё внимание, что опытнейшая сиделка могла бы уделить болящему, она устремила на дражайшего сына, да ещё окружив его самой преданной любовью. Франциск, следуя своему обычаю не просить ни о чём и ни от чего не отказываться, позволял ей ухаживать за ним, сколько её душе было угодно. Денно и ночью молилась она о его выздоровлении. С неменьшей настойчивостью осаждали небеса мольбами и епископ с народом. Внезапно горячка оставила Франциска. Он мирно уснул и в замечательно короткий срок вновь обрёл здоровье и силы.

Клода де Гранье так огорчила болезнь его «дорогого сына», что он тоже захворал, но как выздоровел Франциск, выздоровел и он.

В феврале 1599 года Франциск Сальский, аббат де Сиссе и верный Жорж Роллан пустились в путешествие в Рим.

Они пересекли Альпы и заехали в Турин, где переговорили с папским нунцием о делах Женевской епархии. Они рассчитывали встретить там Людовика де Саля и президента Фавра, но те уже проехали городом на юг.

Через несколько дней пути Франциска однажды сбросила лошадь – и сама упала на него. К счастью, он не пострадал, но вид имел жалкий – весь был покрыт грязью. Он поспешил в ближайшую гостиницу, чтобы почиститься и привести себя в порядок,

вошёл в комнату и стал сушить одежду у пылающего очага да греться, поскольку промёрз.

Внезапно в комнату ворвалась красавица и, приблизившись к нему с блестящими от страсти глазами и простёртыми к нему руками, воскликнула:

«О монсеньёр, нельзя увидеть вас и не влюбиться!»

Франциск покраснелся и потупил взор.

«Не опускайте взгляда, – взмолилась женщина, – но взгляните на меня и отзовитесь на мою страсть!»

«Покиньте комнату! – велел Франциск, подняв взгляд и возгоревшись праведным негодованием. – Прочь, несчастная!»

Нисколько не смутившись, она продолжала изъявлять свою любовь и восхищение в самых пылких выражениях, пожирая его глазами, пылавшими нечестивым желанием.

Франциск поднял руку, будто бы намереваясь ударить её, но она лишь рассмеялась и подошла ближе. Не оставалось ничего, кроме бегства, а потому, быстро добравшись до двери, святой помчался вниз, затем на улицу, где к счастью столкнулся с Жоржем Ролланом, несшим его саквояж, так что на следующем постоялом дворе он смог завершить прерванный туалет.

Наконец они добрались до Вечного города. Святой встретил там своего друга, президента Фавра, который ожидал его; они разместились в одной гостинице, расположенной близ церкви Сан-Сальваторе-ин-Лауро. Вместе они посетили базилику Св. Петра и простёрлись перед гробницей святого Апостола. 13 марта вместе с друзьями они отправились в Катакомбы. Аббат Сиссе потом рассказывал, что застиг там Франциска на коленях, обливающегося слезами. Удивлённый застать его в столь сумрачном и скорбном состоянии, аббат спросил святого, не получил ли тот худых вестей из дома. «Нет, – ответил Франциск, – но отчего ты удивляешься тому, что я проливаю слёзы? Здесь, среди гробниц мучеников, имевших счастье пролить кровь за веру, меньшее, что я могу, – это оплакивать своё ничтожество. О блаженные мученики! как завидую я вашей доле! Такой грешник, как я, не заслуживает мученического венца. Я не достоин милости Божией, а могу лишь смиряться в Присутствии Божиим да оплакивать свои злодеяния».

На следующий день Франциск Сальский и аббат де Сиссе были представлены папе кардиналом де Медичи. Его Высокопреосвященство отметил, что Франциск известен как Апостол Шаблэ и что герцог Савойский любит называть его так.

Климент VIII принял их с величайшим благоволением и выслушал, весьма удовлетворённо, рассказ Франциска об успехах католичества в Шаблэ.

Франциск представил Его Святейшеству прошения епископа Женевского. Одним из важнейших был запрос об отделении бенефициев от Ордена святых Маврикия и Лазаря (рыцарский орден Савойи и Италии, занимавшийся, в основном,

благотворительностью. – прим. пер.); другим – передача части десятин и доходов на увеличение крохотных жалований клира, а также на то, чтобы епископ смог содержать некоторое число священников, называемых канониками-богословами, чьей задачей было бы путешествовать по стране и наставлять народ.

Он просил о ряде послаблений для них ввиду дальности расстояний, что им придётся покрывать, и нищеты местных жителей. Ещё ходатайствовал о реформировании монастырей, дабы вернуть несколько орденов к строгому соблюдению их уставов, а также о том, чтобы уполномочить определённых прелатов производить расследования возникавших злоупотреблений, наказывать их и обращать общины к прежнему рвению.

Папа выслушал всё с любезной внимательностью, пообещав рассмотреть всё множество вопросов. Затем аббат де Сиссе просил Верховного Понтифика назначить Франциска Сальского коадьютором с правом наследования кафедры Женевы. Климент VIII принял эту просьбу благосклонно и, обратившись к Франциску, сказал: «Велика наша радость, сын мой, благодарение Всевышнему Богу за то, что Он призвал вас к епископскому служению. Будьте готовы к экзаменации в следующий понедельник – 22 марта».

Франциск отметил, что он, как савояр, наделён правом не держать экзамена. Папа согласился, но поведал, что желает не проверить его, а продемонстрировать его учёность. Франциск молитвой и постом подготовился к испытанию и в назначенный день явился в Ватикан.

Климент VIII восседал на престоле в окружении кардиналов, прелатов, среди блистательного и многолюдного двора. Он задал Франциску несколько сложных и трудноразрешимых вопросов. Затем его по самым тонким и деликатным темам экзаменовали кардиналы Борромео (Федерико, кузен св. Карла, один из персонажей романа А. Мандзони «Обручённые». – прим. пер.) и Боргезе, а также отец Беллармино (св. Роберт, пам. 17 сент.).

Папе столь по душе пришлись его ответы, его очаровательная непритязательная манера выражения, что, спустившись с престола, он приблизился и горячо обнял смиренного кандидата, громогласно воскликнув: «Пей, сын мой, воду из твоего водоема и текущую из твоего колодезя. Пусть разливаются источники твои широко и улицы отведывают вод твоих» (ср. Вульг. Прит. 5:15-16). Все присутствовавшие присоединились к поздравлениям Святого Отца.

Во время визита в Рим Франциск сдружился на всю жизнь с рядом самых выдающихся личностей своего времени, а среди них – с кардиналом Боргезе, ставшим впоследствии папой Павлом V; с кардиналом Баронием (дост. Цезарь, церковный историк), другом и сотрудником св. Филиппа Нери; с Беллармино, чьи многоучёные «Контроверсии» он всегда возил с собой; но лучшим другом его стал праведный Анчина (бл. Джованни Джовенале, учёный, ритор, композитор, пам. 30 авг.). Он тоже принадлежал числу ораторианцев и любил Франциска почти как нового Филиппа [Нери], видя между ними черты сходства: та же пылкая любовь к Богу, та же глубокая ревность о спасении душ.

Даже в выражении лица и манерах у них наблюдалось значительное подобие. Оба обладали той кроткой и нежной добротой и внимательностью, что так помогают завоевать любовь и доверие и представляют из себя верш совершенства [внутренних] сил; у обоих была неотразимая улыбка, мягкий приятный голос и духовная красота черт, что является плодом незамутнённой чистоты души. Потому и не удивительно, что вышеупомянутые двое преданных сынов св. Филиппа: Бароний и Анчина – восхищались его живым подобием и любили его. Анчина, навещая однажды Франциска, заметил ему с очаровательным прямодушием: «Друг мой, я куда счастливее сегодня, видя ваше подлинное смирение, нежели я был на том экзамене, видя вашу подлинную учёность!»

Впоследствии Анчина стал епископом Салуццо, его отравили, и он умер во цвете лет, о чём глубоко и искренне сожалели не только его близкие, но и весь христианский мир.

Франциск писал св. Иоанне-Франциске де Шанталь (пам. 12 авг.): «Монсеньёр епископ Салуццо – один из самых дорогих моих друзей и один из величайших слуг Бога и Его Церкви, каковых когда-либо видывал свет, – преставился недавно в лучший мир к невероятной скорби своей паствы».

Выдержка из другого письма, написанного приором Бельвилля епископу Анчина, показывает всю подлинность дружбы между двумя праведными прелатами:

«То, сколь велика любовь, питаемая Франциском Сальским к Вам, Преосвященный Владыко, проявляется в том, что говорит он о Вас с нежным и даже пылким чувством и не в силах обуздать сердечной радости при мысли о скорой встрече, когда он сможет встретить вас с миром и благостью».

Франциск получил звание епископа Никопольского; ему оставалось лишь получить буллу о своём назначении коадьютором Женевским. И он забыл попросить о ней! Он также позабыл выдать деньги в оплату за неё.

Когда ему попеняли за халатность, он ответил с лучезарной улыбкой: «У меня есть лучший в мире довод, чтобы не платить: у меня не осталось ни единого су».

«Но, – говорили ему, – друзья-то ваши не нищие и с превеликой даже радостью поддержат вас деньгами!» Он возражал со смехом: «Я не стану епископом за счёт своих друзей. Если Бог желает видеть меня среди князей Своей Церкви, буллу выпустят безо всякой платы».

Он оказался прав. Булла о назначении его епископом Никопольским и коадьютором Женевским была бесплатной.

25 марта он принял Святое Причастие из рук Верховного Понтифика, и сверхъестественный свет осиял его душу, а любовь и пыл преисполнили её. В Риме он провёл всего несколько дней. Он вознёс Святую Жертву в базилике св. Петра и после того напоследок имел беседу с папой. Климент VIII принял его благосклонно и сообщил, что готов дать согласие на все прошения епископа Женевского. Франциск, пав на колена, просил благословения, и папа, со слезами умиления и любви,

благословил своего возлюбленного сына, Франциска Сальского, обещал всегда помнить его в молитвах и увещал продолжать служение в том же ревностном и жертвенном духе.

31 марта 1599 года епископ Никопольский и аббат де Сиссе выехали из Вечного города, направляясь в дальнейшее путешествие на север.

ГЛАВА X. СВЯТАЯ ХИЖИНА

Столько благодати обрёл Франциск Сальский и такое беспримесное счастье испытал при посещении в 1591 году святой Хижины из Назарета, что чувствовал непреодолимое желание ещё раз преклонить колена пред этой святыней своей Царицы. Потому он провёл несколько дней в Лорето, пользуясь гостеприимством иезуитов, у которых там была обитель.

Отслужив святую мессу в Santa Casa, Франциск обновил свой обет посвящения души и тела на служение Иисусу и Марии. Он горячо поблагодарил Их за сообщённую ему благодать, а в частности – за то, что послужил орудием Промысла в деле обращения Шаблэ, каковая милость ему была дарована по заступничеству Пресвятой Богородицы.

Он провёл несколько часов перед святыней, проливая слёзы священной радости и охваченный упоением Божественной любви. Аббат де Сиссе хотел было увести его, но святой взмолился: «О, дорогой мой брат, умоляю тебя оставить меня тут хотя бы ещё на часок – я повторю все обещания, что дал Матери Божией в дни моей юности».

Когда же он наконец оторвался от созерцания святыни, душа его была исполнена небесного восторга, а лицо было как лицо ангела (ср. Деян. 6:15).

Они продолжили путь. В Милане, где им довелось провести несколько дней, Франциск раздобыл новоизданное «Житие св. Карла Борromeо». Он питал глубокое уважение и почтение к сему ревностному архипастырю и внимательно прочёл «Житие» с живейшим интересом. По приезде в Турин аббат де Сиссе отправился в Анси, а Франциск задержался, дабы обсудить с герцогом Савойским епархиальные дела. Карл-Эммануил принял его сердечно и вполне согласился с содержанием апостолического послания. Он пообещал сделать всё, что в его власти, дабы ускорить исполнение различных его положений. В частности, он помог в изъятии доходов у Рыцарей свв. Маврикия и Лазаря. Этот орден совершенно не желал делиться приобретённой им собственностью, хотя было совершенно ясно, что страна стала полностью католической и, соответственно, незачем поддерживать учреждения, основанные на предположении, что некоторые районы придерживаются кальвинизма. На самом деле доходные земли им были вверены в пользование лишь до поры восстановления веры, а они так рьяно удерживали за собой эту церковную собственность несмотря на постановления Святого Престола и указы герцога, что вопрос затянулся на два года до окончательного решения.

Покончив дела с герцогом, Франциск был готов двинуться в Анси. Непосредственно перед выездом он послал мадам де Буази очаровательное письмо следующего содержания:

«Пишу вам эти несколько строк, дражайшая и самая лучшая на свете матушка, прямо перед тем, как вскочить в седло и скакать в Шамбери. Прятать эту записку не нужно – я не против, коли батюшка увидит её. Благодарение Богу, прошло то время, когда он не позволял вам переписываться со мною и нам приходилось скрывать то, что мы слали друг другу письма утешения и ободрения. Vive Dieu! И всё-таки, дорогая матушка, я всегда вспоминаю ту пору с удовольствием и благодарностью, ибо тогда вы показали мне, как глубоко меня любите.

Бывайте счастливы и полны святой радости, дорогая матушка! Наконец заверяю вас, что ваш убогий сын в наилучшем здравии и с нетерпением ожидает скорой возможности увидеть вас и обнять. Останусь с вами, сколько смогу, будучи, как вы знаете,

всегда и неизменно ваш,

Франциск».

Когда он прибыл в Анси, епископ и народ встретили вернувшегося путешественника с теплом и воодушевлением, не только осчастливленные тем, что их возлюбленный друг снова среди них, но и в восторге от добрых вестей, доставленных им из Рима. Клод де Гранье пожелал было разделить с ним доходы от епархии, но Франциск отказался, сказав, что намерен лишь принять свою долю обязанностей и ответственности епископского служения, но не вознаграждения за него.

Он давно лелеял замысел добиться переноса епископской кафедры из Анси в Тонон, чтобы она находилась среди обращённых, но даже он нашёл невозможным преодолеть все трудности, встающие на пути исполнения этого предприятия.

Другой его замысел был более успешен; более того, увенчался полным триумфом. Он заключался в учреждении в Тононе конгрегации Оратория св. Филиппа Нери. Будучи в 1591 году в Вечном городе, он познакомился с Апостолом Рима. Они побеседовали лишь единожды, эти две святые души: одному было тогда лишь двадцать четыре года, он только начинал жить, всё ещё весь из себя кавалер, предназначенный к юридической карьере; второму исполнилось семьдесят шесть, и его дивный жизненный путь близился к концу. Святой обнял юного савояра с великой нежностью и приязнью, поцеловал в лоб и сказал, что ему суждено стать великим слугой Божиим и князем Церкви. Когда Франциск вновь посещал Рим, на него ещё более глубокое впечатление произвёл возвышенный дух, движимые коим сыны св. Филиппа Нери героически творили дела милосердия и с предельным усердием упражнялись в добродетели. Он предположил, что община светских священников, живущих вместе и следующих ораторианскому уставу, сослужат неоценимую службу для утверждения в вере великого множества обращённых в Шаблэ и для привлечения к истинной вере тех, кто ей ещё оставался ей чужд.

Франциск направил в Рим просьбу о разрешении открыть в Тононе Ораторий. Климент VIII радушно одобрил это предложение и в сентябре 1597 года выпустил буллу *Redemptoris et Salvatoris nostri*, по которой обитель и церковь Матери Божией

Сострадательной в Тононе закреплялись за Ораторием, действующим согласно уложениям римской конгрегации.

«Нашего возлюбленного сына Франциска Сальского мы назначаем её первым настоятелем, а кардинала Барония – первым протектором».

Впрочем, обитель стала известна и прославилась как «Святая хижина», потому что так её в обиходе именовал Франциск в память о своих посещениях Лорето. Она разделялась на четыре части. В первой находилась духовная семинария, которая состояла из префекта и семи священников. Они жили общиной, ежеутренне служили мессу, пели литургию часов по праздником первого класса и богородичным. В прочие дни они пели три последних малых часа, вечерню и комплеторий. Летом они вставали в четыре утра и каждый понедельник проводили собеседование по вопросам душевного состояния и литургической жизни, а по вторникам – о духовном и материальном распорядке обители. Они вместе трапезничали и по существу следовали уставу ораторианцев.

Вторая часть Святой хижины была отведена проповедникам и состояла в основном из отцов-капуцинов, что ходили по стране, возвещая и объясняя Слово Божие.

Третья часть была задумана как университет в подражание Болонскому и Перуджийскому. Первоначально его поместили под руководством иезуитов, позднее им управляли светские лица, но в итоге его передали барнабитам, которые и развили его наиболее успешным образом.

Четвёртое подразделение представляло смесь училища механики и технической школы. Здесь учили ремесленному мастерству, а беднякам оказывали поддержку. Тех обращённых, что не имели друзей и жилья, там принимали, давая кров и защиту.

С тем, чтобы укрепить веру новообращённых, Франциск Сальский издал книгу, озаглавленную «Знамя Креста». То был ответ на брошюру, выпущенную в 1593 году [кальвинистским] служителем Лафейем. В этой брошюре автор осыпал бранью и поношениями священный символ нашего спасения. Он прибег к самым непристойным и мерзостным словоизлияниям, надеясь таким образом побудить обращённых к отступничеству от католического вероучения.

Книга Франциска увидела свет в начале 1600 года. Она представила полное и совершенное опровержение Лафейевых нападок. По собственному выражению автора, цель его была в том, чтобы *defaire les dires* – разбить утверждения своего оппонента и вынудить его *ou à ruiner la raison et lui jurer inimitié* – либо отвергнуть разум и присягнуть о враждебности к нему, либо признать правоту многочисленных доказательств и доводов в поддержку почитания Святого Креста.

Этот труд, первую пробу пера, Франциск посвятил своему возлюбленному суверену Карлу-Эммануилу, герцогу Савойскому.

ГЛАВА XI. ГЕНРИХ НАВАРРСКИЙ

Карл-Эммануил, находясь в Париже, заключил с Генрихом IV мирное соглашение, по которому соглашался уступить королю маркизат Салуццо – область, захваченную во время Войны Комбрейской лиги (1508-1516 гг.) тогдашним главой Савойского дома. Со своей стороны король Франции передал ему провинцию Бресс и иные спорные территории. Генрих честно исполнил свою часть договора, но герцог Савойский в последний момент отказался сдавать Салуццо.

Он ожидал поддержки от Испании, поскольку перед тем присоединился к сговору с Филиппом II, имевшем целью расчленение Франции на независимые феодальные государства под протекторатом короля Испанского. Своё отказ он оправдывал тем, что на соглашение пошёл исключительно из страха, ожидая захвата и заточения в случае несогласия принять условия.

Король лично стал во главе своей армии, а в Савойю направил герцога Ледигьера (Франсуа де Бонн (1543 – 1626 гг.) — один из лучших полководцев Генриха Великого, последний коннетабль Франции) с его войсками. Они стремительно заняли провинцию и вскоре завоевали большую часть страны. Прочие войска под командованием маршала де Бирона (Шарль Арман де Гонто, герцог де Бирон (1562—1602 гг.) — главный маршал Франции и первый носитель этого звания) наступали на Бресс и скоро принудили его сдаться.

12 августа 1600 года король Франции и Наварры с триумфом вошёл в Шамбери. Жители Женевы и Берна ликовали о его победе. Они отправили к нему депутацию, предлагая присоединить свои войска к его, чтобы помочь в захвате Тернье и Шаблэ.

Их предложение было принято. Затем они просили короля провозгласить Нантский эдикт по всей завоёванной стране. Но Генрих, такой беспечный и *débonnaire* – благодушный, был также проницателен и смышлён; он разбирался в людях и вполне понимал их мотивы. Он знал, что, добившись для кальвинизма вольностей, женеvцы надеялись сокрушить католичество. По их мысли, обращённых было бы легко совратить и вовлечь в разрушение храмов и захват церковной собственности. Поэтому король ответил лишь, что обдумает этот вопрос.

Епископ Женевский, прослышав об этих *rougarlers* – переговорах между врагами его паствы и королём-победителем, весьма обеспокоился и встревожился. Он написал герцогу де Жуайёзу (Франсуа (1562-1615 гг.), кардинал), находившемуся в стане Его Величества, умоляя его использовать своё влияние на Генриха, дабы он отклонил то прошение.

Ещё не было принятого никакого определённого решения, и дело явно находилось в подвешенном состоянии, когда Франциск Сальский решил посетить короля, находившегося тогда в Шато-д'Анси.

Генрих Бурбон принял смиренного Апостола Шаблэ с величайшим уважением и почтением. Он держал в руках шляпу на протяжении всей беседы – знак благоговения, редко проявляемый монархами даже в отношении самых выдающихся особ. Франциск представил свою просьбу. Он молил Его Величества оставить без изменений всё, что

было сделано в Шаблезе и Тернье для католической веры. Генрих внимательно прочёл прошение и затем ответил:

«Ради любви к Богу и Святейшему Отцу нашему Папе, а также из почтения к вам, монсеньёр, так славно исполнившему свою миссию, ничего не поменяется. Плоды ваших трудов не будут уничтожены. То, что вы сотворили для католической веры, никому не позволено будет разрушить. Клянусь вам в том честью. *Foi de roi et j'y serai fidele au réril de mon sang* – Слово короля, и я сдержу его даже ценою крови».

<...>

Франциск пылко возблагодарил Бога и Богородицу за благополучный исход своего визита и доставил хорошие вести в Тонон. Встречали его овациями. Друзья и духовные чада были просто счастливы снова видеть *bon père* – батюшку в своём кругу. Насельники Святой хижины приветствовали его как дорогого и любящего отца. Они блестяще справлялись с делами, славно исполняли свою работу, но поступающие сведения несколько их беспокоили. Франциск ободрил их вместе со священниками коллегии и других приходов, что опасались, как бы не пришлось покинуть свою паству.

Женевцы попросили короля изгнать иезуитов. На это он дал решительный отказ. Напротив, он взял Орден под свою особую защиту, и, благодаря его милости, иезуиты оставались в безопасности. Более того, вся страна благоденствовала благодаря рвению, которое Генрих проявлял к опеке над духовенством, защите веры и поддержанию в армии такой строгой дисциплины, что произвол был исключён, а частная собственность не расхищалась.

При посредничестве папы и кардинала Альдобрандини в Лионе был подписан новый мирный договор между Францией и Савойей. Согласно ему король отказывался от претензий на маркизат Салуццо, а герцог обязывался выплатить 10000 экю, а также передать Франции Бресс, Бюже, Вальроме, бальяж Жекс и семь деревень на берегах Роны. С той поры католикам было позволено мирно жить по своей вере.

Дела в Тононе теперь обстояли настолько славно, что, когда Клод де Гранье пригласил Франциска проповедовать в Анси на время Великого поста 1601 года, префект Святой хижины понял, что сможет спокойно оставить её и Тонон, а потому с радостью принял приглашение. Новости о том, что отец опасно болен, застали его за подготовкой выступлений. Месьё де Буази был глубоким стариком, достигшим семидесятидевятилетнего возраста, а потому мало оставалось надежд на его выздоровление от серьёзного недуга. Франциск поспешил в Шато-де-Саль, где застал семью в глубочайшей печали. Месьё де Буази тяжело мучился, но был бодр и безропотен. Он совершил перед возлюбленным своим чадом Франциском генеральную исповедь; Святое причастие ему удалось принять трижды, и он изъявил в этом величайшее рвение, и возможность приобщиться Святой евхаристии из рук сына доставила ему особое удовлетворение. Увещания и советы святого он выслушал внимательно и с полным приятием.

Франциск не мог долго оставаться дома, поскольку обещал начать чтения в Анси и не вправе был разочаровывать людей. Месьё де Буази охотно согласился этим, ведь, будучи человеком чести, он вполне понимал, что Франциск должен держать слово, а потому поторапливал его с отъездом. Франциск нежно попрощался с дорогим родителем, преклонив колена, чтобы принять его благословение, а в ответ благословил умирающего по-священнически. Врачи утверждали, что непосредственной опасности нет и что по всей вероятности месьё де Буази переживёт Пасху, поэтому Франциск надеялся ещё увидеться с отцом: когда пост закончится, он будет волен вернуться домой.

К несчастью, медики ошиблись; месьё де Буази становилось всё хуже. Он принял Последние таинства; ему полегчало, и в течение нескольких дней казалось, что он, скорее всего, поправится. Затем опять ухудшение; снова его соборуют и предупреждают о приближении конца. При этой вести вспыхнул его старый воинский пыл. Кроме того, ему крайне огорчительно было видеть слёзы жены, дочерей и служанок, рыдавших вокруг его постели. Призвав второго сына, Галуа, он молвил:

«Сынок, ты ведь наследник мой, да притом перенял от меня отвагу – принеси-ка мне оружие да помоги подняться, дабы я умер стоя, со шпагой в руке! Негоже солдату, привыкшему на поле брани смотреть смерти в лицо, смиренно умирать в постели среди рыдающих женщин».

Вскоре, однако, ум его возвратился к помыслам о Господе нашем и жизни будущего века, так что, взяв в руки распятие, он благоговейно поцеловал его, а затем, возведя очи горе, горячо молился. Обратившись к жене и детям, он дал им благословение, посоветовал относиться к Франциску как к своему отцу, оказывая ему послушание и почтение. Он со всяческой серьёзностью заклинал детей быть матери утешением, любить, уважать, лелеять её. Затем душа его тихо, без мук, отошла.

Немедленно снарядили гонца, чтобы доставить в Анси печальные вести сыну покойного. Посланник нашёл Франциска в ризнице – он как раз собирался взойти на кафедру. Услышав новость, Франциск пал на колени, закрыл лицо ладонями и вступил в безмолвное общение с Богом. Затем, собравшись с духом и успокоившись, он вышел в собор и проповедовал с большим даже, чем обычно, красноречием и воодушевлением. Взяв темой своей речи евангельское чтение дня – смерть и воскресение Лазаря – он говорил ясным, твёрдым голосом, с большой выразительностью и без спешки. По завершении проповеди он сказал собранию:

«Друзья мои, мне только что стало известно, что моего возлюбленного отца больше нет. Он умер всего несколько часов назад. Все вы, я знаю, любили чтители его при жизни; не забывайте же о нём и в смерти. Прошу, помолитесь об упокоении его души и позвольте мне покинуть вас на несколько дней, чтобы я смог присутствовать на его похоронах».

Более он не мог сдерживать чувств и горько разрыдался, а собравшиеся люди присоединили свои слёзы к его слезам, ибо старого Сеньора весьма любили и уважали.

Посреди невзгод Франциск имел утешение узнать, что католическое благочестие было полностью восстановлено в бальяже Гайяр – маленькой области близ Тонона. Сохранялись, однако, препятствия на этом пути в Жексе. Женевцы надеялись, что терпима будет только кальвинистская вера и что Генрих IV воспретит свободно следовать предписаниям католичества. У них было много доводов, чтобы склонить его действовать именно таким образом. Дела были так запутаны, и казалось так вероятно, что женевцы преуспеют в достижении поставленной цели, что Франциск решил самолично поехать в Париж, дабы всё объяснить королю и просить у него такого же права свободы совести для его подданных в Жексе, каковое, согласно Нантскому эдикту, было гарантировано в прочих его владениях.

ГЛАВА XII. ПРИ ДВОРЕ ФРАНЦУЗСКОГО КОРОЛЯ

В начале семнадцатого столетия французский двор был одним из веселейших в Европе и уж точно самым блистательным.

Прекрасный порочный Париж был тогда, как и ныне, La Ville Lumière – Просвещённым городом, великолепным, смешливым, сиятельным, но с тёмными углами и грязными закоулками, где безраздельно царствовал порок, а убожество и нищета народа контрастировали с богатством и пышностью знати. Генрих Бурбон, король Франции и Наварры, делал, несомненно, всё возможное для улучшения положения низших слоёв. Он истинно и подлинно был другом бедняков. «Le seul roi dont le pauvre ait garde la mémoïge» (Один лишь король помнит о бедных). Когда он восклицал в искреннем гневе: «S'en prendre à mon peuple, c'est s'en prendre à moi!» (Кто обирает мой народ, обирает меня!), он не шутил; как и вполне серьёзно звучало его mot – крылатое выражение: «Si Dieu me donne de la vie, je ferai qu'il n'y aura pas de laboureur en mon royaume qui n'ait moyen d'avoir une poule dans son pot» (Если Бог даст мне ещё пожить, я позабочусь о том, чтобы в моем королевстве не было пахаря без средств приготовить курицу в горшке).

То был мудрый и справедливый правитель, победоносный полководец, великий государственный муж. Имея при себе всю жизнь преданного друга, герцога де Сюлли, который любил его любовью превыше любви женской (ср. 2 Цар. 1:26), подобно как Ионафан – Давида, который мог посоветовать, вразумить, а порой и обуздать его, Генрих стал одним из величайших и благодетельнейших государей в истории. При всех своих весёлых, шальных повадках и озорных манерах, он обладал острым, живым умом и быстрой смекалкой, а также был в замечательной мере наделён поистине царственным даром – умением разбираться в людях.

Впервые встретив Франциска Сальского в Анси, он почувствовал небывалую склонность к этому кроткому священнику. Теперь, когда Франциск оказался у него при дворе и встречи их участились, они вскоре стали близкими друзьями.

Однажды король сказал своему секретарю месьё Дезе: «Я погляжу, вы весьма сдружились с Женевским владыкой!» (Ибо хотя Франциск был всё ещё лишь коадьютором, король и весь двор величали его званием, по праву подобающим только епископу Женевскому). «Кого вы любите больше: священника или монарха?»

«Сир, – смущённо отозвался секретарь, – извините, если я чего-то не понимаю; вы – мой король и повелитель; а раз так, мой долг – любить и чтить вас более, чем кого-либо».

«Давайте не будем о долге! – отмахнулся Генрих. – Скажите честно, дав слово дворянина, кого из нас двоих вы на самом деле любите больше?»

«Сир, – отвечал месьё Дез, – я должен признать, что люблю и чтю Женевского владыку вне всякой меры, так что мне невозможно ни к кому другому быть привязанным сильнее».

Король добродушно рассмеялся. «В том нет для меня обиды, хороший мой Дез! – сказал он сердечно. – Только скажите ему, что я хотел бы стать третьим в вашей славной дружеской компании».

Ещё много в чём Генрих проявлял к Франциску Сальскому свою дружбу и восхищение. И всё же он не мог торопиться с решением вопроса по Жексу, с чем святой и приехал в Париж.

Генрих передал решение вопроса в руки своего министра Вильруа, а тот ставил всяческие препоны на пути благоприятного решения.

Тем не менее, время, проведённое Франциском в Париже, не было потрачено зря. За те шесть месяцев, что он был вынужден оставаться во французской столице, он оказал столь мощное влияние на всех, кто вступал с ним в общение, что они никогда потом не забывали его. До конца жизни они лелеяли воспоминания о нём и ежедневно благодарили Бога за духовные блага, полученные благодаря исполнению его советов.

Он обратил множество людей всех слоёв общества. Тех, кто вёл мирскую и безразличную к вере жизнь, он увещал исправиться. Ему едва хватало времени, чтобы передохнуть и подкрепиться. Он непрестанно проповедовал, наставлял, проведывал больных и, поскольку ревность придавала ему сил, в течение шести месяцев проделал работу, на выполнение какой у обычного человека ушла бы целая жизнь.

По просьбе Марии Люксембургской, герцогини де Меркёр, он читал великопостные проповеди при её дворе. Начал он в Пепельную среду. Через день-другой капелла уже не могла вместить всех слушателей. Послушать красноречивого проповедника приходили мужчины и женщины всякого рода и состояния. Усилия его были вознаграждены многочисленными обращениями. Католическую веру приняла даже одна из самых закоренелых и жестоковёрных гугенотов – графиня де Вердровиль. Она была широко известна, и её торжественное отречение от ереси вызвало определённое волнение не только в придворных кругах, но по всему королевству. Многие неопределившиеся и долгое время колебавшиеся последовали её примеру. Кардинал де Перрон мудро заметил: «Бог вручил Женевскому владыке ключи, что отпирают сердца. Если бы нужно было лишь переубедить еретиков, я бы сам переубедил столько, сколько угодно. Но обратить их?! Для того направляйте к ним Женевского владыку».

Не приходится и говорить, что Франциск Сальский, столь успешно выводивший души из тьмы заблуждения к полному свету истины, был точно так же успешен в деле утешения и ободрения святых душ, желавших достигнуть высот совершенства.

Среди его самых больших друзей была мадам Акари (бл. Варвара Акари (1566 – 1618), пам. 18 апреля); она часто исповедалась перед ним и обретала в его рассуждениях свет и благодать, необходимые ей, чтобы следовать своему возвышенному призванию.

Позднее она стала инокиней реформированного Кармелитского ордена под именем сестры Марии Воплощения и была беатифицирована Пием VII в 1791 году.

Франциск испытывал к ней великое почтение и нежную привязанность. Восемнадцать лет спустя он сказал одной кармелитке: «Всякий раз, помышляя о досточтимой матушке, я получаю духовное утешение. Я всегда испытывал большое уважение к её дивным добродетелям. Я отнюдь не смотрел на неё лишь как на своё духовное чадо, но скорее – как на избранный сосуд, посвящённый Святому Духу».

В то время окрепла ещё одна дружеская связь на всю жизнь – между Франциском Сальским и кардиналом де Берюлем (Пьер (1575-1629), духовник Генриха IV, богослов, мистик, родственник бл. Марии Воплощения. – прим. пер.). О нём Франциск часто говаривал, что то была одна из чистейших и искреннейших душ, что ему доводилось встречать. А праведный основатель Конгрегации Оратория со своей стороны глубоко восхищался нашим святым, поражённый его ровным нравом и мягкостью обращения.

Поистине, узнать Франциска значило полюбить его и проникнуться к нему уважением. К тому времени – 1600 году – он был во цвете лет, полный жизни и сил. Облачённый в чёрную сутану священника, с коротко стриженными светлыми волосами и добрыми голубыми глазами, с лучезарной улыбкой, с остриженной по кругу бородой (самым немодным образом), он переходил из дворца на чердак, из дворцов вельмож – в лачуги бедняков.

Куда бы он ни шёл, его кроткие, но при этом достойные манеры, его обходительность и учтивость, оставляли самое благоприятное впечатление. Он сеял доброе семя щедрой рукой, и оно принесло ему плод сторицей.

Король сказал как-то о нём: «Если бы я уже не был обращён, Женевский владыка наверняка убедил бы меня стать католиком». И добавил: «Женевский владыка определённо – как бы феникс среди прелатов. У всех остальных имеются слабые стороны. У одного это – низкое происхождение; другой не перегружен учёностью; иному недостаёт благочестия, но Женевский владыка обладает всеми этими тремя качествами в высшей степени. Он славного рода, редкой учёности и выдающегося благочестия».

Генриху хотелось удержать этот образец совершенства во Франции. По меньшей мере пять раз упрашивал он Франциска остаться, суля великолепные назначения.

«Останьтесь с нами, Женевский владыко! – просил он. – Я дам вам кафедру доходнее и куда более почётную должность, чем та, что вы занимаете под властью герцога Савойского».

«Сир, – отвечал Франциск, – умоляю Ваше Величество простить меня, ибо я должен отклонить ваше щедрое предложение. Я женат на бедной и не могу покинуть её ради богатой. Но если Ваше Величество питает ко мне какое-либо расположение, заклинаю вас помочь восстановить нашу веру и храмы в Жексе».

Генрих с охотностью удовлетворил бы его просьбу, но Вильяма по-прежнему ставил препоны на пути. Не имея возможности сразу же оказать испрошенную Франциском Сальским милость, король послал ему подарок. То был патент о назначении ему изрядной пенсии.

Наш святой оказался в крайне неловком положении. Он не желал обижать короля отказом, но и не мог принять этот дар, но со своей обычной находчивостью быстро подобрал нужные слова.

«Сир, – написал он, – Благодарю вас от всего сердца за великую любезность, оказываемую Вами моему недостойнству. Да, я с удовольствием принимаю безмерную щедрость Вашего Величества, но позвольте мне сообщить Вам, что в настоящее время я ума не приложу, что мне делать с пенсией, а потому прошу Вас позволить вашему казначею придержать её для меня до требования».

Этот ответ очаровал Генриха. Восхищённый более чем когда-либо этим «фениксом среди прелатов», он сделал всё возможное, чтобы ускорить решение вопроса с Жексом. Тем временем Франциска обвинили в участии в заговоре против монарха. Генрих только добродушно посмеялся, услышав эти обвинения. В письме к Франциску он заверил его:

«Женевский владыка, не трудитесь оправдываться – я никогда не подозревал вас, но не могу запретить глупцам распространять вздорные слухи и являться ко мне с глупыми рассказами».

Будучи в Париже, Франциск произносил речь в Нотр-Дам на церемонии погребения Филиппа-Эммануила Лотарингского, герцога де Меркёра.

Это было довольно щекотливое предприятие, поскольку в былые дни герцог был не просто ревностным сторонником, но одним из вождей Лиги и страшным врагом Генриха Бурбона. Как всегда тактичный, Франциск обошёл опасные темы и смог произнести яркий панегирик Филиппу-Эммануилу, не касаясь политики.

Беспокойные новости поступали из Савойи: Клод де Гранье был опасно болен и настаивал на скорейшем возвращении своего коадьютора, дабы возвести его в епископы. В таком затруднении Франциск снова обратился к королю, прося удовлетворить его просьбу. «Сир, – сказал он, – вы часто нам говорили, что являетесь большим католиком, чем наикатоличейший из ваших подданных, и что вы любите нашу веру даже сильнее, чем мы, в ней рождённые. Вы говорите, что не делаете

различия между гугенотами и католиками, а желание ваше в том, чтобы все были добрыми французами и согражданами. Почему же тогда вы не предоставите Жексу свободу совести, каковой пользуются всюду в прочих частях вашего королевства?»

Генрих со всем согласился, пообещал настоять на немедленном и благоприятном решении Вильруа и, наконец, с успехом преодолел сопротивление министра, ибо лишь он один служил причиной долгой задержки.

Барон де Лю, бывший губернатор Бургундии, а затем Жекса, был обвинён в участии в заговоре маршала де Бирона (том самом заговоре, к которому пытались приплести Франциска) и брошен в темницу.

Он попросил о Генриха о встрече и чистосердечно признал вину.

Король, любивший правдивых и прямых людей, великодушно простил его. Он не только легко извинил его, но и восстановил в прежней должности.

Направляя барона обратно в Бургундию губернатором, государь велел ему восстановить католическую веру в Жексе. Заодно он отдал под его защиту католических священников различных областей и дал Франциску Сальскому разрешение выбирать пастырей для воссоздаваемых приходов. Он лишь оговорил условие, чтобы они действовали благоразумно и тихо, чтобы не вызывать недовольства среди протестантов. То было не всё, о чём просил Франциск, но уже изрядно, и он вполне довольствовался достигнутым.

Кoadьютор попрощался со множеством друзей в беспечной столице, а с королём имел трогательную беседу.

Впоследствии Генрих, глубоко опечаленный его отъездом, заметил одному из придворных:

«Женевского владыку я высоко чту и нежно к нему привязан. Ему присущи все добродетели и ни единого порока. Я не встречал никого, столь способного вернуть духовенству его прежнюю славу. Он кроток, благодушен, смирен сердцем и уравновешен. Он глубоко набожен, но без манерности, совестлив, но не мелочно-щепетилен. Словом, это человек, лучше всех подходящий для дела искоренения ереси и восстановления католической веры».

Франциск направлялся в Савойю, и когда он достиг уже Лиона, до него дошла весть о смерти Клода де Гранье. Досточтимый епископ Женевский умер 17 сентября 1603 года. С великим благоговением приняв Последние таинства, он мирно почил.

Ему совершенно незачем было оставлять завещание. Перед смертью у него было всего шесть душ крепостных, а средств, вырученных от продажи его вещей и недвижимого имущества, еле-еле хватило на оплату его долгов. Он был добрый и великодушный человек, мудрый прелат и добрый друг. Франциск с давних лет любил его. Он глубоко прочувствовал эту смерть и на долгое время погрузился в печаль. Но дел предстояло много. Спешно продолжив путешествие, он вскоре прибыл в Жекс, где ненадолго

задержался. Ему удалось заново открыть пять приходов, назначив каноника Людовика де Салья приходским священником в городе Жексе. Людовик, столь же бескорыстный, как и его кузен, кротко, но решительно отказался от жалованья.

Вот так благополучно покончив дела в Жексе, Франциск проследовал в Шато-де-Саль, дабы подготовиться к хиротонии.

ГЛАВА XIII. КНЯЗЬ ЦЕРКВИ

Прибыв в Шато-де-Саль, Франциск Сальский перед тем, как удалиться в уединение, посвятил несколько дней семье, и то были дни столь необходимого для него отдыха, дни невыразимой радости для любящей матери и круга домашних. Прошло более шести месяцев с тех пор, как они все в последний раз собирались вместе, и у них накопилось много о чём поговорить и что обсудить. <...> Ведь Франциск был не из разряда строгих и печальных святых; он лучезарно улыбался, смеялся весело, обладал приятными манерами и тонким чувством юмора. <...>

Проведя эти несколько дней в полном любви общении, Франциск уехал, исполненный бодрости благодаря беседам с близкими и физически окрепший благодаря чистому воздуху родных гор, так что теперь он был готов «идти в пустыню», чтобы подготовиться молитвою, постом и созерцательным размышлением к приятию в полнейшей мере тех благословений и даров благодати, которые, как он уповал, Господь наш уделит ему при хиротонии.

Он послал в Тонон за о. Форье, О.И., дабы тот руководил им и направлял его во время его долгого двадцатидневного уединения.

Начал он с генеральной исповеди, а в дальнейшем проводил часы в молитве и созерцательном размышлении, строго постился и предавался суровейшим телесным подвигам. Он писал:

«Я решил любить Бога и служить Ему со всем пылом и рвением, на какие способен, дабы всю свою жизнь посвятить Его служению. Мне ведомо лишь одно желание – та самая священная страсть, которая подвигла людей к написанию столь великого множества благочестивых трудов, к возведению столь многих храмов, алтарей, обителей; словом, которая побудила столь многих слуг Божиих умереть в пламени любви, снедавшем их. Эта любовь есть любовь к Богу, и она превыше всего. Посему да пребуду я всегда в Его Божественном Присутствии, дабы любить Его всё больше и больше. Я томлюсь по тому блаженному дню, когда навек соединюсь с Ним, а чтобы помочь себе на сем пути и укрепить себя для достижения сей желанной цели, я постановляю следующее:

1. Относительно одежды и внешнего вида.

Я не буду носить роскошных одеяний, дорогих перчаток – шёлковых или надушенных, но буду заказывать платье хорошего покроя, опрятное и неброское, подобающее моему сану. На людях буду носить мантию, и роккетто, и биретту. Фашью можно носить и

шёлковую (но не из дорогого сорта шёлка), а к ней привязывать чётки. Бороду буду носить окладистую, а не заострённую, и не просто усы.

2. Домашнее хозяйство.

Я не буду держать свиты. Двое священников: один – помогать при богослужении; другой – в качестве секретаря. Они должны будут одеваться на римский лад, либо как священники в Миланской семинарии, дешёвизны ради. У меня будет *valet de chambre* – камердинер, дворецкий, кухарь и лакей. Умеренные трапезы: обед – в 10 утра, ужин – в 6 вечера. Во время первой части трапезы будет читаться какая-нибудь священная книга, во время второй – идти беседа.

3. Милостыня.

Прилюдно буду раздавать милостыню в то же время, что и прежний епископ, – для благого примера; тайно буду подавать милостыню, как Бог вдохновит.

4. Богопочитание (Devotions).

По воскресеньям и праздникам я буду посещать все богослужения в кафедральном соборе, а собрания братств Святого Креста, Св. Тайн, Розария и Опоясания (члены братств опоясания носили пояс или шнур-цингулум в честь какого-либо святого. – прим. пер.) – настолько часто, насколько будет возможно, и буду стараться лично причащать братчиков. Мессу буду служить ежедневно в 9 утра, посвящая время с семи до девяти чтению и занятиям, проведя предварительно час в созерцательном размышлении. Ежедневно после ужина буду читать благочестивые книги, а исповеди принимать несколько раз в неделю. Ежегодно буду удаляться в уединение на восемь дней.

5. Посты.

Помимо обычных предписываемых Церковью постных дней, буду поститься каждую пятницу и субботу, а также накануне всех богородичных праздников (имеется в виду не просто воздержание от мясного и молочного, а пост в изначальном смысле, т.е. отказ от пищи (полностью или до вечера). – прим. пер.).

Несколько позднее, в письме к архиепископу Буржскому он сообщает: «Делая набросок правила жизни, я хотел более-менее чётко распределить время, но никогда не испытываю колебаний, если требуется изменить расписание ради удобства других. Дела в епархии не прибывают волнами, а текут сплошными потоками; у меня совсем мало досуга ввиду того, что люди являются за советом толпами. Ещё приходится вести обширную переписку по духовным вопросам. Не могу и пренебречь душами, что обращаются за помощью, так что часто принуждён оставлять занятия и размышления, переменять часы трапезы – но оно к лучшему. Ведь священная вольность – это именно то, чего желает Господь наш: Он хочет, чтобы мы любили Его без принуждения. *Amor meus, pondus meum*. (См. Св. Августин. Исповедь. XIII.IX.10: «Вес тянет не только вниз, он тянет к своему месту. Огонь стремится вверх, камень вниз... Моя тяжесть – это любовь

моя...»). Шато-де-Саль оказался идеальным местом для уединения; он больше походил на монастырь, чем на замок знатного вельможи: так там было тихо, так покойно».

Все члены этого счастливого семейства жили вместе в любви и гармонии. Тёща с невестками, невестки с деверьями – все объединились, проникнувшись взаимной симпатией, всегда готовые угодить друг другу и помочь. Поистине, то было обиталище нежности и доброты, где царствовало благочестие и добродетель.

Позднее Франциск Сальский писал мадам де Шанталь: «Здесь, с матушкой и всем семейством я совершенно счастлив. Вы были бы очарованы, увидев наше полное единение. Благодарение Богу, у нас тут, так сказать, одно сердце и одна душа, ибо все мы ищем лишь славы Божией».

Мадам де Буази была главной движущей силой, душой дома. Эта удивительная мать не упускала ничего, что способствовало бы укоренению добродетели в домашнем кругу, а для того совещалась с сыном по всякому вопросу. Он был её духовником и руководителем; она видела в нём ангела-хранителя рода де Саль. Она благоговейно следовала его указаниями, часто в письмах спрашивала его совета, и, по сути, именно для неё он по большей части написал большую часть наставлений, содержащихся в «Introduction à la Vie Dévote» (в пер. свт. Феофана Затворника: «Руководство к благочестивой жизни»).

Вот так, мирно, среди близких проводил Франциск дни своей подготовки. Вдали от людской суеты он мог возносить своё сердце к Богу и внимать внушениям Святого Духа. Мадам де Буази тоже удалилась в уединение, где молила Бога пролить высшие из Своих благословений на её дражайшего сына. Вместе с дочерьми она приложила уйму трудов на украшение приходской церкви в Торане; прекрасные гобелены покрывали стены; охапки редких и диковинных цветов окружали алтарь. Напротив хора разместился геральдический герб дома ла Салей, увенчанный митрой, золотым крестом и зелёной шляпой (эмблема епископства. – прим. пер.) с подписью «Après de longues années, le ciel» – «После долгих лет – небеса».

8 декабря 1602 года в старой серой церкви Торана Франциск Сальский был возведён в сан в князя-епископа Женевы. В той же самой церкви 22 апреля 1567 года он принял святое крещение, будучи однодневным младенцем. Рукополагал его Веспасиан Гримальди, архиепископ Венский, проживающий в Дофине. Этот досточтимый прелат к той поре уже пятнадцать лет жил на покое в Эвиане на берегу Женевского озера, посвятив себя благотворительности и научным занятиям. Ему сослужил Тома Попель, епископ Сен-Поль-Труа-Шато, и Жак Мэтре, епископ Дамаскский.

Во время обряда лицо Франциска пылало огнём Божественной любви; более того, чувства так переполняли его, что он впал в бессознательное состояние, не в силах выдержать пламени, снедавшего его душу. Впоследствии он рассказывал, что от внешнего знака хиротонии ясно и отчётливо ощутил тогда действие Святой Троицы в душе. При наложении рук он приял дары Святого Духа; при намащении головы – достоинство представлять Христа на земле. Когда на его рамена возложили Завет, ему была вверена миссия проповедовать Слово Божие; при освящении рук – власть

рукополагать священников, благословлять верных и распоряжаться ключами Царства небесного, дабы вязать и решить.

Когда на его голову поместили митру, он ощутил, что ему надлежит приглядывать за своими чувства с величайшим тщанием и что он призван объяснять и толковать Ветхий и Новый Завет. Перчатки знаменовали обязанность творить благие дела; кольцо означало обязательство верности своей кафедре и, наконец, крест запечатлел на нём долг поддерживать слабых, увещевать грешников и обращать еретиков. Он говорил, что узрел тогда (или ему снилось, что зрится), как бы в видении, таинственном, чудесном, Богородицу и свв. Петра с Павлом, что помогли ему на каждом этапе обряда.

Перед поездкой в Анси, где ему предстояло принять кафедру, Франциск провёл ещё несколько дней в Шато-де-Саль. Его въезд в город стал – без его на то желания – триумфальным. Знать из всех окрестностей и четверо государевых советников встретили его за стенами и сопровождали до церкви Нотр-Дам-де-Компасьон (Богоматери Сострадательной), где его ожидало духовенство и народ. Там, одетый в епископское облачение, он какое-то время молился перед алтарём.

Некоторое время спустя началась процессия; монашеские ордены и белое духовенство шествовали впереди; затем шёл Франциск Сальский, за которым двигалась безмерная толпа людей всякого звания. Прибыв к собору, святитель вступил внутрь, простёрся перед дарохранильницей, поцеловал алтарь, а затем, воссев на епископский престол, был вынужден выслушать похвальное слово своим добродетелям, зачитанное доктором Нувелле. Наконец, после пения *Te Deum* (Тебя, Бога, славим), святой уделил всем благословение, и духовенство с народом разошлись по домам: кто по узким средневековым улицам, кто странными тёмными проходами, что пронизывали дома либо пролегали под ними.

Анси тогдашний был, вероятно, был очень похож на нынешний... <...> Столь же прекрасны, как и теперь, было озеро и вечные вершины... Наверняка Франциск, как и мы сейчас, мог наблюдать ласкающее взор зрелище многоцветных гор с белыми деревеньками и стройными шпилями церквей у подножий. Где-то там вдали находится Таллуар со старинным бенедиктинским аббатством и Ментон, где родился св. Бернارد Ментонский. Там же проживал и его наставник св. Герман – в скиту, оказавшемся почти на самой вершине горы Дё-де-Ляфон. Франциск Сальский распорядился перенести мощи св. Германа из нефа и поместить под главным алтарём церкви, которую наш святой отстроил и богато украсил в честь святого аввы.

Проповедав многочисленным слушателям и почтив мощи отшельника одиннадцатого столетия, епископ века семнадцатого, вдохновлённый тем же влечением к созерцательной жизни, той же любовью к уединению и безмолвию, воскликнул находившимся рядом: «Вот бы мне, право, найти тут покой! Если бы то угодно было Богу, я бы охотно оставил тяготы дня и зной (ср. Мф. 20:12) своему коадьютору, а сам в сем уединении служил Богу и Его Церкви чётками, breviарием да пером». Затем, отворив окно, из которого открывался вид на город Анси и одноименное озеро, любуясь красой окружающей местности, он продолжил: «Что за восхитительное

зрелище! Здесь возвышенные и прекрасные помыслы могли бы нисходить на душу столь же обильно, как снег на землю зимой».

Тогда, в четырнадцатый день темнейшего и мрачнейшего месяца, в год Господень 1602 снег, будем надеяться, не шёл; наверняка нет – ведь старинные хроники не упоминают о нём.

Была суббота, ибо Франциск пожелал начать новую жизнь в день, посвящённый Пресвятой Деве. Легко представить, как он к вечеру входит в свой новый дом, как закатное солнце золотит таинственным светом прозрачные воды озера и постепенно погружается в мягкую тень, уступая красе ясной ночи. Холмы вокруг темнеют и словно бы подступают всё ближе, огни в городе загораются и мерцают, а Франциск Сальский в своей укромной молельне, «забытый миром и о мире позабыв» (Александр Поуп. Элоиза Абеляру. – прим. пер.), предаётся молитве и созерцанию, давая своей душе отдохнуть в любящем Сердце Спасителя.

ГЛАВА XIV. КОМНАТА ФРАНЦИСКА

Франциск Сальский не стал тратить времени на приведение дома в порядок. Следуя правилам поведения, составленным для себя во время уединения, он обустроил домохозяйство на монастырский лад – с чётким расписанием и распорядком.

Хотя доход его был мал, он попытался навести некоторый лоск во внешнем убранстве, поскольку желал держать на должном уровне образ князя-епископа Женевского. Его лакей носил простую ливрею из светло-коричневой ткани с лиловой каймой. Комнаты, предназначенные для приёма посетителей, были со вкусом обставлены и красиво отделаны. Их он и называл «хоромами князя-епископа». Его же собственная комната, наоборот, была мала и обставлена проще некуда: кровать, стол, пара стульев, никаких ковров, конторка и несколько любимых книг. «Я обязан быть епископом Женевским на людях, – говорил он, – но наедине с собой я буду Франциском Сальским».

Среди его книг были: «Брань духовная» Скруполи – старый друг, ведь в былые дни в Париже и Падуе он всегда носил этот томик с собой; Белларминовы «Контроверсии» -- ещё одна особо любимая вещь, откуда он черпал как познания, так и силы в пору своей миссии в Шаблэ; «Исповедь» св. Августина; «Духовные письма» Иоанна Авильского – просто чудесная книга, исполненная мистического богословия; «Житие св. Карла Борромео», одного из его личных святых покровителей, возвышенный пример которого он взял себе для подражания; «Письма» св. Иеронима; «Духовные упражнения» св. Игнатия. Прежде, когда он жил в Падуе, его духовник о. Поссевин, О.И., наставил его в 1587 году в игнатианском методе созерцательного размышления. Он всегда был привержен этому действенному и красивому способу умственной молитвы, хотя и несколько изменил его соответственно собственному характеру и нуждам духовных чад, как мы видим во «Введении в благочестивую жизнь». Конечно, он как сокровище ценил Ветхий и Новый Завет и «Подражание Христу»; более того, знал их наизусть – так часто читал их и раздумывал над ними.

Именно в этой комнатухе и нужно представлять его: молящегося, размышляющего, читающего, пишущего. Он называл её «комнатой Франциска». В ней он писал свои очаровательные и поучительные письма к великому множеству друзей – те «Письма», что внушают такое восхищение, так полны пылко-го благоговения, изящества, сердечности; которые он, однако, нет-нет да и разбавит малостью болтовни, тонкой остротой, язвительным замечанием, и это выявляет, несмотря ни на что, его искреннюю простоту, прибавляя переписке очарования.

Он говорит: «Душа моя по большей части убога и слаба, но к друзьям я питаю безмерное и прочное расположение. Кто попытается посоперничать со мной в дружбе, должен серьёзно решиться – ведь я не пощажу усилий. Ни у кого не найдётся в сердце больше привязанности и нежности к друзьям, чем у меня; никто же и не переживает так остро разлуку с ними. Таким уж угодно было Господу нашему меня сотворить. Ближних я люблю чрезвычайно, а ещё больше – желаю их любить. О! когда же все мы исполнимся кротости и братской любви к ближним? Я отдал им всё своё существо, свои средства, свои чувства, чтобы они могли послужить им на всякую потребу».

В этой комнате он писал указания и наставления мадам де Шармуази. Впоследствии они разовьются в его шедевр «Благочестивая жизнь» – дивное произведение, в котором он становится всем для всех (ср. 1 Кор. 9:22). Он как бы стоит при дороге, указывая всем прохожим направление к небесам. Он сглаживает ухабы, что страшат робких; уговаривает нас запастись терпением, особенно в отношении нас самих и наших недостатков. Читая, чувствуешь, как Франциск говорит с тобой, советует и помогает. Так прост и мощен язык книги, так ясен и красив её стиль, что устремляется прямо в сердце, помогая в трудностях, сглаживая путь, проникая в самые глубины души, уделяя всем и каждому именно тот совет и утешение, что соответствует индивидуальному нраву. «Господи, Ты знаешь, из какой персти сотворил нас» (Ср. «Молитвы о больных и умирающих» в *A Manual of Prayers for the Use of the Catholic Laity: Prepared and Published by Order of the Third Plenary Council of Baltimore. New York: Catholic Publication Society, 1888.* – прим. пер.), и Женевский святитель, подобно своему Божественному Наставнику, конечно, тоже знает сомнения и смущения, тревоги и соблазны, что рвут и терзают наши сердца, затемняя красоту Божественного Присутствия и отдавая нас в добычу миру, плоти и дьяволу.

Как и Божественный Наставник, епископ Женевский нежно любил маленьких. Одним из первых его деяний было открытие воскресных школ в Анси. По большей части он сам учил юное племя, и дети любили его и почитали, следуя за ним, куда бы он ни направлялся, точно как в былые дни их родители ходили за ним, когда он был мальчиком, товарищем их. Теперь на князя-епископа наседали младшее поколение, не слишком с ним церемонясь. Взрослые выговаривали им, а он отвечал словами Господа нашего: «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное» (Мф. 19:14). Его катехетические занятия в Анси оказались так успешны, что вскоре он завёл их по всей епархии.

Ему стоило уймы хлопот отобрать благочестивых и ревностных пастырей для разных приходов, ибо он никогда не назначал священника, не подвергнув его строгой

экзаменовке со стороны какого-нибудь сведущего клирика. Для своей епархии он составил требник на основе Римской литургии. Ещё он написал книгу наставлений для духовенства, озаглавленную «Avertissement aux Confesseurs» – «Вниманию духовников». По этой книжечке усердно учились и повсеместно читали её во Франции и Италии.

Пришлось ему похлопотать и пытаться преобразовать аббатство св. Сикста – августинский монастырь в Фонтиньи. Обитель впала в такую расслабленность, что даже аббат толком не знал, обязан ли он соблюдать устав ордена – то есть, номинальный он или всё-таки предписанный. Легко представить, что под управлением такого человека несчастные монахи совсем потеряли понимание своих обязательств, и по сути там царил беспорядок.

С величайшим трудом Франциск смог внести некоторый порядок в этот хаос. На какое-то время дисциплина восстановилась, монашеский устав начали соблюдать, но позднее вновь вкралась расслабленность, и через несколько лет Франциску снова пришлось приступить к преобразованию обители св. Сикста.

И вот, его внимание привлекает другая часть епархии, а именно, Жекс – многострадальный Жекс, вновь смущаемый кальвинистскими гонениями на католиков и захватом их владений. Всю жизнь Жекс был для Франциска жалом в плоти, доставляя ему более беспокойств, чем вся остальная епархия.

Прослышав, что губернатор провинции герцог де Бельгард и королевский лейтенант барон де Лю находятся в Белле, епископ Женевский договорился с ними о встрече с целью обсудить жексские дела.

Герцог согласился воспользоваться своими высочайшими полномочиями для восстановления католичества и вместе с епископом пустился в путь, направляясь в город Жекс. Однако для обращения еретиков, для обеспечения мира и согласия между членами соперничающих религиозных общин, Бельгард сделал больше личным примером, чего мог бы добиться своей властью, пускай и подкреплённой королевскими указами. Он совершил генеральную исповедь перед Франциском, попросил составить для него устав жизни, пообещал непременно следовать ему – и сдержал слово. Занимая высокое положение, находясь в гуще мира, он вёл столь чистую, столь благочестивую, столь добродетельную жизнь, что его пример привёл к обращению многих.

Пока Церковь ликовала о возрастающем множестве обращённых, ярость еретиков удвоилась. Они пытались отравить Франциска, послав кого-то подмешать ему в еду мышьяка. Епископа охватили ужаснейшие спазмы, он корчился в муках, думая, что пришёл его последний час. Смирившись с неизбежностью, он всё же чувствовал, что его долг – использовать все средства для спасения своей жизни, а потому обратился к Пресвятой Владычице, воззвав к Ней о заступничестве и пообещав в случае исцеления отправиться в пешее паломничество к Нотр-Дам-де-Компасьён в Тонон. Однако, моля о небесной помощи, он без небрежения искал и земной подмоги. Пригласив врача, он попросил его о противоядии – и вскоре оправился. Итак, он исцелился – благодаря ли

вере, как говорят одни, или благодаря науке, как говорят другие, но, вероятнее всего, благодаря обеим. Со своим обычным великодушием он напрочь отказался преследовать несчастных, что пытались умертвить его, и они безнаказанно бежали.

В то время прошёл слух, что Франция уступит Жекс Савоие, но Генрих в конце концов отказался отдать провинцию – к великому огорчению Франциска, полагавшего, что под властью его государя, Карла-Эммануила, верного и ревностного католика, истинная вера получила бы больше возможностей укрепиться в людских сердцах. <...>

В субботу 20 сентября епископ Женевский провёл в Тононе совещание с духовенством и отправился затем во Вью-ан-Салла – одну из сеньорий, что были уступлены еретиками Женевской кафедре. Здесь Франциск имел счастье принять в общение с Церковью барона Д'Ивуара. Прежде владыке пришлось провести много долгих бесед с этим вельможей, что был закоренелым протестантом и отнюдь не склонялся к перемене мнений; однако доводы неодолимого поборника католической веры в итоге восторжествовали, благодать победила, а поскольку барон был человек высокопоставленный, местный край пришёл в великое волнение. Когда же стало известно, что он отверг заблуждения, многие последовали его примеру.

Доселе Франциску так и не удалось пообщаться с великим множеством священников своей епархии, и, горячо стремясь познакомиться с ними всеми, он назначил синод в Анси – на 2 октября 1603 года. На этом собрании он дал знать им о своих взглядах и пожеланиях относительно епархии. Он разделил её на двадцать областей, во главе каждой из которых поставил суперинтенданта в чине протоиерея, обязанного каждые шесть месяцев навещать клириков своей области прямо у них дома, а затем собирать общую встречу, на которой все они должны присутствовать, и посылать епископу подробный отчёт об этой встрече и итогах своих визитов. Владыка настаивал на строгом соблюдении постановлений Тридентского собора относительно одеяний, службы, ведения записей и т.д. и указал на необходимость всегда носить с собой Катехизис Тридентского собора. Далее, он пожелал, чтобы клирики следовали указаниям требника, который он для них составил, были ревностны и усердны в наставлении прихожан, проводя занятия катехизисом, уроки в воскресных школах и постоянно проповедуя Слово Божие. Он предложил проводить по четвергам особый обряд возмещения во искупление оскорблений, наносимых еретиками Св. Тайнам.

Он постановил, что синод в Анси должен проходить каждый год. Итак, посвятив изрядно времени и уйму трудов внешним делам епархии, так долго пробыв епископом Женевским, он подумал, что может немножко побыть и Франциском Сальским. Уединившись в своей комнате – «комнате Франциска», – он искал сил и утешения в молитве. Но даже там, в затворе, он не был избавлен от незваных гостей. Он буквально не мог назвать свою душу своей, а уж всякий миг своего времени и подавно: кто-нибудь всегда требует от него помощи – либо духовной, либо вещественной. Он никогда не отказывал ни самому ничтожному из людей, ни самому назойливому, но всё, что было в его власти предоставить, он давал щедро и охотно.

Он приютил состарившегося своего наставника месъё Деажа. Почтенный священник, как и многие другие учителя, похоже, считал своего бывшего ученика по-прежнему

мальчишкой. Соответственно и обращался он с Его Преосвященством князем-епископом Женевским, словно со школьником, и – что самое нелепое – бранил его, придирался, вечно оставался недоволен. День ото дня этот докучливый и ворчливый старик становился всё раздражительнее и неуживчивее, но Франциск никогда не выходил из себя, неизменно был терпелив и добродушен, с улыбкой принимая постоянные попреки старого наставника и всегда обращаясь с ним с неизбывной кротостью и добротой. На самом деле мессье Деаж был готов целовать землю, по которой ступал его возлюбленный ученик, но как и многие люди, что готовы умереть за любимых, он терзал и мучил постоянными мелочными уколами, ворчанием и бурчанием человека, которого любил более всех на земле; поистине, его привязанность в сочетании с его темпераментом могли бы сделать жизнь невыносимой для любого человека, менее добронравного и мягкосердечного, нежели кроткий епископ Женевский.

Они меня истерзали

И сделали смерти бледней, —

Одни своею любовью,

Другие враждою своею.

Они мне мой хлеб отравили,

Давали мне яду с водой, —

Одни своею любовью,

Другие своею враждой...

(Г. Гейне, пер. А.А. Григорьева)

ГЛАВА XV. ЧРЕЗ ВРАТА ОБИТЕЛИ СВ. КЛАВДИЯ

В 1604 году во время чтения великопостных проповедей в Дижоне Франциск Сальский заметил среди многочисленных слушателей некую даму, которая, с величайшим вниманием слушая его слова, пристально вглядывалась в него. Полностью облачённая в траур, она была высокой и статной, с бледным спокойным лицом и несколько отрешённым взглядом.

Он тут же узнал в ней вдову, которую за несколько месяцев до того видел во сне; тогда Бог открыл ему, что он вместе с ней станут основателями нового инокского ордена. Стремясь узнать её имя, он спросил о том у одного из внимательнейших своих слушателей, Андре Фремио. «Это моя сестра – мадам де Шанталь», – ответил он.

Жанна-Франсуаза, баронесса де Шанталь была дочерью господина Фремио, президента дижонского парламента. Семейство его принадлежало к числу знатнейших и относилось к noblesse de la robe – «дворянству мантии». Дочь его родилась в 1572 году

и в ранней юности вышла замуж за барона де Шанталь. Много лет они прожили счастливо, а затем произошёл жуткий несчастный случай. Барон вместе с кузеном Д'Альзюри отправился на ружейную охоту. Преследуя зверя, месье Д'Альзюри пробирався через чащу и, когда ему примерещился олень, он выстрелил. Смертельно раненый барон упал. Он умер после несколько дней ужасных страданий, которые переносил с христианским мужеством, искренне простив своего друга и убедив жену поступить так же.

Жанна была очень привязана к мужу, и с его внезапной смертью сердце её было разбито. Пятеро детей помогли ей утешиться и отвлечься? ибо естественным образом, будучи очень юны, они отнимали у неё большую часть времени, остаток которого она посвящала молитве и делам милосердия.

В 1603 году ей было видение, в котором ей предстал епископ Женевский, и Бог дал ей знать, что он будет её духовником, а покой душе она обретёт за воротами обители св. Клавдия. Но пришлось прождать шесть долгих лет, прежде чем она вступила под руководством епископа в жизнь, какую ей предназначал Бог.

Большую часть этих лет она жила со свёкром, бароном де Шанталем – властным и вздорным старым греховодником, в доме которого ей приходилось вести жизнь, полную постоянного самоотречения. Но даже в таких затруднительных обстоятельствах она умудрялась сохранять единение со Спасителем столь же неизменно, как и впоследствии, когда она оказалась ограждена от мирских забот и тревог надёжными монастырскими стенами.

Она немало приобрела в этом затяжном испытательном периоде. Хотя часто в течение месяцев ей не удавалось пообщаться со своим праведным руководителем, он писал ей во время своих долгих отлучек те прекрасные письма, что, кажется, отвечают на нужды всякой души, и во вдумчивом чтении которых люди самых разных характеров могут обрести поддержку и совет. Они так просты, так естественны, так нежны и в то же время дышат благоуханием возвышенной святости, полной самоотверженности, искренней и пламенной любви к Богу вместе с полным доверием к Нему и совершенным сообразованием с Его благословенной волей.

К сожалению, свои письма к епископу Жанна уничтожила. После смерти святого, просматривая его бумаги, она обнаружила их, тщательно разложенные, с его пометками на полях. Она немедленно бросила их в огонь, не придав ни малейшего значения тому, какую будет иметь ценность для потомства столь интересный отчёт о духовном опыте.

Присутствовавшей при том монахине с огромным трудом удалось спасти лишь несколько. Они чрезвычайно интересны. Читая их, ещё больше сожалеешь об опрометчивом поступке мадам де Шанталь, восхищаясь в то же время смирением, продиктовавшим его.

Первая встреча этих двоих, кому предстояло совместными усилиями основать великий инокский орден, состоялась за обедом, устроенном Андре Фремио. Им дали места друг

напротив друга, и при первой же беседе Франциск выказал глубокий интерес к мадам де Шанталь.

«Сударыня, – спросил он несколько саркастическим тоном, но с мягкой улыбкой, – вы не намерены снова выйти замуж?»

«Конечно же нет!» – ответила баронесса, удивлённая и слегка раздосадованная вопросом.

«Тогда, – сказал он ей, указывая на украшения и камень, что она носила, – вам стоит спустить знамя».

После того они встречались часто. Помимо чтения великопостных проповедей в кафедральном соборе Дижона, Франциск отдельно давал в урсулинском монастыре наставления жившим в миру женщинам, что желали вести богоугодную и благочестивую жизнь. Жанна не пропустила ни одной из этих лекций. Она горячо желала, чтобы руководством её занялся этот праведный епископ, но была связана обетом, данным её тогдашнему духовнику, не уходить от него.

К счастью, он тогда был в отъезде, а в его отсутствие Жанна была вольна ходить на исповедь к какому угодно священнику по своему выбору, правда, без того, чтобы открывать ему помыслы. Обычно она исповедалась у иезуита о. де Виллара. У него она и спросила совета. Он вполне одобрил её переход к Франциску Сальскому.

У них состоялся долгий разговор, после которого мадам де Шанталь, преклонив колена, совершила исповедь: искренне, но робко. «Ибо, – говорила она впоследствии, – мысль о моём обете не позволяла мне говорить свободно, хотя душа моя была исполнена ликования и я чувствовала себя так, будто слушала ангела».

К тому времени Андре Фремио получил назначение архиепископом Буржским, а поскольку доселе он не возносил Святую Жертву, было решено, что он должен совершить свою первую мессу в Святой четверг. Сослужил ему Франциск Сальский. Собралось много народу, поскольку Фремио были людьми знатными и имели много друзей и доброжелателей в Дижоне.

Шарль-Огюст де Саль, сын Людовика де Саля, любимого брата Франциска, рассказывает в своём «Vie du Bienheureux François de Sales» – «Житии блаженного Франциска Сальского» следующий случай: «Мой досточтимый дядюшка Франциск Сальский преклонил колени внизу предалтарных ступеней и продвинулся в таком положении вперёд, дабы принять Святое причастие. При этом его голову окружали световые лучи, особенно яркие в миг, когда на его язык возложили священную гостию. Нимб блистал так, что слепил наблюдателей».

На мадам де Шанталь, присутствовавшую там, чудо произвело столь глубокое впечатление, что её желание перейти под руководство такого праведника ещё более укрепилось.

В тот же день архиепископ Буржский давал обед, к которому было звано большинство выдающихся горожан. Епископ Женевский вновь оказался подле баронессы де Шанталь. Она упомянула о желании совершить паломничество в обитель св. Клавдия.

«В самом деле, сударыня?» – отозвался он с приятнью в голосе. «Моя матушка когда-то дала обет посетить это святое место, но у неё не нашлось сил исполнить его. Я сам намерен отправиться с нею. Надо ли говорить, как счастлив я буду увидеть вас там, сударыня? Что же до моей матушки, она познакомится с вами с превеликим удовольствием».

В Фомин понедельник Франциск попрощался с мадам де Шанталь. «Бог желает, чтобы я говорил с вами доверительно и искренне, – молвил он ей. – Он даровал мне благодать совершать мессу без отвлечения, но в последний раз, когда я возносил Божественную Жертву, я постоянно думал о вас; впрочем, мысль о вас отвлечением не является – отнюдь, моё дорогое чадо, она лишь помогает мне глубже воссоединиться с возлюбленным нашим Господом. Не знаю, что ему угодно сообщить мне этим».

Епископ Женевский выехал из Дижона на следующий день, на первом же постоялом дворе набросал для неё следующие строки:

«Мне кажется, что вас мне даровал Бог. С каждым днём я чувствую всё большую в этом уверенность. Часто молю нашего Господа сокрыть нас обоих в Своих Святых Ранах. Вверяю вас вашему благому ангелу. Прошу и вас молиться обо мне, каковой остаётся

искренне ваш во Христе Иисусе

+ Франсуа, епископ Женевский».

Прибыв в Анси, он написал ей снова:

«Да славится Бог стократ ежедневно за то, что соделал вас чадом Церкви в подражание матери Терезе (тогда ещё не канонизированной. – прим. авт.), которая, умирая твердила: «Благодарение Богу за то, что я дочь Церкви!» Этот благочестивый обычай не всегда понимается христианами, но святые всегда были весьма привержены ему. Любите как можно сильнее пастырей и священников Церкви! Молите Бога, дабы, трудясь ради спасения душ, они и сами спасались; а я заклинаю не забывать обо мне, поскольку Бог внушил мне волю никогда о вас не забывать. Просите за меня Господа нашего, ибо нуждаюсь я в молитве более других. Взываю к Нему о даровании вам Его святой любви в изобилии».

Это письмо весьма утешило её, но страх, что, столь вольно открыв епископу помыслы, она преступила обет, был велик. В канун Пятидесятницы она претерпела духовные муки, длившиеся тридцать шесть часов. Она не могла ни есть, ни спать, её душу терзали сомнения и угрызения совести; она разрывалась между желанием перейти под руководство епископа Женевского и страхом нарушить обет.

В полнейшем изнурении она отправилась к о. Виллару, О.И., и просила сказать ей, как поступить. Славный иезуит отличался выдающейся набожностью и глубокой

учённостью; он тщательно рассмотрел её случай и затем сказал ей решительно: «Воля Божия несомненна: вы должны перейти под руководство епископа Женевского. Именно его руководство подобает вам, а не нынешнее. В нём Дух Божий и церковный. Давая вам в духовники этого святого, Бог показывает, что ожидает от вас великих дел».

Этот совет успокоил её измученный ум. У неё словно камень с сердца свалился, и домой она возвратилась счастливая и довольная. Но увы! недолго она наслаждалась миром: её духовник вернулся в Дижон и после разговора с нею отказался разрешить её от обета. Правда, он позволил ей писать Франциску Сальскому, и их переписка представляет из себя захватывающее чтение: так много в ней человечности и теплоты в сочетании со столь возвышенной святостью.

Тем не менее, тревоги Жанны лишь усилились, ибо прекрасные и утешительные письма, что она получала от епископа Женевского, только распаляли её желание перейти под его руководство. О. Виллар, О.И., поощрял это желание, утверждая, что последовать ему – её долг.

«Говорю вам, – сказал он, – вы должны оставить этого духовника и полностью перейти под руководство епископа Женевского. То Божия воля, и если вы этого не сделаете, то вы противостанете Святому Духу».

Поэтому она писала Франциску письмо за письмом; но он не был склонен принять ответственность за нарушение ею обета. Он не мог аннулировать его без ощущения совершенной уверенности, что так изволил Бог. Наконец, он написал, предлагая ей встретиться в обители св. Клавдия.

Накануне отъезда Жанна съездила в Фонтэн-ле-Дижон – на родину св. Бернарда, дабы испросить у Бога и Его святого благословения на путешествие. Едва она вошла в церковь, как была восхищена в исступлении духа и вспомнила былое видение. Однажды утром, ещё в полусне ей почудилось, будто она в карете со множеством путешественников; повозка проезжала мимо церкви, полной молящихся. Ей захотелось выйти и присоединиться к ним, но тут она отчётливо услышала голос, сказавший: «Тебе должно продолжать путь; в священный покой детей Божиих ты войдёшь лишь чрез врата обители св. Клавдия». Видение повторилось как раз перед отправкой к этому монастырю, исполнив её надежды и упования.

Прибыла она туда утром 21 августа 1605 года, а вскоре после того к ней присоединились мадам де Буази с сыном.

Вечером у неё с епископом состоялся долгий разговор. Он внимательно выслушала всё, что она имела сообщить ему, а затем, посоветовав предать всё Богу, пожелал ей спокойной ночи. Утром он явился к ней рано; выглядел изнурённым и был очень бледен.

«Сударыня, – сказал он ей, – я провёл эту ночь, обдумывая ваш случай и моля нашего Господа направить меня, – и пришёл к заключению, что Его святая воля поистине в том, чтобы я взял на себя руководство вами». Затем, помолчав несколько мгновений, он продолжил: «Сударыня, должен ли я вам сказать..? Впрочем, да, должен, ибо на то

воля Божия: четыре обета, принесённые вами, ни к чему иному не приведут, кроме разрушения внутреннего мира. Я долго медлил, прежде чем сообщить вам своё решение, поскольку желал увериться в том, что творю волю Божию».

На следующее утро он велел ей обновить обеты бедности, целомудрия и послушания при Вознесении Даров во время мессы, которую он намеревался отслужить за неё. Со своей стороны он тоже обновил обет целомудрия и торжественно обещал Богу «усерднейше, благоговейно и верно помогать, вести, служить и укреплять свою возлюбленную дочь во Христе, Иоанну-Франциску Фремио де Шанталь в любви к Богу, взирая на её душу, как на свою собственную, за которую буду держать ответ перед Господом нашим».

После мессы он составил следующий текст торжественного обещания и вручил его Жанне, которая потом всегда носила его на шее в ладанке: «Всемогущий и вечный Господи, Я, Жанна-Франсуаза Фремио, хоть и совершенно недостойная предстать пред Твоим Божественным Ликом, но уповая на Твою беспредельную благодать и милость, приношу Твоему Божественному Величеству в присутствии всеславной Девы Марии и всего небесного торжествующего сонма, обет вечного целомудрия. Обещаю также послушание Его Преосвященству епископу Женевскому не в ущерб власти законного начальства, смиреннейше прося Тебя по Своей беспредельной благодати и доброте принять ради дражайшей Крови Христовой сие моё обещание во «всесоужение и приятное благоухание» (Чис. 29:2) и, как Тебе было угодно уделить мне благодать возжелать и принести его, удели также в обилии благодать исполнить его. Аминь».

А епископ Женевский в тот же день, 22 августа 1605 года дал следующее торжественное обещание: «Я, Франсуа де Саль, епископ Женевский, принимаю во имя Божие обеты целомудрия, послушания и бедности, возобновляемые ныне моей любимейшей духовной дочерью Жанной-Франсуазой Фремио и, сам повторив торжественный обет вечного целомудрия, данный мною при приятии священного сана и подтверждаемый мною от всего сердца, заявляю и обещаю старательно, верно и насколько в моих силах благоговейно вести вышеназванную Иоанну-Франциску Фремио, помогать и служить ей и укреплять сию дочь мою, в любви к Богу и совершенствовании души, каковую я отныне принимаю и взираю на неё как на свою собственную, за каковую буду держать ответ перед Богом нашим Спасителем, и о том даю обет Отцу, Сыну и Святому Духу, единому истинному Богу, Кому да будет честь, слава и благословение во веки и веки. Аминь» <...>

Вот так мадам де Шанталь обрела покой и мир своей измученной душе чрез врата обители св. Клавдия; и хотя до её ухода из мира и вступления в монашество прошло ещё много лет, в течение этого срока мудрость, благоразумие и проницательность праведного наставника вели её вперёд день за днём, шаг за шагом <...>.

ГЛАВА XVI. ТЯГОСТЬ ДНЯ И ЗНОЙ

В 1605 году Франциск Сальский читал великопостные проповеди в местечке Ла Рош. К нему он испытывал особую привязанность, потому что именно там провёл школьное детство, научился читать и писать. Его очень порадовало рвение и набожность мещан и

смиранных крестьян, собиравшихся в храм со всей окрестности. Он не жалел ни времени, ни усилий, чтобы углубить их веру и укрепить в следовании добродетелям.

В самом разгаре этих трудов, столь дорогих его сердцу, он услышал о смерти Климента VIII. Это его глубоко опечалило, ибо он любил и чтил его, восхищаясь им как великим святым и как великим папой. Он был кроток, великодушен, щедродателен; часто постился, упражнялся в суровейших телесных подвигах, несколько часов в день уделял молитве, ежевечерне исповедался кардиналу Баронию, служил каждое утро мессу с чрезвычайным благоговением и всегда готов был принимать исповеди. Поистине то был великий папа. Он распространял веру во многих землях; он спокойно, но решительно отстаивал права Святого престола; славу ему принесло примирение Генриха IV Французского с Церковью, каковое он осуществил в столь деликатной манере, что приобрёл любовь этого монарха и уважение целой нации. Вервенским договором он обеспечил мир Европе, а после смерти герцога Альфонса II (д'Эсте, 1533 – 1597, после смерти которого герцогство Феррарское вошло в состав Папской области. – прим. пер.) успешно восстановил право Святого престола на патримоний св. Петра.

После его смерти папой был избран Александр де Медичи, принявший имя Льва XI. Он и епископ Женевский были старыми друзьями; они познакомились в Тононе, когда Медичи был папским легатом, а потом часто встречались в 1605 году в Риме, и чем больше они присматривались друг к другу, тем глубже становилось их взаимное уважение и привязанность. Более того, Лев XI был такого высокого мнения о епископе Женевском, что он хотел жаловать ему Красную шапку и распорядился поместить его имя среди тех, кого вскоре предстояло объявить кардиналами.

Когда Франциска официально известили об уготованной ему почести, он ужасно расстроился. Капеллан замка Шато-де-Саль, находившийся в ту пору при нём, как раз собирався возвращаться в Саль, когда Франциск, показав ему письмо, воскликнул с величайшей серьёзностью:

«Попросите матушку молиться всем сердцем, всей душой и всеми силами, чтобы не возвели меня на эту столь высокую должность – нынешней мне вполне довольно. А я со своей стороны буду горячо молить нашего Господа, дабы Он не допустил надления сим возвышенным званием человека столь недостойного, ведь я определённо не заслуживаю его. Если Его Святейшество повелит, я должен буду послушаться, но, заверяю вас, что если бы решение зависело от меня и мне нужно было бы ступить лишь три шага, чтобы получить кардинальскую шапку, я бы не сделал и шага».

Однако Лев XI умер, не успев исполнить своего намерения, ибо прожил он после своего избрания всего месяц, а преемником его стал кардинал Боргезе – Павел V. Он тоже был старым другом Франциска Сальского и когда-то изо всех сил помогал ему, добиваясь от Климента VIII вмешательства в дело восстановления церквей и монастырей в Шаблэ. В связи с его восхождением на первосвященнический престол Франциск отправил ему поздравительное письмо.

«Вы – сердце и душа священнического чина, – писал он, – и именно поэтому я так уверен, что наша епархия, подвергаемая еретическим притеснениям, привлечёт ваше

особое внимание и попечение. Я ликую от всего сердца, что вы возведены на столь высокий пост. Потупив взор, смиренно припадаю к стопам Вашего Святейшества и восклицаю изо всей мочи: «Vive Paul V.! Vive le Souverain Pontife!» – «Да здравствует Павел V! Да здравствует Верховный Понтифик!»

Епископ Женевский возвратился в Анси, чтобы провести второй синод. Он состоялся на Пасхальной неделе. Следующим большим предприятием была визитация обширной епархии. Он заглянул в каждый угол и закуток, а поскольку и Монблан с прилегающими горами составляли часть его епархии, это оказалась крайне трудной – да что там! опасной – задачей. Он карабкался на горные вершины, хоть и едва не умирал от холода и изнурения, непреклонно продвигался вперёд, невзирая на стёртые в кровь ноги и ноющие члены. Никакие тяготы, никакие опасности не отпугивали его. Он сеял доброе семя в самых отдалённых областях, искоренял злоупотребления, примирял врагов, навещал больных и умирающих. Он поистине был в расцвете возмужалости – «L'Ange visible de la Patrie» – «Зримый ангел нашего отечества», как любил величать его народ, когда он был золотоволосым голубоглазым мальчиком.

Он пишет мадам де Шанталь: «Я только что получил ваше письмо от 9 июня, а сам уж готов вскочить в седло и отправиться на визитацию епархии. Это займёт месяцев пять, а потому пока не смогу поехать в Бургундию, ведь визитация, дорогое чадо моё, необходима и является, на самом деле, одной из моих первых обязанностей. Выступаю в путь совершенно без страха, ощущая некую особенную утеху в исполнении этого долга, хотя доселе он меня изрядно печалил».

Он возвратился проповедовать Юбилей («Юбилейный год», когда верующие могли получить на определённых условиях индульгенцию. – прим. пер.). И вновь пишет Жанне:

«Я должен вам кое-что о себе рассказать, ведь вы любите меня, как себя. Последние две недели мы праздновали великий Юбилей... Слушание множества генеральных исповедей и решение вопросов совести постоянно занимало меня и утешало; а ведь помимо того есть ещё море обычных дел, среди коих я живу в полном спокойствии, раз и навсегда решив употреблять свои силы на служение да к возвеличению славы Божией, во-первых, своими собственными делами, а во-вторых, делами моих подопечных. Паства начинает любить меня, и это мне утешительно».

По окончании Юбилея он отправился на визитацию Жекса. Этот край, как обычно, пребывал в нестроении, а потому пришлось посвятить ему больше времени, чем прочим частям обширной епархии. Франциск отнюдь не щадил себя, и в итоге здоровье его пошатнулось, отчего ему пришлось поехать в Шато-де-Саль на лечение. Мадам де Буази настаивала на том, чтобы он основательно отдохнул. Для неё было величайшей радостью приютить у себя под кровом возлюбленного сына и иметь возможность окружить его заботой и любовью.

Однако, как только он почувствовал, что слегка окреп, он возвратился в Анси, где составил отчёт для папы, описав свои апостольские труды и приведя мельчайшие деловые подробности, чтобы дать полное представление о состоянии епархии. Он

упомянул о необходимости преобразования многих монастырей и показал целесообразность увеличения числа приходов. Паства была расселена очень широко, и множество людей жили на больших расстояниях от церквей. По сути, во многих случаях огромному числу крестьян было не добраться до церквей из-за того, что требовалось одолевать высокие горы и опасные ущелья.

Документ Франциск доверил своему брату Жану-Франсуа. Он – тот самый «уксус» их детских дней – был теперь каноником Кафедрального собора, священником весьма ревностным и трудолюбивым, но по-прежнему отличался едким остроумием, колкими речами, был довольно аскетичен и малость недалёк.

Епископ дал ему два конфиденциальных письма – одно папе, в котором он просил у Его Святейшества прощения за то, что не может доставить сводку лично, поскольку, к несчастью, вынужден остаться в Анси из-за груза трудов и различных текущих вопросов, и потому, как бы ни хотелось ему вновь встретиться с со Святым Отцом, он вынужден отказать себе в этом удовольствии. Второе письмо было к большому другу Франциска – кардиналу Баронию. Жан-Франсуа был весьма любезно принят Павлом V и, более того, во время пребывания в Риме был весьма чествуем многими братниными друзьями, жившими в Вечном городе.

Все просьбы епископа Женевского были удовлетворены, и Жан-Франсуа возвратился в Савойю к Франциску с охапкой писем и подарков для него от самых выдающихся особ.

В 1607 году епископ Женевский с помощью своего всегдашнего друга президента Фавра открыл Флоримонтанскую академию. Позднее президент Фавр настаивал, чтобы Франциск принял его прекрасный особняк и сделал из него епископские палаты, говоря, что не подобает князю Церкви ютиться съёмном домике. Франциск крайне неохотно принял этот щедрый дар, ибо любил он жильё убогое и скромное, стремясь подражать в том Божественному Наставнику, не имевшему где преклонить голову (ср. Мф 8:20).

Однако, Франциск был в высшей степени трезвомыслящ..., а потому уступил доводам друга; кроме того, он всегда считал своим долгом насколько возможно поддерживать честь князя Церкви, зная, как людей впечатляет внешняя пышность и зрелищность и как склонны они глумиться и насмехаться над признаками бедности.

Одно из прекраснейших его писем к мадам де Шанталь содержит размышления об унижении, и, хотя это, пожалуй, будет некоторым отступлением, я не могу удержаться от того, чтобы не привести здесь пару выдержек.

«Любите ваше униженное состояние! Впрочем, вы спросите, что я имею в виду. Чадо моё, по-латински смирение называется приниженностью, а приниженность – смирением (*humilitas* (лат.) – от *humus*, «земля» – можно буквально перевести как «близость к земле». – прим. пер.). Богородица говорит: «Призрел Он на смирение Рабы Своей» (Лк. 1:48), имея в виду, что Он обратил внимание на Её приниженность. И всё же есть разница между двумя понятиями, заключающаяся в том, что смирение – это признание собственной приниженности. Затем, верх смирения не только в сознании

своей приниженности, но и в любви к ней, и именно к этому я призвал вас. Среди переносимых нами тягот имеются унижительные страдания и почтенные; многие принимают почтенные, немногие – унижительные. Например, поглядите на капуцина, голодного и в лохмотьях – всякий почитает его драный хабит и жалеет его; но поглядите на бедного ремесленника, бедного студента, бедную вдову – люди смеются над ними, и бедность их унижительна. Инок сносит упрёк от настоятеля, и все восхищаются его смирением да послушанием; а когда столько же ради любви к Богу сносит дворянин, его зовут трусом – вот вам презируемая добродетель. У одного опухоль на руке, у другого – на лице; один прячет её, у другого не получится; у одного только опухоль, а другой заодно переносит презрение и пренебрежение. Вот в чём униженность, и с этим я хочу сказать, что мы должны любить не только беды, но и унижения».

«Есть презируемые добродетели и есть почтенные. Терпение, кротость, покорность, простодушие – презируемые добродетели; раздаяние милостыни, обходительность и благоразумие – почтенные. Я совершил глупость, это меня унизило – хорошо! Я оступился и впал в буйную страсть; я опечален тем, что оскорбил Бога, но весьма доволен тем, что это показывает, насколько я порочен, низок и жалок».

«В то же время, пускай любя унижение, следующее за бедой или оплошностью, мы всё же не должны пренебрегать исправлением их. Я буду прикладывать все силы, чтобы вылечить опухоль на лице, но мне не удастся. И я буду любить унижение от этого. И подобным образом в случае с грехом мы должны придерживаться того же правила. Я допускаю оплошность; сожалею о том от всего сердца, но при этом от всего сердца принимаю следующее за оплошностью унижение. Но мы должны также принимать во внимание милосердие, требующее избавиться от унижения ради наставления ближнего. Если он соблазняется, в этом случае мы должны избавиться от унижения перед его взором. Страх – это горшая беда, чем сама беда. О дочь маловерная, чего вы страшитесь? Не надо! Вы ступаете по морю посреди ветров и волн – но ведь с Иисусом! Если вас охватывает страх, кричите: «Господи! спаси меня» (Мф. 14:30). Он даст вам руку – хватайтесь и вперёд с радостью! Не философствуйте над неприятностями, не разбирайтесь в своих чувствах слишком дотошно. Нет, Бог не упустит Вас, пока Вы не решите упустить Его. Vive Dieu! Моё дорогое чадо, переживайте всё в Боге. Наш драгоценный Иисус – целиком наш; давайте же и мы целиком будем Его. Наша всечестная Владычица, наша Настоятельница дала Его нам, так будем же всегда хранить Его. Смелее, чадо моё!

Преданный вам

Франциск»

В новом и по-княжески роскошном обиталище Франциск оставил за собой самое маленькое и убогое из помещений. «Комната Франциска» осталась как и была. Она в точности повторяла изначальную – та же мебель и книги, та же скудость удобств – да что там! предметов первой необходимости; однако вид у него из окна был великолепный – на озеро и горы. Глаза его пировали, созерцая красоты природы, и он

черпал из наблюдений за нею множества тех занимательных и очаровательных сравнений, что придают его писаниям такой привлекательности.

Флоримонтанская академия стала своего рода литературным клубом. В качестве членов туда принимались только добрые католики, а при вступлении они обязаны были произнести речь в стихах либо в прозе. На общих встречах выдающиеся мужи читали лекции по философии, математике, риторике, особенно же по французской литературе и развитию языка. Гостей на этих собраниях привечали, а для особ высокого положения нарочно держали места. Президент избирался членами и обязательно должен был отличаться значительными добродетелями, как и глубокой учёностью. Секретарю полагалось «обладать сметливостью, ясным и бойким умом, разбираться в литературе»; от рецензентов тоже ожидали литературных познаний, а помимо них имелись ещё казначей и помощник.

Еле закончив с обустройством академии, Франциск отправился в Тонон на празднование Юбилея. Отец Шерубен заручился от папы разрешением проводить там Юбилейные мероприятия в течение двух месяцев, и епископ Женевский поторапливался исполнить свою часть: проповедовать, принимать исповеди и всеми средствами побуждать горожан к благочестию. Он возобновил там деятельность братств Св. Тайн и Пресвятой Девы, устроил ряд паломничеств по святым местам, в частности, в обитель св. Клавдия. Это имело ошеломительный успех, ибо народ в Шаблэ питал к святому глубокое почтение.

Вот так Франциск и проходил по стране, творя добро, из города в город, из деревни в деревню, по долинным и горным местам, всегда кроткий, снисходительный, долготерпеливый, довольный, даже если малейшее благо происходило от его неослабных трудов, никогда не унывая от неудач, всегда безмятежный и полный надежд, помня, что всё устроено великим Богом, полагаясь на Его обещание о том, что верующий в Него, никогда не постыдится (ср. Рим. 10:11). <...>

ГЛАВА XVII. «БЛАГОЧЕСТИВАЯ ЖИЗНЬ»

В 1607 году Франциск читал великопостные проповеди в Анси. Вот что он пишет мадам де Шанталь:

«Voyez-vous, mon enfant – Так-то, чадо моё! Великий пост, как вы знаете – урожайная пора душ. В этом драгоценном городе я не проповедовал с тех пор, как был рукоположен в епископы, кроме как в первый год, когда все глазели на меня, любопытствуя, что же я буду делать, а мне и на самом деле предстояло сделать много чего, начиная с принятия должности и ознакомления с епархиальными делами. Ныне я пожинаю урожай со слезами радости и любви. Уже семь или восемь дней, как я не успеваю ни подумать о себе самом, ни глянуть на себя, разве что мимоходом, ибо столь много душ пришло ко мне за помощью, что нет ни минутки позаботиться о своей собственной. Однако это занятие поистине благотворно для меня, и я искренне надеюсь, что тем, для кого я тружусь, оно окажется очень полезным.

Святая суббота, 14 апреля 1607 г.

«Да, дорогое моё чадо, мы сейчас в конце Великого Поста и готовимся к празднику Всеславного воскресения. Ах, как хотелось бы мне, чтобы мы все снова воскресли с Господом нашим! Да, дорогое моё чадо, нам нужно иметь отвагу. Не печальтесь, ведь ваше терпение в перенесении домашних тягот называется сокровением. И я не свободен от таких нападений, но лишь смеюсь, когда о них думаю, да и то, на самом деле, очень редко. Несмотря на то, что я крайне чувствителен к несправедливым и дурным мнениям других обо мне, они не слишком меня уязвляют, да и не особо часты; но пускай бы даже их и было больше, Святой Дух дал бы мне отвагу снести их терпеливо».

«Вчера я читал проповедь о Страстях монахиням обители св. Клары. Когда я дошёл до того места, где размышлял о том, как крест был возложен на плечи нашего Господа, и о том, с какой радостью Он принял его, я сказал, что вдобавок к тяжести Своего креста Он несёт наши малые кресты и лобызает их все, дабы освятить. А когда я сказал, что Он лобзает нашу сухость, наш ропот, нашу злобу, то, уверяю вас, почувствовал столь великое утешение, что с трудом сдержал слёзы».

«Люблю наших Сельс-Бениня и малышку Франсон (дети мадам де Шанталь. – прим. пер.). Да будет Бог всегда их Богом, и да благословляют их вовек ангелы, что хранили их мать! Да, чадо моё, ведь велик ваш ангел, коль наделил он вас столь святыми вдохновениями! Да подаст он вам и благодатное усердие провести их в жизнь! Vive Jésus! Слава Иисусу, благодаря Кому я стал и пребываю

Всегда ваш

Франциск».

В мае 1607 года мадам де Шанталь нанесла третий свой визит в Шато-де-Саль. Между ней и мадам де Буази возникла настоящая дружба; более того, обе дамы загорелись желанием связать их семьи союзом. Мадам де Буази желала, чтобы её сын Бернар де Саль женился на Мари-Эме, старшей дочери баронессы. Между тем, было договорено, что мадам де Шанталь перевезёт Жанну де Саль, младшего ребёнка в семье, которой было тогда около четырнадцати лет, из монастыря, что в Пюи-д'Орб, обратно в Дижон, дабы воспитывать её вместе с своими тремя дочерьми. То была та самая сестрёнка Франциска, которую он любил так преданно, «собственноручно крестив её, так что она была первой, в отношении кого я осуществил свои священнические обязанности».

«Всё не прекращаю размышлять, следует или нет передавать вам мою сестрёнку, – пишет он мадам де Шанталь, – ведь независимо от моих собственных предпочтений даже матушка весьма желает этого с той поры, как узнала, что у Жанны нет охоты становиться монахиней, так что даже если бы я сам того не хотел, обязан был бы уступить её пожеланию. В связи с этим посылаю вам тридцать крон на покрытие расходов, связанных с её предстоящим переездом из монастыря, где она теперь находится. Слегка опасаясь, что ваша подруга-аббатиса рассердится из-за того, что мы забираем сестру, но ничего не поделаешь. Было бы неразумно держать девочку так долго в монастыре, коли она не намерена провести там жизнь. А как вы? Не требуется

ли от меня каких-нибудь формальных процедур при возложении на ваши плечи этого бремени? Вы должны дать мне знать, что требуется для девочки – я имею ввиду на её гардероб, ибо знаю, что вы будете раздосадованы, если я упомяну о её прокорме. Пишу сейчас вашему почтенному свёкру, прося его одобрения той услуге, что вы оказываете нам, но я не знаток словесных тонкостей и не умею вести обходительных речей. Займитесь, пожалуйста, этим вместо меня!»

Это письмо было с величайшим удовольствием прочитано в Монтелоне, ибо Жанна де Саль была общей любимицей. Она провела там недолгое время по пути в Пюи-д'Орб и покорила все сердца своей милотой и живостью. Франсуаза, Мари-Эме и Шарлотта де Шанталь приняли её как сестру, и мадам де Шанталь стала посвящать большую часть времени воспитанию четырёх девушек. Жанна была совершенно очаровательной девчуркой, беззаботной, жизнерадостной, кроткой и послушной. Франциск ожидал от неё в будущем многого, но лишь совсем немного пожив в Бургундии, она тяжело заболела. Через несколько дней её не стало: она умерла на руках мадам де Шанталь.

Жанна была убита горем. Она скорбела по своей тётке так, будто то было её собственное дитя. В отчаянии она принесла обет отдать одну из своих дочерей в семейство де Саль, дабы возместить им утрату любимой девочки.

Похоже, всё складывалось так, что и мадам де Буази удовлетворит своё желание залучить одну из барышень де Шанталь себе в невестки и что устранится одно из препятствий для вступления мадам де Шанталь в иночество. Шато-де-Саль отстоял от Анси всего на несколько миль, и если одна из её девочек устроится там, то Шарлотту и Франсуазу можно будет устроить вместе с собой в монастыре, а президент Фремио позаботится о её сыне – Сельс-Бенине.

Мадам де Буази и Франциск оба погрузились в горе, узнав о скоропостижной смерти любимой их Жанны. Естественно, все прочие члены семейства печалились о своей сестрёнке, но особенно дорога она была этим двоим: матери, любившей младшенькую особенно нежно, и брату, заменявшему ей отца.

2 ноября 1607 года Франциск написал мадам де Шанталь:

«Да, дорогое чадо моё, верно то, что святая воля Божия должна свершаться над тем, что мы любим, точно так же, как и во всём остальном. Но хочу сказать, что матушка моя испила свою чашу с совершенной христианской стойкостью, а мужество её, о каковом я всегда был высокого мнения, даже превзошло мои ожидания».

«В воскресенье утром она послала за моим братом – каноником. Заметив, что он и все прочие мои братья были крайне печальны предыдущим вечером, она сказала ему: «Ночью мне снилось, что моя дочь Жанна мертва. Признайтесь, умоляю, она мертва?» Мой брат, ожидавший, что вести ей принесу я (находившийся тогда на визитации), подумал, что лучше признаться сразу. «Это правда, матушка», – вот всё, что он смог промолвить. «Да исполнится воля Божия!» – сказала милая моя матушка и долго обильно плакала. Затем, позвав свою служанку Николи, сказала: «Я хотела бы подняться и пойти в капеллу – помолиться за доченьку». Она немедля оделась и

провела в капелле на молитве несколько часов, однако без смятения. Я никогда прежде не видал более тихого горя, таких слёз; то было дивное чувство, происходящее, впрочем, из совершенно мирного сердца, без тени страсти. Ах! Ну и как не любить такую мать всем сердцем?!»

«Вчера, в День всех святых я побыл исповедником для всей семьи и Святейшими Тайнами закрыл для печалей вход в матушкино сердце. Что же касается прочего, она вместе с моими братьями благодарит вас за заботу и материнскую любовь, явленную вами нашей милой Жанне и особо нашему де Буази, которого я люблю ещё крепче за то, как славно он повёл себя в несчастье. Вы спросите: «А вы?» Да, дорогое чадо моё, моё сердце опечалилось глубже, чем я мог вообразить; однако, правду сказать, горести матери и ваши значительно усилили мои собственные. Что ж до остального, Провидению ведомо, как оно лучше. Как посчастливилось этому дитяти преставиться, «чтобы злоба не изменила разума её» (ср. Прем. 4:11) и умереть незапятнанной миром! Можете представить себе, дорогая моя дочь, как нежно я любил эту малышку! Я породил её для Спасителя, ибо крестил её своими собственными руками четырнадцать лет назад. Она была первым существом, для кого я исполнил свои священнические обязанности. Я был ей духовным отцом и решительно дал себе слово когда-нибудь добиться от неё толку».

«У вас, дорогое чадо моё, четверо детей, отец и свёкор, братец да духовный брат. Все они вам очень дороги, и по праву, ибо на то воля Божия. Если бы Бог отнял их всех у вас, разве не было бы вам всё-таки достаточно – Его? Если Он отнимет у нас всё остальное, Он никогда не отнимет Себя Самого, пока мы сами этого не пожелаем. Безоговорочно, безо всякого «если», Господи Иисусе, да будет воля Твоя!»

«Дабы угодить вам, посылаю мемориальную доску с изображением герба, и коль вы желаете, чтобы там, где почтили останки дорогой нашей деточки, была совершена панихида, я согласен, но только чтобы не было большой роскоши, а только то, чего требует христианский обычай. Что проку во всём прочем? Вы потом составьте, пожалуйста, смету расходов на похороны и на то, что было издержано при её болезни, да пошлите мне, ибо так мне желательно, а тем временем помолимся за упокой её души и окажем ей некоторую честь. Однако сорокадневного молебна (Quarantal) по ней заказывать не будем; такой изрядный обряд не приличествует дитяти, не занимавшего в миру никакого положения. Вы же знаете меня: я люблю простоту и в жизни, и в смерти.

Ваш

Франциск».

У епископа Женевского, как обычно, был хлопот полон рот, но среди своих архипастырских трудов он нашёл время, чтобы произвести «Благочестивую жизнь». Публикация этой книги совершилась довольно любопытным образом. Как упоминалось в предыдущей главе, некоторые наставления, содержащиеся в ней, были написаны для матери, но большая часть составлена из его писем к одной из духовных дочерей – мадам де Шармуази.

Будучи в 1603 году в Париже, Франциск Сальский встретил эту даму в первый раз. 24 января того года она услышала его проповедь и была так потрясена красотой и пылом его речи, что разыскала его, попросила исповедать её, дать совет и стать духовником. Она была весьма красива, умна, хорошо образована, привлекательна и прежде вела очень мирскую жизнь, вращаясь в высших кругах и пользуясь всеобщим восхищением за свою красоту и ум. Она подвергалась многочисленным искушениям и часто оказывалась в щекотливых и трудных положениях. Теперь, пожелав вести праведную жизнь в миру, она ощутила нужду в крепкой руке и светлой голове, что могли бы руководить ею.

Франциск Сальский давал ей множества указаний по совершенствованию и большое количество здравых, практических советов, но она часто забывала, что он говорил ей, и имела обыкновение часто приходить к нему с просьбой повторить наставления. Эти собеседования занимали так много времени, что он счёл целесообразным вкратце набросать ей впрок жизненный устав, а также основные молитвенные и подвижнические правила верного христианина. Покинув Париж, он продолжил переписку с нею.

Мадам де Шармуази бережно сохраняла все его письма и записки, включая даже крошечные, сортировала их и перечитывала вновь и вновь. Отправляясь в то или иное дальнейшее путешествие, она передавала эти драгоценные бумаги о. Форье, О.И., на сохранение, заодно позволяя ему просматривать их.

Этот праведный иезуит одно время был духовником Франциска Сальского и сам был известен добродетелями, благочестием и познаниями, особенно в духовных вопросах. Он прочёл записки внимательно и с глубоким восторгом, после чего настоятельно просил у мадам де Шармуази разрешения списать их. Она охотно согласилась. Вскоре списки возросли в числе да умножились. Каждый иезуитский коллегиум располагал, по меньшей мере, одним списком; по сути они произвели настоящий фурор среди Saints Règes – отцов-иезуитов: всем и каждому не терпелось получить свой личный экземпляр для частного пользования.

Поэтому о. Форье, О.И., написал епископу Женевскому, убедительно рекомендуя ему опубликовать эти письма и заметки. Франциск был совершенно озадачен; он никак не мог взять в толк, что его бывший духовник имеет в виду, но услышав, что тот ссылается на указания, что он прежде давал мадам де Шармуази, святой совершенно поразился. Он пошёл к ней и попросил объяснений.

«Не помните ли, Ваше преосвященство, – сказала она, – те благие советы, каковые вы так часто давали мне, и письма, что вы писали относительно различных молитвенных и подвижнических правил?»

«Что?! – воскликнул Франциск в изумлении, – те жалкие каракули? И сей добрый отец набрался терпения продраться через них?»

«Да, Ваше преосвященство, и он считает их настолько прекрасными, что, по его собственным словам, он никогда прежде в своей жизни не читал ничего столь же

душеполезного и побуждающего к благочестию. Все отцы-иезуиты того же мнения. Они сделали несколько списков с ваших писем и намерены их опубликовать, если вы сами это не сделаете».

«Да уж, поистине странно, – ответил Франциск, улыбаясь, – что, если верить этим добрым отцам, я написал книгу, сам того не ведая».

О. Форье, О.И., не давал ему покоя; он продолжал понуждать его рассортировать записки и опубликовать. К мольбам этого праведного иезуита присоединился и Генрих IV.

«Ведь нет никого, – говорил он своему секретарю, месьё Деэ, – равно способного написать духовное руководство, пригодное для людей всякого сорта и состояния. Никто не понимает истинного деятельного благочестия настолько же хорошо, как епископ Женевский».

Побуждаемый, таким образом, со всех сторон, Франциск Сальский согласился переработать свои письма к мадам де Шармуази, добавив к ним те, что были писаны к мадам де Буази.

Наконец-то долгожданная книга явилась на свет, опубликованная в Лионе в 1608 году под названием «L'Introduction à la Vie Dévote» – «Введение в благочестивую жизнь». Эта дивная книжка настолько отвечает запросам сегодняшнего дня, словно была написана в двадцатом веке. Она заменила духовника многим из тех, кто, живя в отдалённых уголках, испытывает затруднения в поиске мудрого и благоразумного священника, дабы стать под его руководство; более того, Церковь в лице нашего святого увещевает нас руководствоваться его советами – «внимать его указаниям». Она заверяет нас, что его труды наполняют верных ясным светом понимания, указывая им путь – тем вернее, чем проще – к достижению совершенства. Книга даёт подробные наставления по каждому пункту духовной жизни: исповедь, святое причастие, святая месса, умственная молитва, испытание совести, духовное чтение; по совершенствованию во всех добродетелях и противостоянию искушениям; по развлечениям, дружбе – собственно, в ней не упущено ничего, и наставления даны в столь ясной и очаровательной манере, что отвечают и нравам широкого круга читателей, и вкусам более привилегированной, культурной аудитории.

Генрих IV восхитился возвышенной красотой и изысканной утончённостью этой книги и паче прежнего проникся желанием убедить своего «феникса среди прелатов» принять кафедру во Франции. Он поручил месьё Деэ написать епископу Женевскому, уговаривая его приехать в Париж. «Женевская кафедра, – внушал он ему, – недостойна ваших талантов. Приезжайте к нам, и мы наделим вас положением, более отвечающим вашим заслугам и способностям».

Франциск показал это письмо своему брату Людовику, заметив с благодушной улыбкой: «Слава Богу, не чувствую ни малейшего искушения принять это блистательное предложение. Предпочитаю оставаться там, где Бог поместил меня.

Анси – город невеликий, но вполне большой для меня, кто, как ты знаешь, милый Луи, тот ещё бездельник».

Однако на письмо месье Деэ он ответил сразу же, прося его поблагодарить короля за его великую доброту, решительнейшим образом при этом отказываясь от предложения.

«Благочестивая жизнь» вскоре была переведена на несколько языков; она произвела необыкновенную сенсацию и несомненно стала «книгой года». Все читали её, все заявляли, что она превзошла их ожидания. Мария де Медичи, жена Генриха IV, послала экземпляр Иакову I Английскому, который оказался столь очарован ей, что всегда носил с собой и часто замечал досадливым тоном, что не понимает, почему никто из его епископов не может написать сочинения такого же эрудированного, изысканного и практичного, как книга епископа Женевского.

ГЛАВА XVIII. КОНЧИНА МАДАМ ДЕ БУАЗИ

Странное завещание составил месье де Буази: он пожелал, чтобы владения остались в целости, дабы семейство могло продолжать совместную жизнь в Шато-де-Саль вместе с мадам де Буази. Но в любой момент, если члены семьи пожелают разделиться, а каждый – получить свою долю, старшему сыну предстоит произвести раздел, но первым сделать свой выбор должен будет младший. Месье де Буази был отцом тринадцати детей, но только семеро пережили его, и младшим из выживших сыновей был ныне Бернар.

При жизни месье де Буази Галуа получил земли и титул сеньора де Вийяроже, всегда переходивший к старшему сыну. Его носителем прежде был Франциск, перед тем как принять церковный сан, а после того его перенял Галуа. После смерти отца Галуа ещё унаследовал владения и звание сеньора де Буази и был с тех пор известен как месье де Буази, а земли в Де-ля-Тюиль с соответствующим титулом сеньора были пожалованы отцом сыну Луи. Франциск и Жан-Франсуа оба были священниками, так что в итоге без земель и без титула остался лишь Бернар и ему следовало выбрать из оставшегося что угодно. Семья жила сообща в мире, любви и гармонии до 1609 года, пока жене Луи де Салья не пришло в голову, что хорошо было бы каждому получить свою долю.

Тем не менее, когда дошло до дела, и Бернар был объявлен бароном де Торан и сеньором де Саль, она была решительно раздосадована. Она хотела было оспорить завещание, и лишь с большим трудом мужу удалось утихомирить её и добиться согласия с произведённым разделом. Вскоре после того она умерла, и хоть была она женщиной несколько своевольной и упрямой, Луи любил её страстно, и смерть её повергла его в глубочайшую скорбь. В усугубление невзгод покойница оставила юное дитя – в том возрасте, когда оно более всего требует материнского внимания. То был мальчик – Шарль-Огюст де Саль, будущий жизнеописатель и второй преемник Франциска на Женевской кафедре.

Нежное сердце епископа скорбело о братнином горе, а также о горе отца мадам Луи – барона де Кюзи, его личного друга, весьма благочестивого и превосходного человека.

Всего за семь лет до того Франциск провёл брачный обряд, освятив союз любимого брата и дочери друга, а теперь его дорогой Луи был безутешным вдовцом.

Однако Франциск искал утешения себе и возлюбленным своим близким в Святом Сердце нашего Господа и в нём обретал отвагу и крепость продолжать своё многотрудное служение. Следующей важной задачей стало для него преобразование бенедиктинского аббатства в Таллуаре. Как обитель св. Сикста и многие другие, этот монастырь впал в состояние крайней расслабленности. Прибыв туда, Франциск отметил дурные нравы в жизни насельников, нарушения устава, недостаток дисциплины и проч. Приор и многие из монахов отказались слушать его, но нашлись несколько, что не только желали, но жаждали исправить свои пути.

Старшим из них был отец де Куа. Франциск назначил его приором и покинул монастырь, надеясь, что тому удастся преобразовать всю общину. Но едва епископ уехал, вспыхнуло их обычное возмущение [против дисциплины] и длилось некоторое время. В итоге, однако, восторжествовала добродетель, и недовольные монахи были покорены кротостью и добротой нового приора.

Как только Франциск добрался до Анси, оказалось, что его там ждёт вызов от короля Франции; он приглашал епископа в Жекс на собеседование с бароном де Лю, лейтенант-генералом Бургундии, относительно дел в этой самой беспокойной части епархии.

Франциск немедля выехал в сопровождении восьми спутников, рассудив, что будет благоразумно взять с собой свиту побольше обычной, раз уж едет в стан неприятеля. Добравшись до Роны, они обнаружили, что недавний разлив сделал реку непреодолимой, а единственный обходной путь пролегал через Женеву. Ехать туда значило бы подвергнуть опасности жизнь епископа, ведь, узнай его горожане, они непременно разорвали бы его на куски.

Спутники упрашивали Франциска обождать до снижения паводка, но он решил пойти на любой риск, чтобы добраться до Жекса быстро. Несмотря на их уговоры и доводы, он решил проехать через враждебный город.

«Но вы хоть поедете инкогнито?»

«Конечно, нет!» – ответил он, и, облачившись в пурпурную епископскую сутану, со всеми знаками своего служения предстал перед городскими воротами.

Караульный солдат спросил его имя.

«Архиерей вашей епархии и его свита», – спокойно ответил Франциск.

«Епархии?! – рыкнул суровый кальвинист. – Никогда не слышал о таком месте. Проезжайте!» И записал в журнале: «Сегодня в город проехал архиерей нашей епархии и его свита».

Франциск со спутниками проехали через Женеву к воротам, выходящим в сторону Жекса, но они были закрыты, так что они немного передохнули в гостинице, а когда услышали, что ворота отворяют, выехали ими и благополучно добрались до Жекса.

Еретики пришли в ярость, узнав, что через их город благополучно проехал неукротимый поборник католической веры. Они пригрозили всевозможными ужасами этому дерзкому прелату, «если ещё хоть раз застигнут его в своём «Риме»».

Франциск улыбнулся, услышав об этих жутких угрозах, и спокойно заметил, что вполне охотно поехал бы в Женеву и встретился с кальвинистскими служителями, чтобы публично обсудить вероучительные вопросы, но служители, как обычно, робели беседовать со сведущим и красноречивым епископом.

Во время визита в Жекс Франциск обратил множество жителей, и ему удалось возобновить католическую службу в восьми приходских церквях. Оттуда он направился в Шато-де-Монтелон, где он освятил брак своего брата Бернарда, барона де Торана, с Мари-Эме, старшей дочерью мадам де Шанталь. Свадьба состоялась 13 октября 1609 года. Невеста и жених были очень юны и очень друг к другу привязаны; обручены они были более года тому назад. Франциск глубоко любил брата и с большой нежностью относился к «этой малышке Эме, – как он называл её, – которая станет одной из самых любимых сестёр на земле».

На следующий день президент Фремио, архиепископ Буржский и епископ Женевский совещались относительно призвания мадам де Шанталь. Её отец и брат равно выступили против её ухода из мира и вступления в монашество; потребовалась вся сила убеждения с её стороны при поддержке епископа Женевского, чтобы склонить их к согласию. Было решено, что президент Фремио примет опеку над её единственным сыном Сельс-Бенином и что архиепископ Буржский поможет ему позаботиться о его духовном и земном благополучии. Однако мадам де Шанталь должна была ещё вернуться в Дижон; прощаться с семьёй и друзьями было пока рано, поскольку ей предстояло ещё решить ряд имущественных вопросов.

В 1609 году Франциск Сальский рукоположил Жан-Пьера Камю в епископа Беллейского, и то стало началом поистине верной и горячей дружбы между двумя прелатами. Их епархии соседствовали, поэтому им удавалось каждый год погостить недельку (не считая дней приезда и отъезда) друг у друга дома. Епископу Беллейскому был всего двадцать один год, и он смотрел на Франциска, как на отца, притом любил его, как друга, и почитал, как святого, внимательно слушая каждое его слово, вглядываясь в каждый жест. Итогами этого непрерывного наблюдения он поделился с ними в своём «L'Esprit de St. François de Sales» – «Духе св. Франциска Сальского».

Это поистине необычайная книга – в ней Франциск как бы оживает и дышит перед нашим взором; здесь он более не кажется смутным, отдалённым образом канонизированного святого – он словно бы предстаёт перед нами...

Среди ряда прелестных историй одна так чётко характеризует обоих этих мужчин, что я не могу не процитировать её. «Доброму епископу, владыке Женевскому сообщили,

что у меня уходит страшно много времени на служение мессы, и тем я всем досаждаю. Он решил проучить меня. Однажды, когда он остановился у меня, ему потребовалось ответить на такое количество писем, что ему не удалось отслужить мессы раньше 11 утра – а ведь он неизменно возносил Святую Жертву каждый день, если тому не препятствовала серьёзная болезнь. В стихаре и моцетте он спустился в ризницу, прочёл краткую молитву, облачился и прошествовал к алтарю, где совершил мессу; затем прочёл ещё одну короткую молитву и возвратился к нам, а вскоре после того мы пошли обедать. Я удивился краткости времени, потребовавшегося ему на подготовку, служение и благодарение, а потому сказал ему, когда мы оказались наедине: «Отче, вы как-то быстро, нет? Я с удивлением заметил, как мало времени вы потратили нынче утром на подготовку и благодарение»».

«Mon Dieu! Боже мой! – воскликнул он, – вы весьма порадовали меня, столь искренне поделившись своим мнением. Ведь уже три или четыре дня я держу при себе несколько замечаний к вам на тот же предмет и всё не находил повода высказать их. Вы знаете, что вы страшно утомляете людей, что вы крайне медлительны? Вероятно, никто не набрался духу высказать это вам, ибо мало кто станет попрекать своего епископа, но ваша паства попросила меня переговорить с вами. В будущем вы постараетесь быть быстрее, а я – медленнее. Довольно комично, что епископ Женевский вынужден попрекать епископа Беллейского за медлительность, а епископ Беллейский епископа Женевского – за поспешение. Но вот такие дела, mon ami; мир этот – странное место, и всё в нём так или иначе вверх тормашками. Только подумайте, старина, обо всех этих бедолагах, что торопятся на мессу. У них своих дел полно, их поджимает время, некоторые из них хотели бы после мессы испросить вашего совета, а вы при этом держите нескончаемое время в ожидании, удовлетворяя свою собственную любовь к молитве. Это неразумно, mon ami».

«Но, отче, – запротестовал я, – Должен же я какое-то время подготовиться к принесению Святой Жертвы!»

«Совершенно верно, – возразил он, – так почему бы не подготовиться пораньше утром?»

«Но я встаю в четыре, – ответил я, – а мессу служу не раньше восьми-деяти».

«Не думаете ли вы, – заметил он, – что промежуток в четыре-пять часов слишком долог пред очами Его, для Кого тысяча лет, как день прошедший? (ср. Пс. 89:5)».

«А благодарственные молитвы?» – полюбопытствовал я.

«Почему бы не прочесть их вечером? – предложил он. – Утром и вечером у вас будет больше времени и досуга на вычитку этих молитвенных правил; вы тогда будете и исполнять их тщательнее, и никому не доставите неудобства, проводя за этим столько времени, сколько вам заблагорассудится».

«Но, – возразил я, – не ужаснёт ли людей, что я творю молитвенное правило с такой быстротой, ведь Богу не угодно, чтобы Ему поклонялись на бегу?»

«Вотще мы бежим, – ответил он. – Как бы мы ни бежали, Бог бежит быстрее нас. Он – Дух; всё для Него -- настоящее; у Него нет ни прошлого, ни будущего. Куда мы пойдём от Духа Его? (ср. Пс. 138:7)»

Я внял убеждению и с той поры следую его совету к величайшей для себя пользе».

В начале 1610 года мадам де Буази долго гостила у сына в Анси. Она желала подготовиться к смерти, и, чтобы эта подготовка была основательной, она надолго уединилась [для духовных упражнений] под его руководством.

Ей уже было шестьдесят восемь лет. Хотя замуж она вышла в четырнадцать, детей у неё не было до двадцати одного года, когда в ответ на её молитвы и обеты ей был дарован Франциск. Впоследствии она родила двенадцать детей и всегда была преданнейшей женой и матерью, никогда не щадившей себя в служении мужу и детям. Ныне, почувствовав изнурение и отсутствие сил для продолжения жизненной битвы, она захотела вступить в вечный покой (ср. Евр. 4:10-11) и, предчувствуя, что желание её скоро будет удовлетворено, она самым благоговейным и ревностным образом подготовилась встретить своего Спасителя с чистым сердцем и незапятнанной душой. По завершении затвора она возвратилась в Шато-де-Саль. При расставании она сказала Франциску: «Никогда в моей жизни я не получала столько утешения и успокоения, как ныне – от тебя, сын мой и отец мой!»

В Пепельную среду она прослушала три мессы в церкви, исповедалась, приняла Святое причастие, а затем посетила вечерню. Прежде, чем отправиться на покой, она прочла три главы «Благочестивой жизни», чтобы ум исполнился святых помыслов. А утром, во время одевания она упала, поражённая апоплексическим ударом, и у неё парализовало половину тела.

Вбежал барон де Торан, сделал всё возможное, чтобы вернуть её к жизни, послал за врачом и снарядил отдельно гонца в Анси, чтобы вызвать обратно Франциска. Однако лучше пусть Франциск сам опишет последние мгновения жизни своей матери:

«К МАДАМ ДЕ ШАНТАЛЬ

Да, дражайшее чадо моё, нам должно всегда преклоняться пред Провидением, чьи пути всегда благи, святы и достолюбезны. Ему угодно было забрать у нас лучшую и милейшую из матерей, дабы поставить её, как я верю, перед ликом Своим и дабы держать её в Своей деснице. Давайте же, горячо любимая дочь моя, исповедуем, что «благ Господь: милость Его вовек» (Пс. 99:5). Его воля праведна и суды Его правы. Его воля всегда блага и Его указания весьма достолюбезны. Что касается меня, должен признать: эта разлука мне крайне болезненна. И подобает мне исповедаться в моей собственной слабости после исповедания Божественной благодати. Однако ж, чадо моё, то была тихая боль, хоть и острая, ибо я воскликнул вместе с Давидом: «Я стал нем, не открываю уст моих; потому что Ты соделал это» (Пс. 38:10). Несомненно, если бы дело обстояло иначе, я вскричал бы под этим ударом «Остановись!», но чувствую, что не смею так возражать или роптать под бьющей отеческой дланью Его, которую я по милости Его выучился нежно любить с юности».

«Однако вы желаете знать, как эта добрая женщина окончила свои дни. Вот отчёт о том; я даю его вам, вам, которой я отвёл место моей матери в Memento (здесь – поминании живых. – прим. пер.), читаемым мною на мессе, не лишив вас прежнего. А иначе я и не мог бы поступить: так прочно вы держитесь в моём сердце, где вы – первая и последняя».

«Матушка этой зимой приезжала ко мне и в течение месяца, проведённого у меня, сделала полный пересмотр своей душевной жизни и с великим рвением возобновила устремление к совершенству. Уезжала она вполне довольная мною, спокойнее, как она сказала, чем когда-либо прежде. Она пребыла в этом состоянии святой радости до Пепельной среды, когда, сходя в приходскую церковь Торана, она исповедалась, причастилась, прослушала три мессы и посетила вечерню. Ночью, когда ей не спалось, она велела служанке прочесть ей три главы из «Введения», дабы проникнуться добрыми помышлениями, и наметила себе на утро слова для торжественного исповедания (Protestation), но Богу было достаточно её доброй воли, и Он распорядился иначе, ибо, когда наступило утро и матушка, поднявшись, причёсывалась, ей внезапно стало худо, и она упала за смертью».

«Мой бедный брат, ваш зять, ещё спал, но как только ему сообщили, он, не тратя времени на одевание, примчался, поднял её, хлопотал над нею, дал ей понюхать духов и исполнил всё прочее, что обычно делают в таких случаях. К ней вернулось сознание, и она попыталась говорить, но понять её было сложно, ибо и язык её, и горло были затронуты параличом».

«Послали за мной, и я немедленно приехал с врачом и аптекарем. Они обнаружили, что она в летаргии и наполовину парализована, но на короткие промежутки времени им удавалось пробуждать её; затем она взяла крест и поцеловала его, но затем ослепла. Они ни к чему не прикасалась, не осенив крестным знаменем, и так она приняла Последнее помазание. Когда я прибыл, она, несмотря на слепоту и затуманенность сознания, с любовью обняла меня и сказала: «Вот мой сын и отец мой» и поцеловала мне руку со словами: «С меня причитается этот знак почтения, отче», а затем, протянув руки и нежно обняв меня, молвила: «...И этот поцелуй любви, ведь вы и сын мне».

«В таком состоянии она пробыла два дня с половиной, после чего нам уже не удавалось разбудить её, и 1 марта она кротко и блаженно отдала Богу душу, при смерти явив достоинство и красоту даже большую, чем когда-либо при жизни. Покоясь мёртвой, она выглядела безупречно прекрасной».

«Должен также сообщить вам, что я набрался духу уделить ей последнее благословение, сомкнуть ей глаза и уста, дать ей в последний миг лобзание мира. Затем я дал выход своей скорби и рыдал над милой моей матушкой больше, чем когда-либо с поры моего вступления в церковное служение, но, благодарение Богу, плач этот не сопровождался духовной горечью».

«Но должно рассказать вам о блестящем поведении вашего зятя. Я был в восторге от заботы, оказанной им нашей матери, от того, как он перенёс все беды и тягости – столько он проявил преданности и любви, что, будь он чужаком, я побратался бы с ним.

Не знаю, ошибаюсь ли я, но мне кажется, он сильно изменился к лучшему как в мирских, так и духовных вопросах».

«Итак, дорогое моё чадо, мы должны решительно всегда прославлять Бога, даже когда Он посылает нам всё более тяжёлые невзгоды. А теперь, если у вас получится, надеюсь, вы прибудете сюда на Вербное воскресенье. Ваша комнатка уже для вас подготовлена, готово и скромное угощение, чтобы попотчевать вас от всего сердца – я имею в виду своё сердце, которое, как вы знаете, принадлежит вам...»

«Ваша малышка Шарлотта счастливица – она оставляет мир, ещё и не будучи запятнана им. И всё-таки стоит всплакнуть о ней, ведь не лишены мы человеческого сердца и чувствительного начала! Да, мы поистине вправе оплакивать наших умерших, ведь Бог не только позволяет, но и призывает нас к тому. Я скорблю о ней, бедной девчужке, но менее глубокой печалью, потому что непомерное горе, вызванное потерей матери, затмило боль от этой второй беды. Я услышал о смерти вашей дочери, когда матушка лежала мертва. Бог даёт и Бог забирает, да будет благословенно Его Святое Имя! (ср. Иов. 1:21)» <...>

ГЛАВА XIX. ПОЧТЕННЫЕ ЖЕНЩИНЫ – И НЕМАЛО

10 июня 1610 года Франциск ввёл своих духовных чад в долгожданную обитель. Поистине, небеса улыбались в тот день, когда эти благоговейные души столь отважно приступили к молитвенной и жертвенной жизни.

«Voici, mes soeurs, le lieu de nos délices et de notre repos» – «Вот, сёстры мои, место наших радостей и отдохновения нашего», – воскликнула Жанна де Шанталь, а затем вместе с подругами преклонила колени перед алтарём, в то время как праведный епископ трижды повторял Gloria Patri, после чего, произнеся краткое наставление, попросил благословения Божия их начинанию. Затем, когда толпа любящих родственников, верных друзей, а также любопытных и праздных зрителей разошлась, Франциск задержался, чтобы сказать Жанне пару слов на прощание. <...> Двое святых основателей поделились друг с другом надеждами относительно будущего нового сообщества. Прежде чем дать ему определённый устав, Франциск поставил участниц в известность о своих пожеланиях. «Мне хотелось бы, чтобы вы вели жизнь Марфы и Марии, – твердил он, – соединяя дела милосердия с созерцанием, не пребывая в затворе, а направившись по углам да закоулкам, чтобы ухаживать за больными, помогать бедным, молиться подле умирающих. Соединённые таким образом деятельная и созерцательная жизнь будут друг другу помогать, а не мешать. Трудясь над собственным освящением, сёстры заодно будут помогать ближним вести лучшую жизнь – своим примером и содействием».

Затем Франциск дал мадам де Шанталь черновой набросок уложений и, попрощавшись, обещал явиться наутро, чтобы вознести Священную Жертву и уделить сёстрам Святое Причастие.

Жанна возвратилась к своим компаньонкам и, вспомнив своё видение, обратила их внимание на то, что как раз был праздник св. Клавдия, радостно сказав: «Тут-то,

наконец, мы и обрели покой детей Божиих – не только чрез врата св. Клавдия, но и в праздник св. Клавдия».

Они преклонили колени и поблагодарили Бога; затем мадам де Шанталь зачитала девушкам уложения, только что данные ей епископом Женевским. В итоге, с тёплым чувством пожелав друг другу доброй ночи, они разошлись по своим комнаткам.

Мари-Жаклин Фавр и Шарлотта де Брешар провели спокойную ночь. Никогда не спали они, по их словам, так хорошо, как первую ночь в «Версеау» – «Колыбели» (такое название закрепится за первой обителью визитанток. – прим. пер.). Но мадам де Шанталь мучилась сомнениями и укорами совести. Воспоминание о последней беседе с отцом и сыном терзало ей сердце. Горечь отца, его слёзы, страстный гнев и отчаяние сына... Он бросился навзничь поперёк порога гостиной, сказав матери, что ей придётся переступить через его тело... И потом, было ли благоразумно с её стороны отписать всю собственность детям и остаться почти без гроша, не имея ничего в мире, кроме скудной пенсии, на ежегодной выплате которой ей настоял брат?

Однако пылкая вера помогла ей. Вверяя себя Богу и полагаясь на Его благодать, она молилась: «О Боже, Ты, заботящийся о лилиях полевых да о птицах небесных, Ты ведь непременно позаботишься также и о ничтожнейшей из Своих слуг? С нас довольно искать Твоего Царства, прочее нам приложится».

После мессы Франциск был вынужден сразу уйти, но пообещал вернуться ближе к вечеру. Тем временем инокиням было нечего есть. У них не имелось ни припасов, ни денег. Светская сестра, Жаклин Кост, добрая душа, пришла в отчаяние. Явившись к мадам де Шанталь, она спросила, как готовить обед, коли нет ничего. «Дитя моё, Бог усмотрит», – был ответ.

Но вера Жаклин была не так крепка. Не видя способа раздобыть провизии, она направилась в сад и собрала немного овощей, позаимствовала чашу молока у соседки и сварила всё вместе. Получился довольно недурной суп, и насельницы как раз лакомились им, когда раздался стук. Жаклин Кост поторопилась отворить дверь. Это доставили вино, мясо и хлеб от президента Фавра. Бедняжке Жаклин стало изрядно стыдно за то, что она усомнилась в Промысле Божиим.

Президент Фавр противился уходу своей дочери из мира почти так же рьяно, как президент Фремио возражал против вступления Жанны в монашество. Более того, год назад никто бы и не подумал, что эта блистательная, красивая Жаклин Фавр погребёт себя заживо в монастыре.

Она, впрочем, всегда выражала отвращение к замужеству. «Если вы поручитесь, что мой муж умрёт через пару лет после свадьбы и оставит мне свободу, тогда я приму предложение одного из женихов». А их у неё было много, и среди прочих – Луи де Саль. Естественно, её отец благоволил ему, ибо не он ли был любимым братцем его собственного дражайшего друга и больше чем брата – Франциска Сальского?

Луи был чрезвычайно привязан к этой юной и очаровательной девице. Он ценил её тонкий ум, благоразумие и весёлый нрав. Она стала бы не просто идеальной женой но

и оказалась бы – он был уверен – любящей и внимательной матерью маленькому Шарль-Огюсту.

Мари-Жаклин поведала епископу Женевскому о своём желании вступить в монашество и о неприятностях, доставляемых ей жениховством его брата, ибо её отец настаивал на том, чтобы она приняла предложение столь завидного жениха. Франциск обещал всё уладить.

Однажды после обеда он сказал Луи:

«Бедный мой братец, придётся тебе уступить свою возлюбленную – у тебя могущественный соперник».

«За исключением Его Высочества, – воскликнул Луи, разгорячившись гневом, – я не знаю никого, в ком довольно смелости оспорить моё первенство!»

«О! – молвил Франциск с несколько насмешливой улыбкой, – тот соперник, кого я упомянул, так велик, что ты в лицо Ему взглянуть не посмеешь!»

«Ты сомневаешься в моей отваге?» – спросил его брат запальчиво.

«Разумеется, нет, – ответил Франциск всё с той же ироничной улыбкой, – однако ж мадемуазель Фавр выбрала себе в супруги Иисуса Христа, так что тебе придётся уступить Ему».

«А, коли так, то уж конечно я не стану более добиваться её руки. Да свершится Его святая воля!»

Он пришёл к Мари-Жаклин и сказал ей: «Если бы вы отказали мне, чтобы выйти замуж за другого, я был бы безутешен, но поскольку вы желаете вручить свою жизнь Богу, я вверю вас Ему с превеликой радостью».

Шарлотта де Брешар уже давно желала стать инокиней, но не могла остановить свой выбор на каком-то определённом ордене. Она подумывала о бедных клариссинках, о кармелитках. Пребывая в неопределённости, она как-то увидела странный сон. Ей привиделась восхитительная капелла, в которой был чудесно украшенный алтарь, а монахиня в хабите неведомого ордена творила там молитвы. Монахиня поднялась с колен, протрубила в рог и, обратившись к Шарлотте, спросила: «Присоединишься к нам?» «С удовольствием», -- ответила девушка. Тогда монахиня дала ей букет цветов, а когда она снова затрубила в рог, к ней присоединилось ещё несколько девушек.

После того сна Шарлотта горячо желала найти этот орден, но, разумеется, тщетно. Не обнаружив возможности разыскать его, она присоединилась к кармелиткам, но по истечении месяца была вынуждена уйти, поскольку слабое здоровье не позволяло ей следовать их суровому уставу. Затем она вступила в орден урсулинок, но здоровье опять же помешало ей остаться в нём. Она была так болезненна и хрупка, что президент Фремио, большой друг её отца, перевёз её в деревню, в Монтелон, чтобы она провела какое-то время с мадам де Шанталь. Там она познакомилась с Франциском Сальским и почувствовала неодолимую тягу открыть ему свои помыслы.

Он в равной мере был впечатлён ею, сразу оценил высоту души её и сильный характер. Рассказав ей о сообществе, которое он надеялся вскоре организовать, он спросил её:

«Дитя моё, нет ли у вас желания бежать вместе с мадам де Шанталь за той же наградой?» (ср. 1 Кор. 9:24)

Она вспомнила букет цветов, вручённый ей во сне и ответила с горячностью:

«С величайшим удовольствием, монсеньёр!»

«Тогда, дочь моя, терпеливо ждите да лишь думайте о любящем Боге всё больше и больше, ведь Ему угодно, чтобы вы посвятили свою жизнь служению Ему».

Анн-Жаклин Кост была скромной служанкой, с которой Франциск познакомился в Отель-де-ль'Экю-де-Франс в Женеве, где останавливался в ту пору, когда пытался обратиться Теодора Безу. Впоследствии она получила место в некоей гостинице в Анси и сразу же вверилась духовному руководству праведного епископа. Однажды она сказала ему:

«Отче, не позволите вы ли мне стать светской сестрой в том ордене, что вы учредите?»

«Кто сказал тебе, что я намерен учредить орден?» – спросил он удивлённо.

«Никто, – ответила девушка, – но сердце моё подсказывает, что вы так сделаете».

Вот эти четыре избранные души были особым образом призваны Богом стать первыми сёстрами Посещения.

Когда после обеда Франциск вернулся, он обнаружил, что его «голубки», как он шутя звал их, нарядились в облачения послушниц – чёрное платье с белым льняным воротником; чёрная шапочка, наполовину закрывающая лоб и полностью – волосы; и клобук из чёрной тафты, который, будучи опущен, совсем закрывал лицо. Франциска весьма позабавил их костюм, и, вернувшись домой, он посмеиваясь сказал братьям: «Наши дамы поистине мертвы для блеска и суеты этого мира, ибо головные уборы они себе выбрали самые непривлекательные».

8 июня он сочинил песнопение для сестёр Посещения и поручил им начать изучение латыни, чтобы они каждый день могли петь Малую службу часов Богородице. Каждый день епископ выкраивал время, чтобы нанести им краткий визит, и постепенно наставлял их в уставных правилах, каковые они по его намерению должны были соблюдать. «Больше вы не должны называть друг друга «мадам» и «мадемуазель», – уведомил он их, – но нежным и родственным обращением «матушка» да «сестра»».

Матушка де Шанталь рассказывает:

«Невозможно перечислить все дары благодати да милости, что Бог излил на нас в ту блаженную пору. В нашей общине царило ревностное благочестие, строгое послушание, дух молитвы и жертвенности и детская беспорочность. Мы непрестанно разговаривали о Боге и средствах возвращения любви к Нему. Даже малейшие правила мы исполняли на совесть. Возлюбленный отец наш вдохнул в нас такую любовь к

простоте и точности, что мы испытывали глубочайшие угрызения при малейшем проступке. И так глубоко было наше сестринское единение, что находиться среди нас было подобно раю на земле.

Поистине эти шесть месяцев были такими счастливыми, что сестра Жаклин Фавр то и дело замечала, что, не будь то на славу Божию, она предпочла бы так и провести всю свою жизнь вместе с нами, не увеличивая числа сестёр».

Многие юные и невинные девушки стремились попасть в новое сообщество. Все говорили о святой и блаженной жизни сестёр, которые, несмотря на все лишения, часто страдая от голода и жажды, никогда не жаловались, но всегда были веселы, беззаботны, исполнены святой радости и любви к Богу да ближним.

10 июля 1610 года Клод-Франсуаза Роже оставила отцовский дом в Анси и присоединилась к общинке. Она явилась, как летняя гроза, и ушла, подобно ей.

«Первая из моих дочерей, – пишет Франциск, – что отправилась на Небеса – поглядеть, что готовит Бог для её сестёр».

26 июля 1610 года в орден была принята Мари-Перонн де Шатель – яркая, умная двадцатилетняя девушка, любившая танцы, пение и поэзию. Мало того: она сочинила несколько баллад и рондо. Она ряд лет всюду упивалась жизнью, как вдруг случайно наткнулась на «Описание христианской жизни» Людовика Гранадского. Она внимательно прочла книгу, и это полностью изменило её взгляды. Решив оставить мир и посвятить себя Богу, она, подобно Шарлотте де Брешар, не могла решиться выбрать ни один из существующих орденов. Она тоже подумывала о бедных клариссинках и кармелитках, но отличалась такой же хрупкостью. В растерянности она молилась нашему Господу с простодушием любящего ребёнка: «Ох, милый Господи, ты видишь мою слабость и знаешь, как я растеряна. К ближайшей Троице Ты должен показать мне, как посвятить себя на служение Тебе. Если Ты этого не сделаешь, мне придётся вступить в какой-нибудь орден со смягчённым уставом».

Бог услышал её молитву: на неделе после Троицына дня она познакомилась с мадам де Шанталь и сразу же поняла, что служить Господу своему будет под её руководством.

28 июля хабит получила Мари-Маргерит Милло. Она была дочерью Советника Парламента Бургундии. Вскоре затем к сообществу присоединилась Мари-Адриенн Фише. Она стала сущей любимицей святого основателя. Он самолично крестил её и наблюдал за её детством и юностью, помогая ей стремительно продвигаться по тернистому пути, что ведёт к Небесам. Её радостно приняла матушка де Шанталь, которая, хоть была больна и не в силах выйти из комнаты, настояла на том, чтобы ей позволили самой вручить девушке хабит. И потому Адриенн облачилась в сумрачно-чёрную рясу и надела безобразную шапочку, склонив колени на прикаминном коврикe в келье Жанны.

Клод-Марен Тиолле стала восьмой из тех, кто был принят в общинку. Дом был довольно мал для быстро возрастающей численности насельниц, но до поры до времени у них не было достаточных средств на покупку более поместительного.

Занимаясь опекой и руководством «голубок», Франциск продолжал управлять епархией с обычной своей бдительной рачительностью и отеческой заботой. Его желание преобразовать клир только возросло, и чтобы осуществить это плодотворно, он просил у папы позволения основать епархиальный коллегиум. Но хотя Павел V и сказал месьё де Коэ, прибывшему в Рим ходатайствовать перед Верховным понтификом об одобрении преобразования аббатства Таллуар: «Ваш епископ – истый святой. Я издавна ценю и уважаю его. Передайте ему, что я полностью полагаюсь на его молитвы и прошу меня поминать в них», курия всё же усмотрела столько препятствий для удовлетворения просьбы праведного епископа, что из почина в итоге ничего не вышло.

Год 1610-й стал поистине памятным в жизни Франциска Сальского – он был полон печали и радости, встреч и разлук, горечи и торжества. Матушка его преставилась в марте в полноте лет и почестей. Едва оправившись от потрясения, вызванного её несколько внезапной смертью, он наравне с остальным цивилизованным миром был как громом поражён вестью об убийстве Генриха Наваррского сумасшедшим фанатиком Франсуа Равальяком. Это жуткое несчастье произошло, как знают все интересующиеся историей, 14 мая. <...>

Епископ Женевский и король Франции обоюдно уважали и любили друг друга, поэтому Франциск был крайне опечален трагическим концом своего августейшего и искреннего друга. «Смерть этого великого короля, – писал он, – печалит меня безмерно; он поистине заслуживает скорби и слёз». А в письме к месьё Деэ он высказывается откровеннее:

«Не могло случиться худшего бедствия, чем смерть сего великого монарха! Столь благородный, столь великодушный, столь возвышенный – кто мог бы подумать, что он падёт от кинжала безвестного негодяя! Он заслуживал гибели славной и героической. Величайшей его удачей было стать сыном Церкви и отцом Франции. Надеюсь, что в его последние мгновения Бог даровал ему благодать совершенного сокрушения и что Всемогущий явит Свою милость ему, кто был столь милостив к другим, и простит его, столь благородно прощавшего своих врагов».

В июне Франциск обрёл великую радость – был основан орден Посещения, в чём осуществилась мечта его жизни, и в последующие месяцы ему посчастливилось принимать в новое сообщество почтенных женщин – и немало (ср. Деян. 17:12), значительная часть которых были его личными друзьями.

Но к концу года его отвага и покорность воле Божией подверглись ещё большим испытаниям. Преставился старый добрый наставник месьё Деаж, и хотя он в старости стал довольно докучлив и брюзглив, Франциск всё равно горячо любил его. Более того, он так остро прочувствовал смерть этого досточтимого мужа, что, когда при вознесении Священной Жертвы за упокоевание его души он дошёл до Отче наш, то так расплакался, что не мог вымолвить и слова. И только после довольно долгого промежутка времени, в течение которого несмотря на своё дивное самообладание он тщетно пытался унять чувства, ему удалось закончить мессу. Когда он вернулся к себе

в комнату, келейник, пытаясь утешить его, спросил, почему он плакал так горько при Отче наш.

«Ах, если вы желаете знать, почему, – ответил святой, – то признаюсь: потому что этот добрый, праведный человек первым научил меня сей молитве, и хотя я знаю, что он сейчас среди святых на небесах, услаждающихся в полной мере Блаженным Видением, моё сердце всё же горюет о нём, ведь он всю мою жизнь был мне другом и советником».

Всё ещё скорбя по своему второму отцу, Франциск лишился – к счастью, не по причине смерти – друга, которого называл своим *cher frère* – милым братом, Антуана Фавра. Герцог Савойский удостоил месье Фавра должности Первого президента Сената Шамбери, и он был вынужден уехать из Анси и разместиться в столице.

Перед отъездом он настоял на том, чтобы епископ Женевский переселился в великолепный дом, самый грандиозный и роскошный особняк в Анси, а соответственно, как заметил Антуан Фавр, наиболее подходящий для того, чтобы послужить епископскими палатами. Как мы знаем, Франциск в итоге согласился, к великой радости своего друга, который, отправляясь в Шамбери, чувствовал, что смог хоть что-то сделать для дорогого своего Франциска, который, сам будучи весьма щедр, никогда не просил ничего у других, но следовал собственному правилу: «Ничего не проси, ни от чего не отказывайся».

ГЛАВА XX. ПУТЬ МАРФЫ И МАРИИ

«Ты спрашиваешь меня, дорогой брат, – пишет Франциск Сальский одному из друзей, священнику, – что такое мы делаем здесь, в этом маленьком городке в окружении гор. Ты говоришь, до тебя дошли сведения, что я весьма занят. Да, так и есть, дорогой мой брат, ибо, раз я возложил всеожжение на Божий алтарь, то не должно ли последовать благоухание приятное? (ср. Исх. 29:18) Но это Божие дело, не моё».

«Мой брат де Торан поехал в Бургундию за своей жёнушкой и привёз обратно вместе с ней такую тещу, каковую ни он отнюдь не заслуживал иметь, ни я – служить ей. Вы уже знаете, как Бог соделал её моей дочерью, и ныне эта смелая женщина оставила всё ради Бога, однако обеспечив сначала своих детей и оставив свои дела в совершенном порядке».

«В Троицыно воскресенье она с двумя компаньонками и служанкой Жаклин Кост поселились в маленьком домике и вступили в послушнический искуc. К ним с тех пор присоединилось несколько молодых дам из Шамбери, Гренобля и Бургундии. Я надеюсь, что эта конгрегация подойдёт немощным и хрупким, ибо её члены и без телесных подвигов ведут самую что ни на есть благочестивую жизнь».

«Они читают Службу часов Богородице и созерцательно размышляют. Они придерживаются суровой бедности, смирения, послушания и безмолвия; они чрезвычайно работящи, и жизнь их является настолько же образцовой, мирной и праведной, как во всяком монастыре на свете. После пострига они, если угодно будет Господу нашему, будут смиренно выходить в мир, дабы заботиться о больных и ухаживать за ними».

Ещё он пишет:

«Поначалу они будут соблюдать затвор таким образом: никому из мужчин не дозволено будет входить к ним, за исключением таких случаев, при которых им позволяется входить в реформированных монастырях (кармелиток босых, отличавшихся строгим следованием древнему уставу. – прим. пер.). Женщинам тоже нельзя будет приходить без разрешения настоятельницы. После года послушнического искуса они начнут выходить, но только ради заботы о больных. Им предстоит петь Службу часов Богородице и остаток времени проводить во всякого рода благих делах: в частности, в молитве и размышлении».

Год послушничества пролетел быстро. Сёстры жили в сущем раю, полном мира и приязни. День ото дня они возрастали в благодати и день за днём сближались, становились всё более и более едины в духе и мыслях, ибо их благой основатель постоянно навещал их, постепенно излагая им замысел ордена, обучая их мало-помалу уставу и уложениям. Не удивительно, что под таким руководством, внимая слову мудрости, исходившему из уст его, горело в них сердце их (ср. Лк. 24:32), и они с нетерпением ждали того славного дня, когда их жертва будет принята возлюбленным Искупителем, и Он наденет на персты их кольцо обручения, а волосы их облечёт покровом, что утаит их от мужских взглядов.

Наконец настал тот день, первая годовщина их прихода в эту скромную, тихую обитель посреди людного города – 6 июня, праздник св. Клавдия. Руководил обрядом Франциск Сальский. Облачённый в полное архиерейское убранство, он взошёл к кафедре и обратил к сёстрам слова, дышащие Божественной любовью, красноречивые, но при этом простые, полные ободрения и утешения.

Легко вообразить ту серафическую любовь и преизобилующую радость, что наполняла его нежную, кроткую душу, когда затем он накинул покрывала на их склонённые головы, надел серебряные крестики им на шею и вложил распятыя им в ладони. По завершении обряда, обратившись к ним, он молвил: «Ступайте, чада мои. Возвращайтесь в своё обиталище. Вы поистине избранные любящего Спасителя вашего».

А когда они перешли из святилища в хор, мадам де Шанталь запела счастливым и ликующим голосом: «Это покой Мой на веки: здесь вселюсь, ибо Я возжелал его» (Пс. 131:14) – слова, отныне всегда используемые при обряде принесения иноческих обетов.

Друзья монахинь пожелали было задержаться и поговорить с ними, но Франциск сказал:

«Оставьте их сегодня одних, пускай побудут в покое и порадуются сему дару Божию».

Несколькими днями позже Франциск написал матушке де Шанталь:

«АНСИ,

Июня 10 дня, года 1611.

ДОБРОЕ УТРО, ДРАЖАЙШАЯ МОЯ МАТУШКА!

Прошлой ночью Бог дал мне понять, что наша Обитель Посещения настолько благородна и велика по Его благодати, что может иметь свой герб и девиз. Итак, если вы одобрите, мы в качестве герба возьмём сердце, пронзённое двумя стрелами, увитое терновым венцом, а над ним будет выситься крест с выгравированными именами Иисуса и Марии. В следующий раз я поведаю вам тысячу своих мыслей на этот счёт, ведь наша конгрегация – это поистине творение Сердец Иисуса и Марии. Умирая, Спаситель наш породил нас чрез рану в Своём Святом Сердце».

Пока давших обеты сестёр было так мало, Франциск полагал, что разумнее им отложить посещения больных до 1 января 1612 года. Он написал 11 августа 1611 года Шарлотте Брешар, возглавлявшей общину на время отъезда мадам де Шанталь:

«ДРАЖАЙШАЯ ДОЧЬ МОЯ,

Вы должны отдохнуть, и основательно. Вам поистине следует благожелательно позволить другим исполнять их часть трудов, а не пытаться собрать все венцы. Ваши сестрицы будут совершенно счастливы разделить их с вами. Благоуханный дух любви, что побуждает вас делать всё самой, должен также побудить вас к самообузданию, дабы позволить и другим творить их долю трудов».

«Бог будет добр к вам, дражайшая дочь моя. Я надеюсь, Он только грозит, но не намерен нанести удар; также надеюсь, что наша дорогая Матушка скоро вернётся к своей дражайшей помощнице и возлюбленной дочери. Да, дитя моё, я желаю вам трудиться в духе пламенном, но притом кротком, ревностном, но притом сдержанном, не полагаясь на себя, но вверяя благое завершение всего – болезни, труда, чего угодно – любящей заботе вашего Спасителя. Да изволит Он благословить вас ныне и присно, а заодно и всё драгоценное стадо возлюбленной Матушки нашей, что, отсутствуя, всё же явственно пребывает в наших сердцах в присутствии Того, Кто превыше всего для сердца матери и дочерей её».

«Молитесь Ему, чтобы Он так же благословил и отца, дабы все были праведно равны в нашем дорогом, скромном, маленьком ордене Посещения.

Франциск».

Верная своему обещанию, матушка де Шанталь прибыла в Анси к концу декабря. Она решительно была настроена на то, что ничто не должно помешать ей начать великое и неслыханное дело: посещать больных и немощных, нести утешение и оказывать помощь бедным прямо у них дома.

В нынешние века почти невозможно представить, насколько странным казалось в те дни это нововведение: чтобы монахини посещали больных и обездоленных. Оставить строгий затвор обители и ходить по улицам, какая бы ни была цель этого, – то было совершенно беспримерно для монахини.

Женщин, которые вступали на иноческий путь, по сути и буквально замыкали «за глухой стеною монастырской» (А. Теннисон. – прим. пер.), и чтобы нарушить в этом вековые обычаи, требовалась незаурядность и решимость такого отважного и чуждого условностям святого, как Франциск Сальский, а также решимость и свобода от всякого внимания мирскому уважению Жанны де Шанталь... Мужчины и женщины, святые и грешники равно возопили против такого нововведения.

«Монахиням – на улицы?! В дома?! Жуткая мысль! Неслыханно и нетерпимо!»

Тем не менее, 1 января 1611 года матушка де Шанталь с компаньонками приступили к этой трудной и в чём-то опасной задаче. Решившись бросить вызов богу толпы – общественному мнению, – полагаясь на любвеобильную милость и благодать своего Бога, своего распятого Спасителя, Который врачевал больных и исцелял немощных, и странствовал, творя добро, они вышли на улицы Анси, ходили туда-сюда по тёмным старым проулкам в обветшалые старые мрачные дома, внося свет в эти шумные обиталища, помогая не на словах только, но и на деле. Впрочем, собственный рассказ мадам де Шанталь об этих посещениях так живописен и образен, что стоит привести несколько выдержек из него.

«В о время этих посещений мы не только утешали больных и помогали им своими руками, но доставляли им всё требуемое из разряда белья, еды и т.п. Некоторые из них находились в самой крайней нищете, убожестве, грязи, кишели паразитами и отвратительно пахли, так что нужно было иметь такую любовь, как у наших дорогих сестёр, чтоб хотя бы дотронуться до них. Но они выполняли свои задачи с дивной отвагой: мыли и обихаживали нищих духом. Некоторые из этих бедняков обмачивались до плеч, будучи не в силах встать и не имея никого, кто помог бы им; некоторые были покрыты гнойниками, некоторые кишели паразитами. Сёстры перевязывали язвы одним и стригли других; они по сути делали всё необходимое, чтобы облегчить страдания бедняг: перестилали им посели, меняли бельё, доставляли свежее сено тем, кто лежал на земле, и прибирались в их убогих лачугах. Они приглашали к ним врачей, а когда приходила пора уделять Последние таинства, звали священника, постилали белую простынь на кровати и завешивали, насколько удавалось, самые отвратительные и неприглядные углы помещения. Ещё они хоронили умерших. Бедные люди были исполнены благодарности и любви, да более того: они многократно преподавали нам великий урок. Их долготерпение поражало нас, и мы многому научились от их готовности, смиряясь перед волей Божией, страдать и умирать».

Стоит ли говорить, что не было среди этой маленькой компании благоговейных душ никого героичнее, великодушнее и самоотверженнее бывшей владелицы замков Бурбийи и Монтелон. Вот что матушка Мари де Шожи говорит в своих показаниях на канонизационном процессе матушки де Шанталь после описания нескольких примеров её ревности и любви к ближним:

«Она проявляла столько отваги и героизма, выказывала так мало брезгливости при виде бедняцкой грязи, что одна из сестёр однажды спросила её, как ей удаётся выносить столь отвратные явления. Святая ответила, что ей не кажется, будто она

ухаживает за простыми тварными существами, но что ей всегда представляется, будто она перевязывает раны Господа нашего в облике Его бедняков».

Таким образом, монахини ордена Посещения шли по пути Марфы и Марии (как и задумал их святой основатель), более умерщвляя волю, чем тело; ибо Франциск Сальский придерживался одинаковых с Игнатием Лойолой взглядов, считая смерть эго и самолюбия более благородной, более героической и бесконечно более трудной задачей, чем упражнение во внешних подвигах и тяжких телесных умерщвлениях.

Для посещения больных выбирали двух сестёр, причём одна действовала за старшую. Однажды, когда на посещение больных отправилась матушка Фавр и сестра Фише, им довелось миновать Епископские палаты. Владыка был прикован к постели из-за язвы на ноге, так что, услышав, что они идут мимо, он послал за ними и попросил прийти перевязать ему ногу. Сёстры были совершенно счастливы от возможности сделать хоть что-то для своего возлюбленного отца, и с руками, дрожащими от радости (и, увы, от волнения и неопытности) они приступили к обработке раны. Франциск претерпевал крайние мучения от их благонамеренных манипуляций, но не говорил ничего, пока они не закончили; потом заметил – тихо и со слегка насмешливой улыбкой:

«Дети мои, когда будете перевязывать бедняков, делайте это спокойно, твёрдой рукой и не особо торопитесь, ведь когда с обнажённым мясом обращаются грубо, это причиняет крайнюю боль».

По возвращении в обитель они рассказали о своём приключении. Шарлотта де Брешар, что была отменной сиделкой, просила разрешения поухаживать за драгоценным пациентом, но получила отказ.

«Я до тех пор не увижу никого из вас, – сказал епископ, – пока не смогу прийти со своей больной ногой в приёмную».

Едва же Франциск Сальский восстановил здоровье и силы, как Жанна де Шанталь слегла с загадочным недугом, до крайности озадачившим самых выдающихся врачей. Несколько раз она оказывалась при смерти. Сёстры были безутешны; казалось, что чудесное Сообщество, которое они так крепко полюбили, обречено распасться, если смерть похитит у них их праведную Матушку. В таковых печальных обстоятельствах Франциск прибег к молитве.

Он воззвал о заступничестве к своему идеалу, святому Архиепископу Миланскому (св. Карлу Борromeо. – прим. пер.), пообещав отправиться в паломничество к его гробнице, если матушка де Шанталь исцелится, затем, подмешав праха от мощей святого к питью, которое больная собиралась принять, он подал его ей. Едва глотнув, она с глубоким вздохом открыла глаза и сказала: «Отче, я не умру на этот раз: я чувствую, что вполне исцелилась благодаря вам и св. Карлу Борromeо».

В восторге от этих слов епископ и вся община воспели *Te Deum* – «Тебя, Бога, славим», и через день-другой матушка де Шанталь смогла вернуться к своим обязанностям.

Маленький Мэзон-де-ля-Перьер стал чересчур уж мал для ежедневно возраставшего числа послушниц, и матушке де Шанталь удалось купить гораздо более поместительное здание близ озера; во вторник 39 октября 1612 года община переехала туда. Она намеревалась докупить ещё зданий и основать на том участке первый монастырь Посещения. Но сперва пришлось одолеть ряд препятствий, и только 18 сентября 1614 года графиня де Турнон от лица герцогини Мантуанской, дочери герцога Савойского, заложила первый камень в основание новой постройки. Обряд возглавлял, естественно, Франциск Сальский: он освятил первый камень, на котором была выгравирована следующая надпись по-латински: «Величайшему и всеблагому Богу, Иисусу Христу и Его Пресвятой Матери в честь Посещения. В правление Карла-Эммануила, герцога Савойского, при Генрихе Савойском, герцоге Немурском и Женевском, в год 1614 сентября 18 дня, под покровительством Маргариты Савойской, вдовы герцога Мантуанского в пору епископата Франциска, присутствовавшего здесь и исполнявшего обряд, в основание был заложен этот камень и освящён как памятник преданному служению инокинь Посещения».

ГЛАВА XXI. ВЛАСТЬ ЗЕМНАЯ

В ту пору Европа обсуждала большой вопрос земной власти папы. Иаков I Английский поднял тему множеством книг, написанных им в оправдание присяги верности, которую он требовал от своих католических подданных. Кардинал Беллармино дал ответ в своём весьма умном сочинении «De Romano Pontifice» – «О Римском понтифике».

Однако, как бы умён и учён ни был этот труд, он не удовлетворил никого, ибо Сикст V поместил его в Индекс запрещённых книг, сочтя, что он недостаточно убедительно отстаивает авторитет Святого престола, а с противоположной стороны раздался общий негодующий вопль, поскольку не только еретики, но и добрые католики сочли, что автор зашёл слишком далеко. Тогда он опубликовал вторую книгу «Tractatus de Potestate Summi Pontificis in Temporalibus» – «Трактат о власти Верховного понтифика в земных делах». То был, однако, лишь повтор принципов, защищаемых в предыдущем сочинении – а именно того, что папа обладает непрямыми полномочиями в земных вопросах.

Это-то и было яблоком раздора. Словесная война разгорелась быстро и яростно. Верные разделились на два лагеря: Сорбонна – в одном, иезуиты – в другом. Споры дошли до такой критической точки, что почти уже казалось, их итогом будет схизма. И из-за чего? По совершенно ничтожному поводу. Франциск Сальский часто повторял и старался запечатлеть в этих смятенных умах, что папа не претендует на земную власть. У него нет желания её осуществлять. У него нет ни малейшего намерения низлагать королей, нарушать существующие установления или мешать каким-либо образом правительствам и королевской власти. Тогда зачем, Бога ради, спорить на эту тему, особенно в таком язвительном и враждебном тоне? Он пытался затушить тлеющий пожар, опасаясь, что разногласия между католиками приведут к тяжким бедам, что и на самом деле случилось позднее – в правление Людовика XIV.

2 июня 1612 года Франциск Сальский адресовал докладную записку кардиналу Шипионе Кафферелли Боргезе. В ней он показывает себя верным и преданным сыном Церкви, горющем о её горестях, тревожащимся её тревогами, и предлагает, как ему думается, надёжнейший способ достижения мира и согласия между христианскими королями и народами. Однако, будучи столь верным сыном Святой Церкви и преданным сторонником Святого престола, он, судя по всему, не разделял мнение, что папа на самом деле обладает земной властью, поскольку одной даме, спрашивавшего его мнения по этому вопросу, он пишет:

«Папа – Верховный понтифик и духовный отец; король – верховный государь и земной владыка. Их власти различны и не сталкиваются; напротив – они помогают друг другу. Если верховный владыка наш, Его Святейшество, окажется в каком-либо затруднении или опасности, или под угрозой от неприятелей, тогда его верные чада, короли и государи мира сего, поспешат к нему на подмогу, поддержат его владычество, будут сражаться за него и защищать его. Тогда и он подобным же образом будет обращаться с ними, как с драгоценными возлюбленными чадами, благословлять и любить их, жаловать им духовные дары и блага. Но, как я часто замечал и раньше, этот спор совершенно тщетен и бесполезен, ибо наш Святой Отец не претендует на земную власть».

Людям, снова и снова спрашивавшим его мнения по этому жгучему злободневному вопросу, он часто повторял: «*Pacem habete, et Deus pacis et dilectionis erit vobiscum*» – «Храните мир, и Бог любви и мира будет с вами» (2 Кор. 13:11. – пер. еп. Кассиана).

Пытаясь внушить спорщикам более сердечные чувства, Франциск делал всё возможное, чтобы добиться от Рима канонизации Амадея III, герцога Савойского, поистине святого мужа, справедливого и великодушного государя, чью память чтит все добрые савояры.

Весной 1613 года епископ Женевский отправился к гробнице Архиепископа Миланского в соответствии с обетом, данным им, когда матушка де Шанталь чудесным образом исцелилась по заступничеству св. Карла Борromeо. По дороге он остановился в Турине, чтобы отдать дань уважения своему государю Карлу-Эммануилу и просить его пожаловать новому ордену Посещения опеку Савойского Дома. Также он попросил герцога передать ответственность за коллегиум Анси какому-нибудь иноческому ордену, поскольку учителя-миряне не справлялись с работой. Эти просьбы государь милостиво удовлетворил. Он напомнил Франциску, что по его мнению для этого дела замечательно подошли бы отцы-барнабиты, но оставил епископу Женевскому свободу выбрать их или кого-нибудь другого, как ему угодно. Основательно обдумав вопрос, помолившись и попостившись, дабы стяжать Божие вразумление, Франциск переговорил в Милане с барнабитами и, найдя их во всех отношениях пригодными для управления коллегиумом, предложил монахам принять опеку над заведением, а они охотно согласились.

Кроме того, Франциск выступил в защиту нескольких человек, обвиняемых в соучастии в убийстве секретаря герцога Немурского. Карл-Эммануил пообещал основательно исследовать вопрос, и Франциск продолжил паломничество в Милан.

Прибыл туда он 25 апреля, и был по-царски встречен кардиналом Федерико Борромео, двоюродным братом и преемником св. Карла, а также доном Хуаном де Мендоса, губернатором города.

Медоса настаивал, чтобы епископ остановился у него во дворце, но главным желанием Женевского владыки было найти какое-нибудь скромное жильё, чтобы можно было неприметно и неузнанно хаживать в собор и обратно, беспрепятственно совершать богослужения и проводить долгие часы в молитве перед гробницей своего идеала среди святых.

Довольно любопытно то, что Франциск Сальский, который сам был столь мягок, кроток и снисходителен к другим, вдруг выбрал себе образцом и возжелал подражать одному из самых суровых слуг Божиих.

Один маленький пример может проиллюстрировать разницу их подходов. Епископ Беллейский рассказывает:

«Св. Карл Борромео не терпел, чтобы после трапезы люди, собиравшиеся к нему, развлекались пустой болтовнёй; он заявлял, что не подобает пастырю, ответственному за столь обширную епархию, потворствовать эдакому легкомыслию, и что существует множество занятий получше. Это было естественно для святого столь сурового, и никто не удивлялся, когда он по такому поводу прерывал беседу. Франциск Сальский был более снисходительного нрава и не устранился от бесед после трапез. Когда я останавливался у него, он всегда старался развлечь меня. Он брал меня кататься на лодке по прекрасному озеру Анси, либо мы ходили на прогулки в какой-нибудь из дивных садов на очаровательных берегах. Когда он навещал меня в Белле, он не отвергал подобных же отдохновений, что я устраивал для него, но со своей стороны никогда не предлагал и не просил их. Во всём, что он видел – цветы, птицы, картины, великолепные здания, величественные пейзажи, увенчанные снегом горы, озёра, – он находил средства устремить к Богу свою душу и помочь в том же другим».

Да, как Карл Борромео посвятил всю свою жизнь трудам на благо своей паствы и, снедаемый ревностнейшей любовью к ближним, руководил огромной епархией с дивной мудростью и превосходным благоразумием, так и Франциск следовал по его стопам, считая себя лишь убогим и неловким подражателем великого святого, но исполняя притом евангельский совет о совершенстве: «Да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5:16).

Но почитаемый и любимый людьми епископ Женевский не смог надолго остаться сокрытым и безвестным, подобно скромной фиалке. На следующее же утро его попросили отслужить святую мессу на гробнице св. Карла Борромео. Мало того, архиепископ настоял, чтобы он нарядился в великолепные облачения, сверкающие позолотой и камнями. По завершении богослужения Франциск отправился нанести визит архиепископу в сопровождении нескольких священников и дворян. По дороге они всё восхищались красотой достославного собора, великолепием его отделки и

украшений. Затем, удивлённые, что Франциск никак не высказывается, они спросили его мнения.

«Должен искренне признаться, – ответил он, улыбаясь, – я не увидел вовсе ничего».

«Но вы должны были, монсеньёр, заметить хотя бы прекрасные облачения, что вы носили, и непревзойдённые сосуды, которые вы употребляли на мессе. Не может же быть, чтобы блеск драгоценных камней и сверкание золота не слепили ваш взор!»

«Я ничего не заметил, – тихо возразил Франциск, – ибо я был столь поглощён созерцанием добродетели и святости, которыми был внутренне украшен великий кардинал (св. Карл. – прим. пер.), что не воспринял внешнего великолепия – ни собора, ни священных облачений».

Проведя несколько мирных, посвящённых богочитанию дней в Милане, он вернулся в Турин, чтобы поучаствовать в праздновании дня Святой плащаницы, поскольку он был одним из прелатов, кого выбрали представлять священную реликвию для почитания верными.

Франциск исполнял свою священную обязанность с небесным ликованием, но как раз когда была его очередь, крайняя духота в церкви стала причиной того, что несколько капель пота, смешавшись с благоговейными слезами, упали на священное полотно. Кардинал Савойский, заметив это, был до крайности раздосадован и сурово попенял Франциску за беспечность, но тот, подняв взор в небесам, так молился своему Господу втайне: «О Спаситель мой, дозвожь мне смешать свой пот с Твоим, насытить мою кровь, мою жизнь, мои помыслы Твоей вседрагоценной Кровью! Сей добрый кардинал смущён, но Ты, Спаситель мой, не столь брезглив. Ведь Ты пролил Свою Кровь и Свой пот, дабы они слились с нашими и мы смогли обрести жизнь вечную. Да соединятся мои вздохи и мольбы с Твоими, дабы Вечный Отец принял их с благоволением».

Возвратившись в Анси, он почти не оставил себе времени на отдых после долгого и утомительного путешествия через Альпы, но выехал в Жекс. Этот несчастливый край находился, как обычно, в состоянии волнения. Религиозные разногласия сохранялись, подпитывая дух партийной вражды. Потребовалось почти сверхчеловеческое терпение кроткого епископа Женевского, чтобы хоть в какой-то мере обеспечить порядок и мир. Притом ему удалось восстановить ещё восемь приходо́в и добиться более тесного единения духовенства и паствы. Утешением ему послужило то, что барнабиты обосновались в коллегииуме Анси, а картезианцы – в Репайе.

В 1614 году он получил приглашение от императора Матвея I посетить рейхстаг в Ратисбоне 1 февраля 1615 года. Около сотни лет епископы Женевские не могли проживать в столице своей епархии, но полномочия оставались за ними, и Священные Римские императоры признавали только их истинными и законными князьями, ибо Империя наотрез отказывалась иметь какие-либо взаимоотношения или признавать кальвинистскую республику.

Герольд, согласно древнему обычаю, въехал в Женеву, проследовал к Епископским палатам, постучал в двери и объявил, что должен вручить послание епископу от Его

Императорского величества. Ему, естественно, сообщили, что епископа нет, а коли он желает видеть его, то ему должно поехать в Анси. Что он и сделал, доставив, таким образом, Франциску приглашение, на которое тот ответил, что только рад был бы принять его, но слишком беден, чтобы предпринять столь долгое путешествие, и что единственный способ, коим он может выразить свою преданность императору – это постоянно поминать его в молитвах...

ГЛАВА XXII. ОТЧЕ, НЕ МОЯ ВОЛЯ, НО ТВОЯ ДА БУДЕТ

«Меня называют основателем ордена Посещения. Ну не бессмыслица ли?! Я сделал то, чего не желал, а то, чего желал, оставил несделанным».

Поистине, не найти слов печальнее и трогательнее. Что же сделала Жанна де Шанталь, услышав об изменениях? Нашла ли она в себе силы для такого же возвышенного самоотречения? Или мучилась, проливая тщетные слёзы перед лицом разрушения дела своей жизни? Не взалкала ли её запертая «за глухой стеною монастырской» душа более полного, более деятельного существования – какого она чаяла прежде? Вероятно, она позабыла о разочаровании, решив посвятить свою жизнь служению Богу в любом виде, в каком Богу это служение было угодно; и теперь воспринимала решение своего праведного руководителя как выражение воли Божией относительно неё; пыталась утешить его и проявить к нему участливость. Не то чтобы он требовал особого утешения; единожды принеся жертву, он, похоже, не стал оглядываться назад и тратить времени на пустые сожаления, но, напротив, сразу приступил к созданию ордена на новых началах.

Но поначалу, когда Франциск ещё не принял решения, Жанна возражала против изменений, умоляя его оставаться непреклонным и ни в коем случае не менять устава и уложений сообщества.

Кардинал Беллармино тоже побуждал его придерживаться изначального замысла, написав следующее письмо в ответ на записку, пересланную ему Франциском, с просьбой ко Святому Престолу о нескольких милостях для визитанток и одновременно сообщая о желании кардинала де Маркмона полностью изменить уклад жизни монахинь и поменять устав сообщества.

«Я посоветую вам действовать, как я сам действовал бы на вашем месте. Я оставил бы этих вдов и незамужних дев ровно при их нынешних занятиях и не стал бы менять то, что хорошо сделано. Ещё до Бонифация VIII имелись такого рода монахини как на Востоке, так и на Западе. Есть и указания Святых отцов на этот счёт. Причём эти инокини могли даже путешествовать за границу, коли возникала необходимость, а соответственно, не находились в строгом затворе. И вы, монсеньёр, не находитесь в неведении о том, что простые обеты отнюдь не менее обязательны и похвальны, чем торжественные, поскольку торжественному принесению их, так же, как и правилу затвора, положила начало лишь булла Бонифация VIII. Даже в наши дни обитель благородных дам, заложенная св. Франциской Римской, пребывает в процветающем состоянии и даёт нам современный пример древнего обычая – ведь у них нет ни затвора, ни торжественного принесения обетов. Итак, если в вашем краю вдовы и

незамужние живут столь благоговейно, да ещё могут приносить такую пользу мирянам своей благотворительностью и добрым примером без затвора, я не вижу причины переменять их способ жития».

Однако победил кардинал де Маркмон или, вернее, воля Божия, ибо Франциск пришёл к заключению, что нет на то Его воли, чтобы девы и вдовы, покинув закрытые кельи, перешли к более полной и деятельной жизни, к которой он мечтал привести их. Винсенту де Полю, а не Франциску Сальскому было суждено преуспеть в столь славном начинании; ему подобает слава успеха, Франциску – триумф неудачи. Ведь несомненно, отступление от выпестованного замысла, отказ от мечты всей жизни требует куда более героической отваги, более мощной силы воли и более мужественного и благородного характера, чем готовность добиться своего, несмотря на все препятствия. Отказ – высшая (поскольку труднейшая для осуществления) добродетель, и потом, хотя орден Посещения не стал развиваться на своих первоначальных основаниях, он и его благой основатель получили преизбыточную награду в возмещение (если таковое вообще требовалось) за то, что лишились первоначальной задачи, ибо на них была возложена другая – распространять почитание Святого Сердца Иисуса (в орден визитанток в 1671 г. вступила св. Маргарита Мария Алакок. – прим. пер.).

Ведь именно смиренную дочь Богородицы и св. Франциска Сальского наш Господь избрал для возвещения великой любви Своего Сердца к нам, и эта скромная дева, руководимая и направляемая духовником-иезуитом, сделала её известной целому миру. Из убогой обители в Парэ-ле-Мониаль это почитание распространилось по всему свету. <...>

Однако каковы были те доводы, что заставили епископа Женевского переменить планы? Прежде всего – решимость кардинала де Маркмона не позволять монахиням, находящимся под его властью, посещать больных.

В 1615 году мадам де Шанталь открыла монастырь в Лионе в соответствии с явно высказанным пожеланием архиепископа того города – кардинала де Маркмота. Но, к величайшему её удивлению и досаде, едва все обосновались в новом обиталище и собрались приступить к своим обыденным обязанностям по уходу за больными и помощи бедным, как архиепископ строжайше воспретил им прокидать монастырь и ходить по улицам.

Кардинал де Маркмот мыслил по старинке и, как все люди такого рода, ненавидел нововведения. Что годилось для предшественников, то годилось и для него; притом он, вероятно, забыл или, ещё вероятнее, вовсе не знал, что в ранние времена христианства благочестивые женщины жили общинами, как инокини, но без строгого затвора и, соответственно, выходили оказывать вспоможение своим немощным и беспомощным братьям. В любом случае, было это очень давно.

У архиепископа и мысли не было о таком порядке вещей, а потому никаких реформ он заводить не собирался. <...>

В октябре 1617 года Франциск писал матушке Фавр, находившейся тогда в Лионе:

«ДРАЖАЙШАЯ ДОЧЬ МОЯ,

Если Владыка архиепископ говорит вам то же, что он написал мне, то вам подобает сказать ему, что вас оставили учреждать нашу конгрегацию сообразно вашим силам и руководить её согласно нашему уставу; а коли будет на то Божия воля, чтобы наша конгрегация сменила имя, устройство и правила, то вы положитесь на его благоизволение. Добавьте также, что каков бы ни оказался лучший путь служения Богу, вы согласитесь принять его».

«Вот каков должен быть дух нашей конгрегации – дух совершенствования и апостольства».

«Относительно тех условий, поставленных мне кардиналом, без принятия которых он не позволит нашей бедной конгрегации остаться в его епархии, я безоговорочно предоставляю выбор ему. Мне вполне безразлично, коль скоро добро делается, таким или иным способом делается оно, хотя мне весьма пришлось бы по душе положение простой конгрегации, где единственной оградой служила бы лишь любовь и страх пред Возлюбленным».

«Итак, я согласен, чтобы мы образовали обычный иноческий орден, я говорю это вам, дорогая моя дочь, доверительно и простодушно. Я соглашаюсь на это тихо и спокойно – нет, даже с определённым удовлетворением, и не только воля моя, но и суждение радо оказать в этом почтение великому и уважаемому прелату».

«Ведь к чему иному я стремлюсь во всём этом предприятии, как не к вящей славе и чести Божией, дабы глубже познали и крепче возлюбили Его те, кто посвятил себя целиком служению Ему?»

«В отношении всего остального будьте уверены, чадо моё, что я искренне люблю нашу маленькую конгрегацию, но без тревоги. То правда, что редкая любовь обходится без тревоги, но моя – не обычна, а потому поживает себе, не зная забот, в особом уповании, которое имею я на милость Господа нашего. Его вышняя длань может совершить для нашего маленького сообщества больше, чем люди способны помыслить».

«Ваш – более, чем вы в силах поверить, –

Франциск».

Примерно в то же время Франциск Сальский написал одному священнику, сообщившему, что некий инок не одобряет чтение визитантками одной лишь Малой службы часов:

«ПРЕПОДОБНЫЙ ОТЧЕ,

По вопросу, что тот добрый человек задаёт о том, какие занятия сестёр Посещения дают им право не читать Литургию часов, имею сказать две вещи».

«Поскольку они читают Малую службу с великой торжественностью и продолжительными остановками, у них уходит на это столько же времени, сколько у других монахинь на чтение Литургии часов, с той разницей, что они читают её с большим назиданием для себя и внятнее, чем последние. Правда ведь, то, что я видел неделю назад в монастыре близ города, – это гугенотам на смех – некоторые из монахинь поведали мне, что никогда не испытывают меньше благоговения, чем на Литургии часов, где они допускают уйму ошибок, отчасти из-за того, что не знают ударений и длительности гласных, отчасти из-за того, что не знают правил, или, опять же, из-за того, что вынуждены прочитывать всё так быстро, что, по их словам, при множестве отвлечений совершенно невозможно сосредоточиться. Я, впрочем, не считаю, что они должны быть освобождены от чтения часов, если только Святой престол, сжалившись, не решит, что это будет благоразумно».

«Но в то же время я считаю, что нет никакой несообразности, а, скорее, большое преимущество в том, что визитантки читают лишь Малую службу. На самом деле, преподобный отче, эта Малая служба служит для них источником благочестия. Во-вторых, в сообществе Посещения всякое мгновение с величайшей пользой используется на молитву, испытание совести, духовное чтение и прочие упражнения. Я уверен, что Святой отец одобрит эту работу, что не идёт вразрез ни с законом, ни с иноческим саном, и которая вызывает к жизни столь многие обители послушания в то время и в том государстве, когда и где было столько потеряно; к тому же эти женские общины никак не влияют на иные ордены и не дают повода жаловаться монахиням, живущим по другим уставам».

«Исключительно ради вящей славы Божией я желаю, чтобы эта маленькая конгрегация читала только Малую службу Богородице, ибо считаю, что этим они более полно участвуют в богослужении, а Литургию часов они читать не в силах».

«Разве не в высшей степени желательно иметь прибежище для тех бедняжек, что обладают крепкими и могучими душами, но слабым зрением и хрупким сложением?»

Ваш друг, и слуга, и проч.

Франциск».

Так маленькая Конгрегация Дочерей Св. Марии преобразовалась в иноческое сообщество строгого затвора под названием ордена Посещения.

Кардинал де Маркмот желал сменить и название, назвав его орденом Принесения во Храм, отметив, что, раз сёстры более не посещают больных и бедных, имя визитанток будет вводить в заблуждение, но Господу нашему было угодно замечательным образом явить Свою волю о том, что старое имя следует сохранить, ибо в грамоте об учреждении нового сообщества вместо слов «Конгрегация Принесения», а также во всех письмах и бумагах было чётко и ясно написано «Посещения» – даже в тех письмах, что кардинал сам написал королю. «Воистину, – воскликнули наблюдатели, – то рука Божия!»

23 апреля 1618 года Павел V прислал Франциску Сальскому буллу, уполномочивающую его создать из сообщества Посещения иноческий орден по Уставу св. Августина, и 9 октября того же года святой основатель дал своим дочерям устав и уложения нового ордена.

ГЛАВА XXIII. ДУХ ОРДЕНА ПОСЕЩЕНИЯ

«Je suis grand partisan des infirmes», – пишет Франциск Сальский одной из сестёр Посещения. Итак: «Я завзятый поборник немощных»; и именно в таком духе он составил устав, предназначенный для препровождения его духовных чад на [небесную] родину. Он следовал Уставу св. Августина, хотя в определённой мере изменил и подправил его, с тем чтобы соответствовать нуждам и силам его чад.

«Нет никого мягче св. Августина, – пишет Франциск. – Его писания суть сама нежность; его Устав проникнут духом милосердия; он дышит кротостью, благостью и снисхождением; он подходит людям любого происхождения и сложения. Но в то же время он несколько расплывчат. Он содержит только обобщённые советы, основные обязанности иноческой жизни; в нём не предписывается никакого способа управления. Св. Августин дал очерк обширного иноческого города, а не монастыря. Многие молитвенницы, втайне влекомые Святым Духом к монашеству, встречаются с препятствием к вступлению в иноческие ордены, где правилом является крайняя суровость, телесные подвиги и аскеза. Эти девицы и вдовы недостаточно крепки для жизни столь подвижнической. Соответственно, они вынуждены оставаться среди мирской суеты, что пятнает чистоту их душ. Таким образом, эта конгрегация создана для того, чтобы эти благородные души, желающие жить лишь для Бога, но остающиеся немощными, врождённой или возрастной хрупкостью, могли последовать своему призванию и покинуть мир. В конгрегации нет затруднений, препятствующих слабосильным и немощным вступить в неё и искать в ней возможности служить Богу. Вдовы тоже могут быть приняты в неё. Здесь будут рады и тем, кого не взяли в более строгие ордены по причине их возраста или телесных недугов».

Поскольку в сообщество принимались женщины всякого рода и состояния, большая часть строгостей, соблюдаемых в существующих орденах, была ослаблена. Сёстры не спали на досках, как дочери Кармеля; не поднимались в полночь петь Литургию часов. Вместо того они в половине девятого читали Малую службу Богородице и в десять отправлялись спать. Они не были обязаны ни воздерживаться от мяса, ни поститься с сентября до Пасхи – сохранены были лишь посты по пятницам да определённым канунам. Также запрещалось жёсткое самобичевание и прочие способы смирения плоти. Дух ордена был преимущественно духом любви и самоотречения. Здесь обуздывали душу вместо плоти и распинали волю, а не тело. Задачей сестёр было возрастая всё выше и выше в духовной жизни, стараясь достигнуть высшей ступени совершенства, и умерщвлять самолюбие, хотя Франциск считает, что самолюбие никогда не умрёт:

«Самолюбие может быть обуздано в нас, но никогда не умрёт; время от времени оно выпускает побеги, доказывающие, что, сколько ни подсекай его под корень, полностью

ни за что не истребить. Самолюбие нас никогда не покидает. Порой оно заснёт, как лиса, а затем как бросится на кур! Поэтому нам нужно постоянно стеречься его и терпеливо от него обороняться. Ах, как внезапно самолюбие вкрадывается в наши чувства, как бы благочестивы они ни казались!»

При этом его духовные чада загнали эту лису почти до смерти в ежедневном жертвовании своими склонностями. В глубоком самоотречении они достигли такой степени совершенства, что скрасила последние годы их возлюбленного отца и воздала ему утешением за ту великую жертву, что он принёс.

Пожалуй, одним из суровейших правил ордена является совершенная бедность, ибо у сестёр не имеется ничего своего, даже своих крестов и молитвословов. Каждый год происходит обмен кельями, кроватями, медальонами, образами и книгами, с тем чтобы они «могли жить в полном отречении от используемых вещей и не привязываться к ним. Ни одна из сестёр ни по какому поводу не может иметь ничего своего».

И конечно же, они не располагали своим временем, ведь каждый день настоятельница говорила им, что предстоит делать до ночи, а каждые полчаса занятие менялось, так что у них не было ни мгновения для себя самих. Но чтобы уловить настоящий дух конгрегации Посещения, нужно послушать те советы, что Франциск однажды дал одной светской сестрице, которая по причине своей детской простоты прозывалась в общине сестрой Симплицианой (от лат. simplex – «простой». – прим. пер.). Как-то раз она сказала епископу:

«Монсеньёр, я бы хотела так исполнять всё, как вы бы делали на моём месте».

«Правда, дорогая сестра Симплициана? Ну, боюсь, я не смог бы, как вы, ведь я ни на что не годен. Да, я по благодати Божией пытался бы быть таким же внимательным ко всем обязательным мелочам, чтобы тем самым угодить Господу нашему. Я бы соблюдал безмолвие, но и во время безмолвия заговорил бы, потребуй любовь к ближнему именно этого, а не противоположного, и говорил бы я всегда тихо, ибо таков устав. Дверь бы я всегда открывал и закрывал легонько, поскольку того желает наша матушка, а вам всегда должно стараться ей угодить. Я бы соблюдал правило охранения очей, равно как и всех своих чувств, ведь Бог и Его ангелы всегда взирают на нас и паче любят тех, кто поступает хорошо. Если работы у меня было бы много, я старался бы исполнить её хорошо, но если бы мне не дали занятия, я избегал бы помех другим, был послушен и любил Господа нашего. А чтобы любить Его и служить Ему от всего сердца, я приложил бы силы к точному соблюдению устава и уложений. Ах, дорогая моя дочь Симплициана, это нам нужно делать изо всех сил! Ещё, чадо моё? Я бы весьма радовался и никогда не спешил. Так я уже, слава Богу, и поступаю, ибо ни к чему не стремлюсь страстно, но упражняться нужно ещё больше. Я должен стыдить себя и проявлять смирение при любой возможности, а когда не удаётся, стыдить себя, в любом случае, за невыполнение этого правила. Я постарался бы всегда жить в Присутствии Божиим и исполнять все свои дела перед Ним. Я часто прочитывал бы наши уложения о смирении и скромности. Да, дорогая моя дочь, их следует часто читать и точно им следовать».

Франциск преподал матушке де Шанталь следующие советы относительно совершенствования:

«Я желаю вам быть малой и незначительной в собственных глазах, быть уступчивой и кроткой, как голубка, любить незначимость и упорно держаться её. Охотно пользуйтесь всеми представляющимися к тому возможностями. Не говорите быстро, отвечайте медленно, смиренно и кротко, почаще давайте вашему молчанию говорить за вас. Кротко поддерживайте других и будьте к ним снисходительны, являя великую доброту сердечную. Не сосредоточивайтесь на противоречиях и хлопотах; только на Бога смотрите и покоряйтесь полностью Его священной воле. Всё творите для Бога, всегда обращая взор и сердце к Нему».

«Не волнуйтесь ни из-за чего – всё делайте безмятежно и в духе спокойствия; не теряйте мира душевного, даже если всё перевернётся вверх дном, ибо что в этой жизни сравнится с внутренним миром? Господь наш любит вас; Он хотел бы, чтобы вы всецело были Его и ничего не вторгалось меж вами. Позабудьте всё прочее, ни о чём не тревожьтесь. Мужайтесь и весьма смиряйтесь, принижайте себя перед Спасителем вашим и не желайте ничего, кроме возможности любить его всё больше и больше».

«Ничего не отвергайте, как бы мучительно это ни было; облекитесь в Господа нашего распятого, любите Его в его страданиях и часто творите краткие молитовки о них. Поступайте так, дражайшая моя дочь, и да соделает Иисус Христос в нас, с нами и чрез нас всё ради Себя и всесвятой Своей воли. Аминь. Ну а я, благодарение Богу, всегда прикован взором к Промыслу, чьи указания всегда будут законами для моего сердца».

Таков дух Ордена Посещения – дух глубокого смирения, кротости, доброты. Сёстрам полагалось иметь на устах мягкие и дружелюбные слова, а в сердце – любовь; носить тяготы друг друга и друг другу помогать, обиловать и преизобиловать кротостью и милосердием. Им полагалось держаться простоты в помыслах, словах и поступках. Им поистине предстояло уподобиться малым детям – послушным, ласковым, невинным; отличаться любовью и заботой о пожилых и немощных.

По этому поводу Франциск Сальский высказывается с полнейшей ясностью: «Я питаю великую любовь к больным и опасуюсь, что из-за неудобств, которые они могут причинить, некоторые монастыри из духа благоразумия отсылают их прочь; но помните, что дух нашего ордена – это дух любви и милосердия. Я вступаю за несчастную больную сестру, а вы должны, учитывая, как она смиренна и как сознаёт себя обязанной вам, принять несчастную калеку и оставить у себя. Заодно это служит постоянным упражнением в терпении и святости для других сестёр».

Итак, повседневность ордена Посещения наладилась. Возникали новые обители – не только в Лионе, но и в Мулэне, Гренобле, Бурже и далее, а ещё при жизни Франциска – в Париже, Орлеане и Дижоне. Однако Франциску Сальскому, подобно Игнатию Лойоле, а по сути, подобно всем великим святым и слугам Божиим, не дано было избежать поношения и клеветы – «Будь ты целомудренна, как лед, чиста, как снег, ты не избежешь клеветы» (Шекспир. Гамлет. Акт III, сцена I. – пер. М. Лозинского).

Прекрасный и смиренный маленький орден Посещения, как бы скромн он ни был, не избежал людского глумления. Могущественный vox populi – глас народа, сокрушивший такое множество реформаторов, лишавший надежды и сердечного мужества мучеников и героев отечества, – возопил в ужасе от нового сообщества. Люди прозвали его Сестричеством Сошествия с Креста, народ вопил, что лишь для того, чтобы потешить кучку праздных бабёнок да побаловать нескольких хворых, открывает епископ Женевский так называемые монастыри, что на самом деле являются богадельнями, а то и домами отдыха или развлекательными заведениями. Он, мол, открыл секрет, как въехать на небеса на четвёрке лошадей по дороге, усыпанной розами без шипов, как пробраться в рай с отмычкой, причём инде, а не царским путём Святого Креста.

Однако Франциск, окончательно определившись с уложениями и получив их одобрение у папы Павла V, решил не давать более их искажать и менять, но обязать всех и каждую в общине соблюдать их. Следующая выдержка из письма к матушке Фавр даёт представление об этом:

«Не допускаю мысли, дражайшая моя дочь, что монсеньёр архиепископ введёт какие-нибудь дополнительные законоположения в вашем монастыре, если увидит, что записанные хорошо соблюдаются. Но если он пожелает внести какие-либо изменения, вам нужно будет просить его привести свои правила в соответствие со священным единообразием, что должно существовать во всех наших монастырях, ибо я считаю, что крайне дурным примером будет иметь отдельные и отличные направления в разных обителях. Надеюсь же, Господь наш даст вам уста и премудрость (ср. Лк. 21:15), дабы ответствовать со смирением и кротостью».

ГЛАВА XXIV. «ЛЮБОВЬ К БОГУ»

«Я намерен приступить к книге о любви к Богу и постараюсь на сердце своём написать столько же, сколько не бумаге», – сообщает Франциск Сальский матушке де Шанталь, постоянно побуждавшей его написать таковой «трактат». Он обещал, но, поскольку дела обширной епархии обременяли его ум и забирали время, да ещё и извне возникали заминки, он не находил почти никакой возможности начать. Однако любой лишний миг он посвящал своему великому труду и при написании его чувствовал в сердце столь мощное пламя Божественной любви, что слёзы, в обилии проливавшиеся на бумагу, вынуждали его прерываться. 25 марта, вернувшись с вечерни, он так преисполнился пламенем любви, снедавшим его душу, что лишился чувств. Вскоре в комнату зашёл его брат Луи и увидел шаровидный сгусток огня, а несколько языков, изошедших от него на голову Франциску, проливали на его лицо лучезарный свет, отчего оно казалось лицом ангела; и эти языки пламени порхали вокруг него, вплетались в одежду и касались её, не зажигая. Луи какое-то время стоял замороженный, но, когда явление исчезло, собрался с духом и спросил брата, что всё это значило, а заодно поинтересовался, не болен ли он, поскольку лицо святого всё ещё оставалось ярко-алым.

«Нет, братец, я не болен; не зови никого, – ответил Франциск, всё ещё трепеща от последствий знамения. – Я объясню тебе, что произошло, но ты должен торжественно пообещать мне никогда не рассказывать никому другому то, что я открою тебе».

Та любовь, какую Луи всегда испытывал к старшему брату, с того дня углубилась до чувства беспредельного благоговения, и он взирал на него как на святого. В память об этой дивной милости, с каковой Божий Дух влился в его сердце и душу, наполнил его, как некогда апостолов, огнём небесной любви и даровал ему ведение и мудрость, что превосходят людские, он в книге, которую всегда носил с собой, написал следующие строки: «Die vigesima quinta Martii, hodie, servum suum Franciscum misericorditer visitare dignatus est Dominus» (В двадцать пятый день марта, сегодня, Господь милостиво изволил посетить слугу Своего Франциска).

В июле 1616 чудесная книга вышла и сразу привлекла всеобщее внимание, произведя изрядную сенсацию не только во Франции и Италии, но и в Англии, причём там – в ещё большей мере.

Иаков I, как мы знаем, так восхищался «Благочестивой жизнью», что всегда носил её с собой, но когда он прочёл «L'amour de Dieu» – «Любовь к Богу», его изумление было таково, что он был совершенно заворожён и возопил: «О если бы мне хоть разок повидать создателя этой евангельской книги! Он говорит языком небесным, а не земным! Должно быть, он великий святой».

Слова эти были пересказаны Франциску, и он воскликнул: «Кто дал бы мне крылья, как у голубя? я улетел бы (Пс. 54:7) к королю той славной страны, некогда бывшей Островом святых, а ныне ставшей обиталищем ереси. Ах, милый Господи, если только мой государь позволит, я поеду к этому королю и проповедую истину ему и его подданным, пускай и с опасностью для жизни!» Однако Карл-Эммануил не позволит ему ехать.

«Любовь к Богу» – прекрасная, едва ли не слишком прекрасная для большинства, ибо сочетает учёность, богословие и философию с благочестием и серафическим пылом. Она является упражнением в созерцании – исполненном любви покойном пребывании души в Боге. В ней прослеживается путь души через ряд восхождений, с отвагой, и в печали, и при полной самоотдаче Промыслу. Книга содержит наставления, научающие любить Бога, и неодолимо побуждает к этой любви. Св. Винсент де Поль называет её «шипом для ленивых и стимулом (здесь в букв. смысле, т.е. «заострённой палкой погонщика») любви», а генерал фельянов (строжайшее ответвление цистерцианского ордена, возникшее в начале XVI в. и уничтоженное Фр. революцией. – прим. пер.) говорит: «Это совершеннейшая из книг, когда-либо написанных смертной рукою; книга, которую хотелось бы перечитывать снова и снова. Кто читает её, обязан стать лучше, а став лучше, обязательно перечитать и стать совершенным».

После появления «Благочестивой жизни» генерал картезианцев советовал Франциску больше не писать никаких книг, дабы не утратить репутацию, которую она ему принесла, но с публикацией «Любви к Богу» генерал проникся надеждой и молил святого никогда не давать покоя перу.

Книга широко разошлась, и её чрезвычайный успех пробудил у многих охоту познакомиться или, по крайней мере, повидаться с автором. Его приглашали проповедовать во время Адвента и Великого поста в несколько городов, но в итоге было решено, что проповедовать он будет в Гренобле – на Адвент 1616 года и в Великий пост 1617-го (парламент области Дофине так стремился залучить его, что упрощил герцога Савойского употребить своё влияние на епископа в их пользу).

Именно в то время, занимаясь ревностным миссионерским трудом в этом прекрасном городе, проповедуя, принимая исповеди, помогая и утешая всех приходящих, святой встретил маршала герцога, бывшего тогда губернатором провинции.

Этот вельможа был стойкий и упрямый кальвинист, и еретики взирали на него, как на сияющий светоч, как на того, чьё постоянство всегда послужит им опорой, кто окажется непроницаем для тончайших доводов и самых убедительных речей. Однако увидав Франциска, заносчивый, но рыцарственный старик был так впечатлён кротким достоинством и любезным обхождением святого, что решил послушать его проповедей.

Франциск ценил краткость в проповедях; тут он был в согласии со своим серафическим тезкой св. Франциском Ассизским, который советовал собратьям по ордену проповедовать сжато, приводя им стих из послания св. ап. Павла к Римлянам: «Слово коротко совершит Господь на земле» (Вульг. Рим. 9:28).

«Поверьте, – пишет епископ Женевский своему другу епископу Беллейскому, – исходя из моего опыта, чем больше вы говорите, тем меньше запоминается и тем меньше пользы слушателям. Перегрузка памяти ведёт к её отказу, как светильники погасают от чрезмерного количества масла и растения гибнут от избыточного полива. Худшая ошибка, которую может совершить проповедник, это многословие. Скажите мало, но хорошо и по существу».

И вот в Гренобле множества протестантов предпочитали ходить на его проповеди, а не выслушивать нудные и затяжные рассуждения своих собственных служителей. По их словам, Франциск был свободен от спорщицкого духа, и хотя первую часть речи он всегда отводил изложению истин католического вероучения, вторая была посвящена нравственным и духовным предметам. При этом же его выступления, пускай и не направленные нарочно против ереси, обладали такой опровергающей её силой, что многие гугеноты обращались.

«Я всегда придерживался мысли, – пишет Франциск, – что всякий, кто проповедует с любовью, совершенно опровергает ересь, хотя и слова может не сказать против неё. За все эти годы, по призыванию Божию проповедуя Его Слово народу, я заметил, что речи на жизненно важные темы, в которых предмет объясняется ревностно и благоговейно, собирают горящие уголья на головы (ср. Рим. 12:20) протестантов, слышащих их; они им всегда нравятся и приносят наставление, делая их восприимчивее и разумнее при обсуждении спорных моментов. Это мнение не только моё, но и славнейших из проповедников, кого я знаю. Все они согласны в том, что кафедра не должна

превращаться в трибуну полемики, и мы больше разрушим, чем построим, если не довольствуемся лишь мимолётным упоминанием спорного вопроса».

Итак, вот каков был стиль проповеди, что коснулась души старого маршала и его солдат. Личное обаяние Франциска Сальского покорило его сердце; краткие и жизненные рассуждения привлекли разум, а итогом была тёплая и искренняя дружба. Более того, она оказалась такой крепкой, так часто герцог Ледигьер приглашал епископа отобедать и поужинать, так много часов проводили они вместе в непринуждённой беседе, что кальвинистские служители встревожились и даже отважились попенять маршалу, остерегая его против столь опасной дружбы. Герцог полусердясь, полузабавляясь, отвечал:

«Передайте им, что я достаточно взрослый, чтобы позаботиться о себе. А они слишком молоды да ничтожны, чтобы учить человека моих лет и положения, как себя вести. Я знаю, как обращаться с епископами; они совсем не похожи на наших служителей, которые вообще-то не более чем кюре, раз они отвергают епископское служение, хотя на то имеется указание в Писании. Когда я увижу, что великие князья, сыновья и братья короля будут почитать за честь и знак достоинства стать служителями, как ныне – епископами и кардиналами, я подумаю, какое уважение оказать этим служителям и их мнениям».

К сожалению, 19 декабря 1616 года маршалу пришлось отбыть из Гренобля на помощь герцогу Савойскому, воевавшему с испанцами, а возвратиться он смог не ранее сентября 1617 года. Таким образом, их с Франциском общение на какое-то время прервалось. Однако в 1622 году герцог Ледигьер наконец-то примирился с Католической Церковью. Во время Адвента и Великого поста Франциск обратил многих выдающихся кальвинистов, а среди прочих – министра Барбье, одного из учёнейших и добродетельнейших еретиков, Клода Брокара, мужа выдающегося и именитого, а также нескольких представителей провинциальной знати.

Едва Пост подошёл к концу, Франциск без промедления поспешил в Анси. На вопрос, отчего он так стремительно покинул город, где его так чествовали и ценили, он простодушно ответил: «В этих больших городах да среди почестей и похвал я не в своей стихии. Как рыба вне воды. Я люблю свой городишко Анси и свою комнатку предпочитаю королевским палатам».

Как раз в ней он постоянно молился о мире и согласии между христианскими государями и народами, а превыше всего – о благополучии Церкви и распространении веры. Там он соединялся в молитве со своим Божественным Наставником и там же, когда душу его охватывал пожар любви к Богу, он прямо в нынешней жизни отведывал радости блаженных.

В Анси и окрестностях располагались три его любимых храма – св. Доминика, Посещения и торанская приходская церковь. Однажды он произнёс настолько блистательную и убедительную проповедь о вере в церкви св. Доминика, что, когда он спустился с кафедры, к нему подошёл отец Бланк, монах-доминиканец, признавшийся ему:

«Монсеньёр, никогда я не слышал, чтобы вы проповедовали с таким пылом и ревностью, как нынче!»

«Друг мой, – ответил Франциск, – я принимал миропомазание в вашей церкви, и воспоминание о том блаженном дне вдохновило меня».

«Ах, монсеньёр, вы, как всегда, добры и любезны к нам и к нашей убогой церкви!»

«Отец Бланк, – возразил Франциск со своей неотразимой улыбкой, – вам нет нужды благодарить меня. Служа в вашей церкви, я всего лишь исполняю свой долг, а заодно тешу себя. Я люблю все церкви в своей епархии, но имею особое пристрастие к трём – торанской, где меня крестили и посветили в епископы; вашу, где я принял миропомазание; да церквушку Посещения, где меня похоронят».

«О монсеньёр! – воскликнул отец Бланк, смиренно падая на колени, – вы же не лишите наш храм своих останков? Ведь многие века ваших предков погребали в нашей убогой церкви, и могилы их находятся у нас. Конечно же, вас тоже похоронят здесь!»

Франциск улыбнулся.

«Что-то я разговорился, – заметил он, – но тем не менее, хочу, чтобы вы знали: ни при жизни, ни после смерти я не принадлежу сему миру, и хотел бы, чтобы после кончины мои бренные останки были упрятаны куда-нибудь в уголок церквушки Посещения. Я освятил её, и сёстры-визитантки будут поминать меня в молитвах».

ГЛАВА XXV. ЛЮБОВЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

Бернар, барон Торанский, и привезённая им из Бургундии жёнушка вели идеальную жизнь в старом Шато-де-Саль, *filant le parfait amour* – наслаждались обоюдной любовью и были в высшей степени довольны обществом друг друга и своих близких.

Франсуаза де Шанталь, младшая дочь Жанны, частично проводила время в монастыре с матерью, но часто и надолго выбиралась погостить в Шато. Мари-Эме всегда была рада пообщаться с сестрой; помимо того, они часто ездили в Анси повидаться с матушкой и почтить вниманием Владыку Женевского.

Маленькая баронесса была избалована, но обладала таким милым и кротким нравом, что её большой муж обожал её, святой деверь души в ней не чаял, даже строгий Жан-Франсуа расположился к ней, а Луи тешил и лелеял её, ровно как своего собственного юного сына Шарля-Огюста, которому она стала прелестнейшей в мире тётушкой. Но уввы! Такое радостное и счастливое существование не могло длиться вечно. Мари-Эме и Бернар прожили в браке восемь лет, и она готовилась в первый раз стать матерью, когда полк её мужа был направлен в Пьемонт.

Предстоящая разлука разрывала им обоим сердце. «Они плакали так горько, что все вокруг прониклись их горем, и так сокрушительна была сила их печали, что они сами изумлялись тому, что могут терпеть её и жить». Итак, они распрощались. И никогда больше не встретились. Де Торан отсутствовал всего три недели, когда до семьи дошли сведения, что он опасно заболел в лагере.

«О Господи мой дорогой, – пишет Франциск Сальский, – *dimitte me, ut plangam paululum dolorem meum* (ср. Иов. 10:20 – «оставь меня, дабы я немного оплакал горе моё». – прим. пер.). Всякое мгновение я ожидаю сообщения о смерти моего брата де Торана. Мне потребуется время, чтобы утешить его несчастную вдову и успокоить своё собственное сердце».

На следующий день пришла весть о том, что отважный и рыцарственный Бернар скончался. Франциск писал своей сестре, мадам де Корнийон, извещая о печальной новости:

«Боже ж мой, дорогая сестрёнка,

Как тревожно мне при мысли о той боли, что вы испытаете от смерти нашего бедного брата, что был нам всем так дорог! Но тут уж ничего не поделаешь; нам должно смириться перед волей Божией, ведь если спокойно обдумать всё, Он явил великую милость к Бернару, забрав его в том возрасте и при том занятии, в котором столь велика опасность гибели душевной».

«Что до меня, то я неоднократно рыдал, ведь я нежно любил нашего брата, и ничего не мог поделать, кроме как поддаться естественным чувствам. Но сейчас я вполне утешился и смирился, узнав, как благочестиво он скончался на руках отца-барнабита и шевалье, совершив генеральную исповедь, трижды получив отпущение, приняв Святое причастие и Последнее помазание с великим рвением и благоговением».

«Невозможно выразить, какую выдержку проявила его бедная вдовушка! Мы задержим её здесь, в обители Посещения, ещё на несколько дней, пока она вполне не придёт в себя. Ни об одном мужчине не горевали так единодушно, как о нём! Это письмо предназначено для взора вашего мужа тоже. В надежде на скорую встречу

Всепреданнейше ваш

Франциск».

Но маленькая баронесса так никогда и не покинула обители Посещения. Она чахла день ото дня; душа её смирилась с Божией волей, но хрупкое тело не выдержало. В монастыре родилось дитя, но прожило лишь несколько мгновений, ровно столько, чтобы матушка де Шанталь успела его крестить. После чего Мари-Эме попросила принять её в орден Посещения и в предсмертных муках была облачена в иноческую рясу. Претерпев тяжкие боли – она была в ясном сознании – и трижды промолвив Святое Имя, она мирно испустила дух.

В монастырской летописи сохранился следующий отчёт о её последних мгновениях, написанный Франциском Сальским:

«Мари-Эме де Рабютэн, дочь нашей матушки и вдова Бернара де Салья, барона Сальского и Торанского, неоднократно высказав пожелание быть принятой в нашу здешнюю конгрегацию, внезапно заболела в этой обители. После исповеди и отпущения грехов с несравненной покорностью, редкостной кротостью и глубоким

смирением, при полнейшем спокойствии духа, нежно, ясно и отчётливо она попросила хабит ордена Посещения. Учитывая явленное ею великое благочестие, просьбу её исполнили, и, приняв таинство Последнего помазания, она просила позволения дать обеты. Эту просьбу тоже исполнили, и она произнесла их с великой отвагой, а тремя часами позднее скончалась, непрерывно, кротко и благоговейно повторяя до последнего вздоха: «Vive Jésus!»

«Она приняла хабит и была принята в иночество епископом, братом её покойного мужа, и собственной матерью, настоятельницей конгрегации, и всеми сёстрами, что присутствовали при её праведной и прекрасной кончине 6 сентября 1617 года. В тот день около восьми вечера она вступила в предсмертные муки; в девять получила хабит; в десять принесла обеты; а между часом и двумя утра седьмого дня названного месяца, в канун Рождества Богородицы она преставилась в лучший мир, оставив после себя пример редкостного благочестия и дивное духовное утешение тем, кто, несмотря на скорбь по её смерти, видел и изумлялся святым обстоятельствам, сопровождавшим оную.

Франциск, епископ Женевский».

Матушка де Шанталь добавила несколько строк: «.., который уделил таинства покаяния, Святой евхаристии и Последнего помазания, принял обеты у возлюбленной покойной, бывшей от роду девятнадцати лет, двух месяцев и шести дней».

Матушке Фавр, что была тогда настоятельницей в Лионе, Франциск пишет:

«Вы спрашиваете о наших семейных несчастьях. Нет, то была не та наша невестушка Мари-Эме де Торан, какую вы знали, – умершая недавно Мари-Эме была совсем иной. Ведь за последний год малышка-баронесса достигла такого совершенства, что её стало не узнать, но особенно изменилась во вдовстве, когда вступила в конгрегацию Посещения. А как она умирала, о! То наверняка была самая праведная и блаженная смерть, какую только можно вообразить. Я любил её любовью куда более сильной, чем братская, но да свершится как Богу угодно! Да будет Имя Его Святое благословенно!»

Епископ Женевский справил все похоронные службы, поехал к своему другу, епископу Беллейскому, и у него обрёл утешение и успокоение. По возвращении в Анси он обнаружил, что матушка де Шанталь не только снедаема горем из-за потери дочери, но и терзается страшными угрызениями совести. Она боялась, что неправильно крестила внука, что в спешке и смятении забыла важную часть таинства, а потому ребёнку никогда не увидать лика Божия.

«Ох, отче! – воскликнула она, пав к его ногам в порыве слёзного отчаяния. – Это я виновата, что он никогда не увидит Бога, это я виновата!»

И горько заплакала.

Со своей обычной прозорливостью и острой проницательностью Франциск тут же нащупал больное место.

«Дочь моя, – молвил он резко, – вы только о себе думаете?»

При этих словах Жанна де Шанталь немедля осознала свою оплошность, и, как только туман, заволакивавший её душу, развеялся, она отчётливо вспомнила все обстоятельства, связанные с крещением, и то, что на самом-то деле она исполнила обряд с величайшей точностью.

В ту пору Франциск написал два письма Верховному Понтифику, причём одно из них – с просьбой позволить бедным клариссинкам сообща владеть собственностью. Доселе они жили исключительно за счёт милостыни и пожертвований, но в последнее время в связи с повсеместным разорением и бедностью эти даяния оскудели, и инокини оказались в совершенно плачевном положении: они едва не голодали, не имели тёплой одежды и топлива.

Стоит ли говорить, что епископ помогал им изо всех сил, но у него было недостаточно средств, чтобы без посторонней помощи обеспечить целую общину. Одновременно он пишет кардиналу Беллармино, уговаривая его употребить своё влияние на папу, но это не помогло: кардиналу не удалось добиться этой милости, и бедные монахини остались в прискорбном состоянии нужды и лишений.

Второе письмо, адресованное праведным епископом главе Церкви, было ответом на просьбу Павла V в совете о беатификации его большого друга Джованни Джовенале Анчины, епископа Салуццо.

В этом письме Франциск дал живейший и изящнейший очерк личности праведного ораторианца, но самое любопытное и интересное в этом правдоподобном портрете то, что Франциск, описывая Анчину, на самом деле, хоть и совершенно несознательно, описывает себя. Звучит это так:

«Отрадно слышать, что житие достославного епископа Джовенале Анчина будет вскоре опубликовано, ибо поскольку, как учит нас св. Григорий, епископы суть изобразители добродетели, а поскольку изображать они должны столь превосходный предмет словами и делами своими как можно точнее, то я не сомневаюсь, что в житии восхитительного Анчины мы увидим полный и совершенный образ христианской праведности – а значит, всецелой добродетели».

«Более того, в течение пяти месяцев, что я провёл в Риме, обсуждая дела сей епархии в соответствии с поручением моего благочестивейшего и достославного предшественника владыки Клода де Гранье, я повидал многих мужей, блиставших святостью и вежеством, но среди всех этих выдающихся личностей меня паче всего поразили добродетели досточтимого Анчины».

«Ибо меня восхитили глубокие познания этого человека, охватывавшие великое множество предметов, а ведь наряду с этой дивной учёностью он обладал уравновешивающим её пренебрежением к себе; также меня восхитила торжественность его облика, его речи и манеры, его скромность и любезность, его великое радение о божественном и соразмерное внимание к вежливости и обходительности, так что он гордыню подавлял не другой гордыней, как случается со

многими, но подлинным смирением, и не выставлял напоказ свою любовь через «знание, которое надмевает» (1 Кор. 8:1), но оплодотворял своё знание «любовью, которая назидает» (там же). Он был любим Богом и людьми, потому что сам любил их чистой любовью. Причём чистой я называю любовь, в коей едва ли найдётся хоть малейший след самолюбия, сиречь «филангии», – любовь уникальную и исключительную, какую редко встретишь даже среди людей, посвятивших себя духовной жизни, а потому «цена её выше жемчугов» (Прит. 31:10). Я заметил, что, когда представлялся случай, этот праведный муж всякий раз открыто, искренне и с любовью хвалил различные установления, добродетели, учения и способы служения Богу всякого рода иноков, клириков и мирян, словно он был членом их конгрегаций и посетителем их собраний. И при том, что он с нежной сыновней сердечностью был предан своей горячо любимой Конгрегации Оратория, он на этом основании не относился холоднее и не отзывался сдержаннее (как часто бывает) о других обителях и сообществах служащих Богу людей. Именно поэтому, взыскуя лишь вящей славы Божией, он с величайшей нежностью препровождал в сообщества, которые, по его мысли, наиболее подходили им людей, которые, будучи тронуты благодатью Божией и желая вести более благочестивую жизнь, спрашивали его совета; он был из тех, кто ни Павлов, ни Кифин, ни Аполлосов, но Христов (ср. 1 Кор. 1:12), и кто не слушал холодных слов «мой» да «твой» в отношении как вещественного, так и духовного, но творил всё исключительно для Христа и во Христе».

«Приведу вам пример совершенной любви этого апостольского мужа. Недавно здесь у нас в Анси, в Коллегиуме регулярных клириков св. Павла умер Вильям Крамуази, что из Парижа. Разговорившись с ним однажды незадолго до его смерти, я случайно упомянул Джовенале Анчину. Лицо моего собеседника просияло от радости, и он воскликнул: «О как любезна, как драгоценна мне память об этом праведном человеке! Ведь он вернул меня ко Христу!»

Затем он поведал мне как всё было.

«Когда мне было двадцать четыре года, – сказал он, – Бог призвал меня к иноческому житию, но по слабости и недостатку отваги я стал жертвой сомнений и даже всерьёз задумывался о женитьбе. Но однажды я вошёл в ораторий в Валичелле (Санта-Мария-ин-Валичелла, также известная как Новая церковь — главная церковь ораторианцев, в которой покоятся мощи св. Филиппа Нери. – прим. пер.) и услышал проповедь отца Джовенале Анчина; сперва он рассказывал о непостоянстве и слабости человеческого сердца, а затем – об искренней ревности, с каковой мы должны следовать внушениям благодати.

Когда речь была окончена, я подошёл к нему в углу оратория, где он молился, рассказал ему о своих чувствах и открыл перед ним своё сердце.

«Приходите ко мне завтра, – сказал он, – а я тем временем внимательно обдумаю ваш случай и помолюсь о вразумлении».

Итак, я пришёл к нему на следующий день, внимательно выслушал и взвесил всё, что он сказал:

«Именно по этой причине в Церкви существует так много различных иноческих орденов – а именно для того, чтобы те, кто не в силах вести крайне суровую и подвижническую жизнь, имели всё-таки возможность посвятить себя служению Богию в менее строгих конгрегациях. Я советую вам вступить в Конгрегацию регулярных клириков св. Павла, поскольку монашеская дисциплина, ведущая к совершенству, в ней процветает, но при этом она не отягчена телесными трудами или суровыми подвигами».

Вот я и вступил в Конгрегацию, где совершенно счастлив».

Из этого можно понять, как велика была мощь Джовенале Анчины в проповедании и как ревностно он помогал другим. Что же до меня, искренне признаюсь, что под воздействием многих писем, что он написал мне, моё желание упражняться в христианских добродетелях чрезвычайно возросло и окрепло. После ж того, как он перешёл от восхитительного жития в Конгрегации Оратория к святейшему епископскому служению, его добродетель засияла ещё ярче и яснее (как поистине и подобало), испуская лучи, как светильник, горящий и светящий (Ин. 5:35), поставленный на подсвечнике, дабы светить всем в доме (ср. Мф. 5:15).

Когда в 1603 году я немного отклонился в своём путешествии, дабы навестить его в Карманьоле, небольшом городке епархии Салуццо, где он тогда находился с пастырской визитацией, я увидел, с какой любовью и почтением паства относится к нему. Ведь прослышав о моём прибытии, они с пылом – не могу достойно выразить, каким, – применив своего рода дружеское насилие, перетащили меня из общежития в дом кого-то из знатных горожан, сказав, что хотели бы, будь такое возможно, поселить в своих сердцах человека, что уклонился с дороги, дабы почтить их возлюбленного пастыря». <...>

ГЛАВА XXVI. СВЯТАЯ ГОРА

В Адвент 1617 года и Великий Пост 1618 Франциск Сальский проповедовал в Гренобле, поскольку перед тем маршал Ледигьер горячо упрашивал герцога Савойского убедить епископа Женевского принять приглашение парламента Дофине. Иные доброжелатели подумали, что безумно Франциску проповедовать два года подряд в одном и том же городе, ведь, по их словам, он будет повторяться и утратит приобретённую там репутацию, но праведный епископ оказался безумен безумием слова о Кресте.

«Ибо слово о кресте для погибающих есть безумие, для нас же, спасаемых, есть сила Божия. Ибо написано: Погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну. Где мудрец? Где книжник? Где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира в безумие? Ведь поскольку мир своей мудростью не познал Бога в премудрости Божией, — благоугодно было Богу безумием нашей проповеди спасти верующих. ...Потому что безумное Божие мудрее людей, и немощное Божие сильнее людей» (ср. 1 Кор. 1:18-25. – пер. еп. Кассиана).

И вот, как всегда случается, когда уповают только на Бога, не полагаясь свою силу и мудрость, но веря всё Ему, миссия епископа Женевского имела полный успех. На его

проповеди приходило даже больше народу и слушали его внимательнее, чем в предыдущие разы. Послушать его собирались толпы, в церкви было негде стать, а обращения оказались столь многочисленны, что, как это часто случалось, у Франциска не было ни минутки свободной, настолько время его заполнилось проповедью, наставлением, научением, приёмом обращённых и уделением таинств.

Как раз в краткие утренние часы он с великой поспешностью написал матушке де Шанталь, что была серьёзно больна, но уже шла на поправку:

«Гренобль,

март 1618 г.

Дорогая дочь моя,

Этой ночью в часы бдения у меня возникла тысяча славных идей для проповедей, но у меня не хватило сил осуществить их. Богу всё ведомо, и, всё направляя к Его вящей славе, преклоняясь перед Его Промыслом, я пребываю в мире.

Тут ничем не поможешь: я должен делать то, чего не хочу, а доброго, которого хочу, не делаю (ср. Рим. 7:19). Здесь я всё время проповедую, причём обширному кругу слушателей, гораздо большему, чем ожидал, но если бы я тут ничего не делал, мне бы от того не полегчало. Тем временем я постоянно думаю о вас и вашей душе, за которую беспрестанно молю Бога и ангелов Его, дабы исполнилась она преизбытком Его благодати».

«Весьма крепко моё желание, дражайшая дочь, чтобы вы возрастали в небесной любви. Служа ныне утром Святую мессу, я вновь посвящал вас Богу...»

«Не позабыл я и помянуть особо вашего покойного мужа. Поистине глубокие чувства испытал я недавно относительно моих обязательств перед Провидением, и в который уже раз я с пылом и ревностью постановил служить Ему с величайшей верностью, с большим постоянством держать свою душу в Его Божественном Присутствии, а при всём том я ощущал некую радость, не порывистую, но, полагаю, долговременную, о начатом мною внутреннем преобразовании. Разве не возликуете вы, дорогая моя дочь, если увидите однажды, что я стал вполне пригоден для служения Господу нашему? Да, вы будете рады, ибо мы нераздельно связаны внутренне. Вы постоянно желаете для меня множества даров благодати, а я со всем пылом душевным молю Бога, чтобы Он научил вас целиком принадлежать Ему. Богу ведомо, о дражайшая дочь души моей, как жажду я умереть ради любви к моему Спасителю. Но коль уж я не могу умереть ради неё, то пускай я буду жить ради неё!»

«Я в отчаянной спешке, а потому что ещё мне сказать, кроме: «Да благословит Бог веки и защитит вас»?

«Прощайте, дорогая моя дочь, держитесь крепко за вашего распятого Искупителя. И снова прощайте! Я зашёл далеко в ночь, но тем ярче представляю ваше единение с Иисусом. Молю Его глубже и глубже войти в единение с вами и поселиться в вашем

сердце навеки. И вновь же прощайте, дорогая моя дочь, лелеемая мною паче всех в Господе нашем, Который живёт и царствует в бесконечные веки. Аминь. Vive Jésus!»

Граждане Гренобля упрашивали Франциска открыть в их городе монастырь ордена Посещения, пообещав ему щедрую поддержку и добавив, что если сама матушка де Шанталь приедет, чтобы поначалу возглавить его, то всё будет в готовности к приезду её и общины. Соответственно, когда в канун Пальмового воскресенья Жанна прибыла, она обнаружила, что помещение, которое ей с сёстрами предстояло временно занять, в полном порядке, полностью обеспечено и оснащено всем необходимым для жизни. На следующий день епископ Женевский возглавлял величественную церемонию открытия новой обители. Она прошла весьма пышно и блистательно. Затем он с матушкой де Шанталь выбрал место для строительства нового здания на изрядном возвышении над городом посреди скал, где воздух был чист и целебен, где сёстры могли бы жить уединённо вне досягаемости мирской нечистоты.

Благополучно всё обустроив, матушка де Шанталь возвратилась в Анси, но Франциск, давно желавший взойти на Святую гору, немного задержался, чтобы исполнить это намерение.

По прибытии в Великую Шартрёзу с ним произошёл любопытным случай. Приором был в то время дом Брюно Д'Аффренг, являвшийся заодно и генералом всего ордена, потому что Великая Шартрёза, основанная св. Бруно в 1084 г., была материнской обителью, откуда и её почётное именование – «Великая». Дом Брюно был чрезвычайно благоговейным и учёным мужем, однако почти дитятей в своей простоте и невинности.

Он принял знаменитого епископа Женевского с великим радушием, проводил его в выделенную ему комнату, побеседовал с ним немножко на духовные темы, а затем пошёл готовиться к утрени, упомянув, что ныне канун праздника одного из величайших святых ордена. По пути в свою келью добрый приор встретился с кем-то из общины, спросившего его, куда он направляется и где оставил владыку Женевского.

«Я оставил его в его комнате, – ответил дом Брюно, – отпросившись, чтобы подготовиться у себя в келье к утрени завтрашнего праздника».

«Отче, – сказал удивлённый и обеспокоенный монах, – вы прискорбно невежественны в этикете! Мы что – ежедневно принимаем прелатов столь известных, как епископ Женевский, чтобы так вот оставлять его одного, особенно когда речь идёт всего лишь о нашем орденом празднике? Разве неведомо вам, что Богу угодны уступки, делаемые ради гостеприимства? У вас ещё найдётся полно времени, чтобы воспеть хвалы Господу, но кто, кроме вас, развлечёт столь великого прелата? Оттого, что вы его бросили, наш монастырь понёс бесчестье!»

«Чадó моё, – молвил в ответ смиренный генерал, – вы правы, я ошибся».

Возвратившись к Франциску, он сказал ему с детским простодушием: «Монсеньёр, я тут только что встретил одного из наших отцов и он поведал мне, что я допустил тяжкую оплошность, предоставив вас самому себе. Он прав, и я вынужден вернуться просить у

вас прощения – надеюсь, вы извините меня, ведь я правда допустил эту оплошность совершенно непредумышленно».

Такая чистота, непосредственность и простодушие совершенно покорило сердце человека, горячо любившего простодушие и искренность, и они с достойным домом Брюно стали лучшими друзьями.

Стоит ли сомневаться, что Франциск с сожалением покидал сие священное обиталище покоя и благолепия! Ведь именно здесь он на краткое время ощутил то безмятежное счастье и свободу от мирских забот, что наверняка является предвкушением Небес. <...> Но у епископа Женевского имелось слишком много обязанностей, которые не позволили ему подольше задержаться в этом мирном убежище; он должен был вернуться в епархию и взвалить на себя бремя жизни, но за время краткого пребывания на Святой горе он весьма ободрился и укрепился душой и телом.

Одно из первых дел, выполненных им по возвращении в Анси, было заказать свой портрет. Он пошёл на это ради друзей, часто просивших его о том. Ведь в конце концов один смыслённый художник смог преодолеть его нерасположение, заявив, что он служит причиной множества грехов, поскольку целый ряд людей ропщут и досадуют на то, что он не позволяет написать с себя портрет. Однако первая картина вышла неудачной, потому что епископ не уделял позированию достаточно времени. И снова художник набросился на него:

«Монсеньёр, – сказал он, – во имя милосердия и добродетели заклинаю вас попозировать мне дольше; во имя милосердия потому, что тем вы дадите мне возможность заработать денег на жизнь, а ради истины и добродетели потому, что лавочники заявляют, будто эта картина имеет с вами сходство, чтобы продавать копии, а это неправда, так что вы служите причиной их лганья. Моя любовь к вам, монсеньёр, так велика, что когда вас нет у меня перед глазами, я изображаю вас куда красивее, чем вы на самом деле есть».

Поистине находчивый и проницательный проситель! Франциск уступил, и живописец был в восторге. Вскоре после того один из его друзей, прослышав, что он наконец-то позволил изображать себя, попросил в письме о портрете. На что Франциск заметил:

«Вот портрет плотского человека; поскольку вам угодно иметь таковой, я его высылаю вам, дабы вы знали, что я не могу ни в чём отказать вам. Мне говорят, что сходства так ни разу и не удалось добиться, но, думаю, это малозначимо. Этот портрет мне пришлось позаимствовать, чтобы послать вам, поскольку своих у меня ни одного нет. «Подобно образу проходит человек и вотще суетится» (Вульг. Пс. 38:7). Вот бы подобие Искупителя моего запечатлелось на моём сердце! О Иисусе, светом Своим исцеляй, восставляй, усовершеншай искупленных Кровью Твоей и делай их сообразными Тебе!» <...>

Франциск был поистине так мягкосердечен, что никак не мог сказать «нет», если только сказать «да» не было бы неправильно. Он всегда был готов проповедовать, принимать исповеди, подавать милостыню. В качестве примера его бескорыстной доброты можно упомянуть следующий случай. Однажды он проповедовал и

литургисал на праздник св. Бонавентуры у кордельеров (так во Франции называли конвентуальных францисканцев. – прим. пер.), к нему в пять часов подошли капуцины, тоже справляющие память этого великого святого, и попеняли, что он целый день провёл с кордельерами, а их церковь своим присутствием не почтил.

«Вы правы, – согласился он, – но ведь ещё не слишком поздно». Таким образом, он уделил благословение этой доброй братии и произнёс превосходную проповедь. По окончании службы они просили у него прощения за причинённые ему затруднения и беспокойства.

«Я принадлежу, – сказал он, – к ордену св. Франциска и связан со всеми его различными ответвлениями двойными узами: крещения – ибо я получил имя Франциска-Бонавентуры, – и собственно членством».

Те слова из послания св. Павла к коринфянам, что он применил к своему другу Джовенале Анчина, епископу Салуццо, точно так же применимы к Франциску Сальскому, епископу Женевскому – «Человек поистине ни Павлов, ни Кифин, ни Аполлосов, но Христов». «Ибо все ваше: Павел ли, или Аполлос, или Кифа, или мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее, – все ваше; вы же – Христовы, а Христос – Божий» (1 Кор. 3:21-23)

Любя же и почитая в равной мере все иноческие ордены, Франциск всегда питал особую склонность к сынам св. Игнатия. Поэтому-то со столь великим благоговением и удовольствием получил он дышащее восхищением письмо от знаменитого иезуита о. Леонарда Лессиуса, профессора теологии Лувенского университета.

«С давних пор, – писал епископ, – я испытываю величайшее почтение и дружеское расположение к вам, и не только потому, что знаю и ценю ваши заслуги. Я прочёл ваш «*Traité de la Prédestination*» – «Трактат о Предопределении», в котором вы отстаиваете то учение, что Бог предопределяет людей к славе только на основании предвидимых Им заслуг – *ob praevisa merita* – учение, с которым я целиком согласен и которое всегда казалось мне наиболее сообразным Божией милости и милосердию и наипаче всего способным зажечь в сердцах наших огонь Божественной любви, как я попытался изложить в своей книжице «Любовь к Богу».

«Учитывая, сколь тёплое дружеское расположение я испытываю к вам, мне было чрезвычайно приятно обнаружить у вас ответные чувства, а во имя продолжения нашей дружбы прошу принять мои заверения в готовности ко всяческим вашим услугам».

ГЛАВА XXVII. ТЕАТР МИРА СЕГО

В 1619 году Франциск Сальский сопровождал Его Высокопреосвященство кардинала Савойского в Париж на свадьбу князя Пьемонтского, сына герцога Савойского, с сестрой короля, Её Высочеством Кристиной Французской. Прибыв в «Театр мира сего», как св. Винсент де Поль назвал Париж, Франциск должен был сыграть свою партию на его сцене. 11 ноября, в день св. Мартина, его пригласили проповедовать в церкви Конгрегации Оратория.

Он, как обычно, согласился. Когда стало известно, кто будет проповедовать, всюду началось великое волнение. Король, две королевы, несколько епископов и учёных мужей, дворяне и мещане, богачи и бедняки, невежды и знатоки - все спешили услышать праведного епископа Женевского, мужа столь славного познаниями, вежеством и набожностью. В итоге церковь оказалась так забита людьми, что Франциск Сальский по прибытии обнаружил, что в неё невозможно войти, и ему пришлось карабкаться по приставной лестнице, потому что попасть внутрь можно было лишь через одно из окон. От него ожидали чего-то великого, и епископу Женевскому стоило бы лишь произнести проповедь со свойственной ему ревностью и пылом, чтобы покорить сердца всех и навсегда приобрести доброе имя. Но Франциск оказался не на высоте положения, а, скорее, выше его и, отринув всякое тщеславие и желание похвалы, выдал сжатую и несколько суховатую речь о житии св. Мартина.

Произнося её, он слышал ропот среди публики: «Только послушайте этого горца! Как коряво он говорит! И чего это он удосужился заявиться из дальней дали, чтобы эдакими своими речами уморить нас скукой!» Эти нелюбезные замечания доставили Франциску высочайшую радость, ибо ничто не тешило его более, чем людское презрение. Однако не все разделяли мнение этих придирчивых критиков; на него посыпались приглашения проповедовать, и согласно со своим правилом, он никому не отказывал. Он всё не мог взять в толк, почему люди стекаются послушать его, ведь мнения о своём стиле и манере изложения он был очень низкого.

Следующий эпизод из «L'Esprit de St. François de Sales» может дать представление о том, как он относился к собственным речам:

«Кстати, о проповедях, – сказал мне однажды Франциск Сальский. – Мне тут говорят, что вы с недавних пор принялись подражать проповедям епископа Женевского». Я ответил: «Неужто я взял худой образец? Разве вы не считаете, что он проповедует получше, чем я?» «Ох, полноте, стоит ли переходить на личности? Впрочем, конечно, порой он проповедует более-менее недурно; но хуже ведь всего то, что, как я слышал, вы воспроизводите его так скверно, что людям с того никакого проку. Они говорят, что эти неудачные потуги только обедняют епископа Беллейского, а манеры епископа Женевского им не показывают, так что, как в случае с каким-нибудь скверным живописцем, приходится под намалёванными лицами писать имена портретируемых особ».

«Предоставьте его самому себе, – возразил я, – и увидите, что он поднимется с уровня подмастерья до мастера, а его копии сойдут за оригиналы».

«Шутки в сторону, – молвил он, отсмеявшись, – вы лишь обедняете себя. О, если бы только можно было поменяться способностями, чего бы я не отдал за ваши! Я всячески пытаюсь встряхнуться, чтобы говорить поживее, но чем больше я стараюсь, тем как будто медлительнее становлюсь. Мне сложно подбирать слова, а произносить их ещё сложнее. Пень пнём! Я ни себя не могу растормошить, ни других. Потēju, потēju, а перемещаюсь совсем чуть. Вы несётесь, как корабль на всех парусах, я с трудом продвигаюсь на вёслах; вы летите, я ползу или тяжеломерно тянусь, как черепаха; у вас в кончиках пальцев больше жару, чем у меня во всём теле; вы обладаете дивной

быстротой и живостью птицы, а тут я слышу, как взвешиваете слова, размеряете периоды, волочете по земле свои крылья, как вы низитесь и никните, и тянете за собой слушателей».

Весь остальной мир был иного мнения о проповедях епископа Женевского, ибо, несмотря на кажущуюся неудачу и враждебную критику его проповеди на празднике св. Мартина, он снова стал бешено популярен.

Церковь Сент-Андре-дез-Ар (парижский храм XIII в., осквернённый и разрушенный во время Французской революции. – прим. пер.), где он проповедовал на Адвент и в Великий Пост, была всегда полна, и его неизменно просили проповедовать в других храмах. Он не мог понять причин своей популярности.

«Вам не странно, – заметил он одному другу, – видеть, как эти добрые парижане приходят послушать меня – с такой неуверенной речью, с такими глупыми мыслями, читающего столь пресные и нелюбопытные проповеди?»

«А вы думаете, – возразил друг, – что всё, чего они ждут от вас, – это красивый и гладкий стиль? Отнюдь! Им вполне достаточно видеть вас на кафедре. Ваше сердце говорит через ваши глаза, через ваш голос. Да если бы они услышали лишь то, как вы произносите короткую молитву, им было бы довольно. Простые слова, используемые вами, столь полны огня и Божественной любви, что они проникают в их сердца и дивным образом трогают их. Есть в ваших речах нечто эдакое – не могу объяснить, что – попадает прямо в цель. Иной наговорит втрое больше, и никто не обратит внимания. У вас в Анси или, скорее, в раю, какая-то своя особая риторика, достигающая успеха без слов да и попросту чудесная».

Однажды для проповеди в церкви св. Мартина Франциск выбрал темой слова «Он... смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Флп. 2:6-8). Позднее к нему подошёл присутствовавший там кальвинист и в напыщенной манере заявил, что тема для речи была чрезвычайно неуместной. «Сударь, – парировал Франциск быстро и со слегка саркастической улыбкой, – для вас она была чрезвычайно уместной, поскольку вы непослушны Церкви». Кальвиниста так поразил этот ответ, что он попросил наставления в вероучении и вскоре отрёкся от заблуждений.

Во время пребывания в Париже Франциск останавливался на Рю-де-Турнон в доме маршала Д'Анкра (Кончино Кончини (1569 – 1617), фаворит Марии Медичи, убитый в результате заговора. – прим. пер.), где проживал также его друг президент Фавр. Соответственно его окружал определённого рода блеск, и часто смиренный епископ Женевский приезжал в великолепной карете, запряжённой гарцующими лошадьми, в сопровождении ливрейных лакеев.

Однажды некий гугенот разыскал его прямо в его кабинете и, не удосужившись даже молвить «Bon Jour», спросил вызывающе: «Вы тот, кого называют епископом Женевским?»

«Да, сударь, – отозвался Франциск вежливо, – таков мой титул».

«Тогда я хочу, чтобы вы сказали мне – раз уж все говорят, что вы муж праведный и подобный апостолам, – разве апостолы разъезжали на каретах?»

«От случая к случаю, – ответил Франциск с ноткой юмора, – когда предоставлялась такая возможность».

«Хотелось бы получить от вас подтверждение. Упомянется ли это в Писании?» – скептически спросил гугенот.

«В Деяниях апостолов упоминается, – продолжил Франциск с мирной улыбкой, – что св. Филипп проехался в колеснице, то есть карете, евнуха Кандакии, царицы Эфиопской» (Деян. 13:27-33).

«Но та карета не принадлежала св. Филиппу, она была евнухова», – заспорил собеседник.

«Именно, – по-прежнему улыбаясь, заметил Франциск, – я же так и сказал. И ещё я сказал, что, когда представлялся удобный случай, апостолы ездили в каретах».

«Но ведь не в золочёных же с вензелями каретах, запряжённых превосходными лошадьми, которых погоняют кучера в таких роскошных ливреях, что едва ли и сам король имеет выезд блистательнее! Я поражаюсь вам – вам, кого считают таким праведником! Славный образчик святого, путешествующего в рай в карете, запряжённой четвёркой!»

«Дорогой мой друг, – возразил епископ, – за всю мою жизнь у меня не было своей кареты. Те граждане Женевы, в чьём распоряжении находится собственность женевской кафедры, оставляют мне едва столько, чтобы жить предельно просто».

«Так эта великолепная карета не ваша?»

«Конечно, нет, – ответил Франциск, – и вы вполне вправе именовать её великолепной, ибо она принадлежит Его Величеству и является одной из тех, что король выделил нам, приехавшим в свите князя Пьемонтского и герцога Савойского. Да ведь и ливрея у кучера – королевская. Вы не заметили?»

«Что ж, рад слышать; тем лучше для вас. Итак, вы не богаты?»

«На бедность я не пожалуюсь, поскольку всё необходимое для жизни у меня есть, а если бы я был стеснён в средствах, был бы не против, ведь разве не избрал ли Господь наш Иисус Христос бедность своим пожизненным уделом? Однако моё семейство связано вассальной присягой с Савойским Домом, а потому я почитаю за честь принадлежать к свите князя их этого Дома и присутствовать на его свадьбе с дочерью Франции».

Гугенот пришёл в восторг от смиренного достоинства епископа Женевского, но о том, что он стал католиком, нигде не сообщается.

Как обычно, Франциск Сальский завёл множество друзей. В нём было что-то настолько славное и располагающее, что люди ощущали неодолимую тягу к нему. В его поразительной и привлекательной личности соединялись степенность и кротость.

Любившие его одновременно его и чтили, а многие благоговели перед ним так, что прямо-таки трепетали при разговоре с ним – не из страха не угодить ему (ибо он никогда не сердился, а обращался с самыми грубыми и невежливыми людьми любезно), но из страха не угодить ему в достаточной мере. Как св. Павел, он делался всем для всех (ср. 1 Кор. 9:22), изучая людские характеры и темпераменты, а затем, благодаря пронизательности и приветливости, покоряя их сердца.

Среди самых его близких друзей тогда в Париже был отец де Кондрен (Шарль, (1588 – 1641), фр. мистик и ведущий член «Французской школы духовности». – прим. пер.), являвший столь явные признаки святости и создатель столь возвышенного учения, что кардинал де Берюль обычно становился на колени, слушая его и месью Андре Дюваля ((1564-1638), богослов, теоретик ультрамонтанства. – прим. пер.), обладавшего особым даром возвращать смущённым душам мир и являвшегося духовником св. Винсента де Поля и мадам Акари. Франциск Сальский тоже избрал его себе руководителем, а он в свою очередь исповедался епископу Женевскому, причём оба высказывались друг о друге словами Иоанна Крестителя: «Сильнейший меня, у Которого я недостойн, наклонившись, развязать ремень обуви Его» (Мк. 1:7).

Другим близким другом епископа Женевского был отец Сюфрен, О.И., духовник короля и королевы, человек редкостной учёности и благочестия; затем – отец Бурдуаз, основатель Сообщества Св. Николая; и кардинал де Берюль, с которым он возобновил дружбу былых лет; но среди всех этих выдающихся мужей, славных равно как святостью, так и учёностью, Франциск превыше всех любил и чтит Винсента де Поля. Две эти героические души сразу поняли друг друга, причём Винсент де Поль заявил, что епископ Женевский столь величав, столь кроток, столь любезен и скромнен, что кажется, будто Сам Христос вновь ступает по земле – так похож на Него Франциск Сальский, а Франциск всегда говорил об апостоле милосердия как о «праведном иерее, лучшем и благороднейшем из всех людей», кого он когда-либо видел. Более того, Франциск был о Винсенте де Поле такого высокого мнения, что именно ему он после своего отъезда из Парижа вверил руководство возлюбленными своими дочерьми Посещения.

Матушка де Шанталь тоже прибыла в «Театр мира сего» -- вместе с несколькими сёстрами, и они обосновались в месте, которое, как они уповали, окажется обителью мира. Мир там, конечно, поселился, как всегда бывает за стенами монастыря и в сердцах инокинь, но обитель располагалась меж двух площадок для игры в мяч (прообраз тенниса. – прим. пер.), а потому день и ночь им мешал шум, производимый игроками.

Наконец, матушка де Шанталь получила возможность купить чрезвычайно удобное здание Отель-Гаме на Рю-сент-Антуан, но запрашиваемая сумма была огромна. «Боже мой, и где же мне разместить Твоих невест?» – возопила она в полуотчаянии к Господу нашему. И Иисус, Который никогда не оставляет верящих Ему, пришёл ей на помощь: в орден попросилась весьма состоятельная наследница – мадемуазель Люийе. Она была умной и добродетельной девушкой, принадлежавшей к благородному семейству; а

поскольку призвание её было истинным и неподдельным, матушка де Шанталь охотно приняла её, и из её приданого было заплачено за Отель-Гаме.

Под монастырь он не вполне годился, и потребовалось выполнить такой большой ремонт и переделку, что инокини Посещения вступили в полноценное владение им не ранее 1621 года, будучи вынуждены больше двух лет слушать шум-гам игроков в мяч.

ГЛАВА XXVIII. НАСТОЯТЕЛЬНИЦА ПОР-РОЯЛЯ

Мария-Анжелика Арно, настоятельница бенедиктинской обители Пор-Рояль была одной из самых замечательных женщин, что исполняли тогда свои партии в театре мира сего. Став аббатисой в четырнадцать, в семнадцать лет она реформировала свою обитель, невзирая на сопротивление; а теперь, в двадцативосьмилетнем возрасте, она вовлеклась в ещё более трудную задачу по реформированию аббатства Мобюиссон. Познакомившись с Франциском Сальским, она сразу же подпала под его влияние. Выдержки из его писем ясно и живо показывают её характер и то, как находчиво он руководил её в чём-то упрямым, но пылким духом.

«Август, 1619 г.

Вам не следует более обращаться ко мне «Владыка», а я не буду называть вас «досточтимой игуменией»; прекрасные именованья «отца» и «дочери» куда милее и лучше выражают ту священную любовь, каковую мы по воле Господа нашего должны иметь меж собою».

«Итак, дорогая моя дочь, я не знаю наверняка, кода я должен буду покинуть Париж, а потому не могу посулить себе утешение увидеть вас снова; но если у меня появится свободное время и я решу, что наша встреча будет благодетельна для вашей души, я сделаю всё возможное, чтобы устроить её. В любом случае помните, что я говорил вам: Богу угодно задействовать вас в важных делах, и Он желает, чтобы вы вели превосходную и праведную жизнь. Постоянно одушевляйте вашу отвагу смирением, а смирение – упованием на Бога, так чтобы отвага ваша была смиренна, а смирение – отважно; приправляйте ваше поведение – как внутреннее, так и внешнее – искренностью, кротостью и весёлостью согласно указанию Апостола: «Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь. Кротость ваша да будет известна всем человекам» (Флп. 4:4-5); да по возможности поддерживайте ровное настроение, а действия ваши пускай неизменно являют вашу решимость всегда любить Бога от всего сердца. Не обременяйте себя, дорогая моя дочь, чересчур многими бдениями и подвигами. Я отлично знаю, о чём говорю. Войдите в царские врата (аллюзия на название монастыря Port-Royal – Царские врата. – прим. пер.) иноческой жизни царским путём любви к Богу и ближнему, смирения и кротости».

«Париж

Сентября 12 дня, 1619 года.

Я отправляюсь завтра, дорогая моя дочь, поскольку такова Божия воля. Я надеюсь, Бог будет всё более и более укреплять вас. Если бы Он решил, что вам нужна более

насущная помощь, чем я могу оказать вам из эдакой дали, Он бы дал вам её, да и всегда даст при потребности».

«Остерегайтесь, дорогая моя дочь, этого слова – «дурак», памятуя сказанное Господом нашим: «Кто же скажет брату своему: «рака́», подлежит синедриону» (Мф. 5:22)». Постепенно усмиряйте живость своего духа, приводя его к терпению, ласковости и приветливости при всём убожестве, ребячливости и женских несовершенствах тех сестёр, что жалеют самих себя и склонны досаждают настоятельнице жалобами. Высыпайтесь. Мало-помалу вы вернётесь к шестичасовому сну, коль вам так угодно; но мало есть, тяжко трудиться, терпеть множества душевных тревог и отказывать телу в сне – всё равно что загружать до предела работой лошадь в скверном состоянии, не накормив её».

«Ближе к концу 1619 года.

Видите ли, дочь моя, сии склонности к гордыне, тщеславию и себялюбию примешиваются ко всему, что мы делаем, но в то же время они не являются мотивами наших действий. Они досаждали и св. Бернаруду, когда он проповедовал, и он воскликнул: «Отойди, сатана; не ради тебя я начал, и не прекращу из-за тебя!»

«Не обременяйте своё слабое тело никакими подвигами, помимо необходимых по уставу. Сохраняйте физическую силу ради служения Богу в упражнениях духовных, которые иногда приходится бросать, когда мы нерассудительно перерабатываемся».

«Анси,

Февраля 4 дня, 1620 года.

Большое достижение, что вы стали строже соблюдать устав. Бог сначала сотворил внешнюю часть человека, а уж затем вдунул в него дыхание жизни, и стал он душою живою (ср. Быт. 2:7). Унижения, как говорит Господь наш, очень часто предшествуют и производят смирение (ср. напр. Пс. 118:71). Продолжайте во внешнем, поскольку это легче, и мало-помалу внутреннее ему уподобится. Приучитесь говорить мягко и медленно, ходить неторопливо. Всё творите спокойно и кротко, и в течение нескольких лет вы упорядочите вашу горячность».

В течение того времени, что Анжелика находилась под руководством Франциска Сальского – а это, по сути, до конца его жизни, – у неё получилось умерить свою горячность и властность. Она даже хотела было покинуть своё аббатство и вступить в Визитантский орден, упрашивала Франциска принять её. Но он сказал ей, что ему представляется, будто она больше подходит для того, чтобы приказывать, нежели подчиняться, и не поддержал её в том. Письмо, написанное им отцу Бине, О.И., выражает его взгляд на этот предмет.

«Анси,

Ноября 11 дня, 1621 года.

«Тысячекратно благодарю вас за письмо! В ответ сообщаю, что, будучи в Париже, я отнюдь не поощрял желания игумении Пор-Рояльской покинуть свой орден, но когда я возвратился сюда, она стала часто писать, упрашивая меня войти в её положение и одобрить её пожелание. Я тянул время как мог и проявлял не просто холодность, но у полнейшее неприятие этого, пока позднее одно значительное лицо не написало мне кое-что, после чего я решил, что мне не следует исполнять роль судьи в последней инстанции. Я воздержался от советов, но написал ей, что, раз сердце её не находит успокоения в сказанном ей мною, то она может представить прошение. Если Его Святейшество удовлетворит оное, тогда тут несомненно Божия воля, поскольку дело это сложное и не может иметь успеха без особого содействия Божественной благодати. Если же, наоборот, Его Святейшество откажет, ей нужно будет смириться и унять своё сердце».

«Вот так я поступил, преподобный отче. Я ясно увидел необычность замысла, но также увидел и необычное сердце. Более того, я увидел склонность этого сердца приказывать, но увидел и то, что именно в надежде победить эту склонность настоятельница желает связать себя послушанием. Я увидел, что она женщина, но также увидел, что она больше, чем женщина, облечённая правом приказывать и управлять, и что ей не хуже удавалось бы подчиняться. Что же касается выгоды ордена Посещения, я заявляю пред Богом и Вашим преподобием, что отнюдь не думал о том или, если и думал, то так мало, что уж даже и не припомню. Признаю, что к ордену Посещения я испытываю особо нежную любовь, но я сообщил мадам де Шанталь – вашей дочери и моей, – что не отвлеку превосходнейшее и восхитительнейшее существо в мире от её призвания, пускай даже она могла бы стать канонизированной святой в ордене Посещения. Я в восторге, когда Бог влечёт добрых и благочестивых женщин ко вступлению в него, но я никогда ни словом, ни делом (хоть сколь угодно благим) не буду пытаться никого приманивать. Самое большое, что я готов сделать, – это смиренно молиться Богу. Женского непостоянства стоит опасаться, но кто знает, вдруг в этом случае есть надежда на постоянство!»

По тому же поводу Франциск Сальский писал и мадам де Шанталь. Жанна горячо любила молодую аббатису – заносчивую, порывистую, но великодушную и благородную. Она видела её силу и слабость, её неустанное стремление узнать, среди первых или последних она окажется; её горячее негодование против всего низкого и подлого, её ненависть ко злу, готовность к жертве и желание совершенства. В то же время, однако, Анжелика была властна, саркастична, склонна посмеяться над другими, готова подтрунить и поглумиться над их ребячливостью. Крепко любя её, Жанна с радостью приняла бы её как дочь. Вот что она писала возлюбленному отцу:

«Пересылаю вам письма от нашего дорогого чада из Пор-Рояль. Возражения только усиливают её устремлённость. Она поведала мне, что несмотря на все свои усилия изгнать сию мысль, она чувствует, что Бог призывает её в визитантки. Я того же мнения. Не могу удержаться от того, чтобы добавить: раз Бог внушил ей такую сильную склонность к вступлению в наш орден, то я верю, что это к вящей славе Его, каковую она воздаст Ему своим служением тут».

В следующем письме Франциск снова чётко выразил свои взгляды:

«Я видел отчёт о совещании относительно дражайшей нашей дочери, игумении Пор-Рояльской, и могу сказать только то, что, принимая во внимание продолжительность её служения и должность, несмотря на растущее нерасположение и отвращение, она строго обязана остаться, ибо, хотя [переход в другой орден] может быть предметом её личного убеждения, не всеми это признано, и, кроме того, только папа может дать ей на то разрешение. Также я считаю, что сравнение, проведённое между Уставом св. Бенедикта и визитантским, узко и несправедливо. Сравнить нужно уставы св. Августина и св. Бенедикта, причём, хотя Устав св. Бенедикта всё-таки может показаться совершеннее, сравнение устранило бы всякое презрение к ордену Посещения – я имею в виду всякий намёк на презрение. Впрочем, то, что я вам сообщаю, не предназначено для публичного обсуждения, но для смиренного осмысления, а решение должно быть безоговорочно предоставлено Риму».

«Вот поэтому скажите нашей дочери умерить импульсивность, не настаивать на своём и не спешить с возражениями. В этом-то она как раз и может следовать духу ордена Посещения; и в любом случае у неё будет возможность посещать вас время от времени, я же надеюсь, что она целиком покорится благоволению Божию, а Он в итоге утешит её».

Но Рим редко позволяет кому-либо перейти из строгого ордена в менее строгий, а в этом случае возникало ещё много препятствий.

Тем временем Анжелика упрашивала Франциска Сальского проповедовать в обители Пор-Рояль, возглавляемой в её отсутствие её сестрой Агнессой. Он охотно согласился, но посреди речи его совершенно захлестнули чувства, и он не смог сдержать слёз. На вопрос о причине расстройства он ответил: «Бог открыл мне, что ваш монастырь утратит веру. Единственная возможность сохранить её заключается в послушании Святому престолу».

Увы! Он оказался прав: бедная молодая аббатиса, оставшись в одиночестве и отчаянии после смерти епископа Женевского, лишившись всех, кто мог бы руководить и сдерживать её необузданное сердце, подпала под влияние аббата Сен-Сирана (Жан дю Вержье де Оранн (1581-1643) – друг и сподвижник Янсения. – прим. пер.), сего злосчастного апостола янсенизма.

Совершенно лишённый данных для руководства столь гордой и пылкой душой, он поощрял её рвение вместо того, чтобы, как Франциск Сальский, умерять его. Он сбил её с толку спорами о благодати и в итоге вовлёк в ересь.

Но даже несмотря на нездоровые и мрачные янсенистские принципы, она сохранила благородство и величие души, так что о ней и её инокинях поистине верно сказано словами архиепископа Парижского: «Они чисты, как ангелы, но горды, как бесы».

Почести так и сыпались на славного епископа Женевского, но должность Великого раздатчика милостыни при принцессе Кристине он принять отказался. Этот пост он

готов был принять только на том условии, что новые обязанности никоим образом не помешают его епархиальной работе и что ему не будет полагаться никакое жалование.

Ему предлагали аббатство св. Женевьевы – невероятно доходный бенефиций, но он отказался самым решительным образом. «Я ничего не хочу, – сказал он. – Я не приму это аббатство».

Кардинал де Рец, архиепископ Парижский, просил его стать коадьютором с правом наследования кафедры, предлагая изрядное содержание и даже обещая полнейшую свободу действий, причём его брат Жан-Франсуа де Саль должен был бы получить назначение епископом Женевским вместо него, но Франциск был непреклонен.

«Я вступил в клир не для того, чтобы сколотить богатство», – спокойно молвил он. «Моя епархия бедна, но именно этот участок Своего виноградника Бог дал мне возделывать, и я не могу оставить его, не подвергнув угрозе моё вечное спасение».

Позднее он заметил одному своему другу, вероятно, епископу Беллейскому: «Моя кафедра стоит мне столько же, сколько кафедра Толедская – моему архиепископу, ибо она будет стоять мне небес или ада, ровно как и его – ему. «Великое приобретение – быть благочестивым и довольным» (1 Тим. 6:6)». Мой доход отвечает моим нуждам. Хоть чуть больше было бы излишним. Те, кто имеет больше, вынуждены содержать больше дворни, так что им самим с того никакой корысти. Тот, у кого меньше, тот имеет меньше оснований дарить и меньше забот раздумывать, кому дарить подобает. Суд послужит Царю славы и прославит Его. Те, кто располагает большими доходами, часто тратят так много, что к концу года оказываются беднее меня. Если желать только того, чего требует естество, никогда не будешь беден; если большего – никогда не будешь богат. Никогда не будет достаточно тому, кто достаточным не довольствуется».

ГЛАВА XXIX. «ЕМУ ДОЛЖНО РАСТИ, А МНЕ УМАЛЯТЬСЯ»

Горные высоты, там где Монвуарон, нависший над Женевским озером, переглядывается с Монбланом, – идеальное место для жизни в отдалении от мирской грязи, в тесном общении с природой и Богом.

Монблан – царь гор, он до небес

Возносится главой

На троне скал, в порфире туч,

В короне снеговой.

(Байрон. Манфред. Акт 1, сц. 1. – пер. И. Бунина)

Поистине, глазам вовек не устать от созерцания глади голубых озёрных вод и этого величавого «царя», носящего снежную шапку даже посреди теплейшего июльского дня, когда над ним сияет «голубой шатёр»

Так ясно, и безоблачно, и чисто,

Что только Бог один был виден в небе.

(Байрон. Сон. 4. – пер. М. Зенкевича)

Так что души оных пустынных воспаряли бы в небеса, пока сами они всё ещё жили и труждались здесь, на земле.

В течение веков отшельники и благочестивцы искали убежища среди этих диких и прекрасных скал и проводили жизнь в уединении и мире, возрастая ежедневно к Богу. Им было ясно, что

Есть наслажденье в бездорожных чашах,

Отрада есть на горной крутизне,

Мелодия – в прибое волн кипящих,

И голоса – в пустынной тишине.

Людей люблю - природа ближе мне...

(Байрон. Паломничество Чайльд Гарольда. Песнь 4. – пер. В. Левики)

Многие слышали об этом тихом уединённом месте, и многие время от времени приходили туда. Некоторые оставались там, пока смерть не призывала их; иные после долго или же краткого пребывания возвращались в мир, но у них не было определённого устава, и каждый жил более-менее согласно своему личному усмотрению.

Но в 1620 году Антуан Риго, секретарь губернатора Милана, пожелал оставить всё и удалиться на покой в это пристанище. Он получил у епископа Женевского позволение присоединиться к сим благочестивцам, в то же время попросив его составить устав, каким они могли бы руководствоваться.

Франциск Сальский охотно взялся за составление этих правил. Он учредил скит имени Посещения Марии, вверив его покровительству Богородицы, св. Иосифа, св. Захарии, св. Елизаветы и св. Иоанна Крестителя, добавив сюда же славных отшельников древности: св. Павла, св. Антония и св. Илариона. Устав, составленный Франциском для Антуана Риго и его сподвижников, был прост и нетруден для соблюдения, с намерением осторожно вести их вверх, позволяя достигать высоких ступеней совершенства без спешки. Doucement – «потихоньку» – это был его всегдашний совет тем слишком страстным душам, что в своём беспокойном устремлении достичь вершин святости часто пренебрегали обычными маленькими обязанностями и житейскими правилами повседневности.

Попрощавшись с этими добрыми отшельниками и спустившись с высот славной горы в низину Анси, Франциск не позабыл последнего учреждённого им сообщества: он часто писал Риго и его сотоварищам, увещевая их любить Бога день ото дня всё больше.

«Любовь Христова кротка, упорна, долготерпелива (ср. Еф. 4:2), – пишет он. – Бог есть любовь; итак, да блюдет Он и хранит вас в вашем святом служении. Я со своей стороны готов изо всех служить вам как верный друг и любящий брат. Я буду присматривать за вами и заботиться о вас. Так что оставайтесь в мире и положитесь на моё обещание. Вооружитесь смирением, долготерпением и кротостью (ср. Кол. 3:12) да воспойте с ликованием:

«Благословлю Господа во всякое время; хвала Ему непрестанно в устах моих».

«Величайте Господа со мною, и превознесем имя Его вместе» (Пс. 33:2, 4).

«Господь – крепость моя и щит мой; на Него уповало сердце мое, и Он помог мне» (Пс. 28:7).

«Господь – свет мой и спасение мое: кого мне бояться?

Господь крепость жизни моей: кого мне страшиться?» (Пс. 26:1)

«Ожидай Господа, действуй мужественно и да укрепляется сердце твоё, и жди Господа» (Вульг. 26:14)

«Пребывайте же, дорогие мои братья, под опекой Богородицы; ничего не бойтесь; и мир Господа нашего Иисуса Христа, который превыше всякого ума (ср. Флп. 4:7), да будет с вами во веки и веки».

Франциск Сальский с радостью бы провёл остаток жизни среди этих добрых, благоговейных мужей, посреди вечных вершин, потому что из-за убывающего здоровья непрестанные труды епископства стали для него почти непосильными. Протрудившись всю жизнь ради спасения душ, он горячо желал посвятить то малое время, что ему осталось, попечению о своей собственной душе и получить досуг на углублённое общение со своим Божественным Наставником.

То же самое желание охватило его при посещении Таллуара. Он даже распорядился подготовить четыре-пять келий в тщетной надежде, что однажды Бог позволит ему удалиться от спешки и суеты, тревог и трудов этих слишком уж хорошо заполненных дней.

«О, кто дал бы мне крылья, как у голубя (Пс. 54:7), – восклицает он, – чтобы полететь в сию священную пустыню и передохнуть немного под сенью Креста? Тогда, наслаждаясь святым досугом, я мог бы записать к вящей славе Божией наставление для душ, которое вынашиваю в уме уже более тридцати лет, да различные мысли, что использовал в своих проповедях, речах и размышлениях. Я располагаю обильным материалом, а Бог не лишит меня Своего вдохновения. Там, в небесном уединении великие и прекрасные думы будут наполнять мой ум – густые, мягкие и обильные, как снежные хлопья, что падают зимой».

Но мечту свою он так никогда и не осуществил. Ежедневно новые обстоятельства требовали его времени и терпения.

Аббатство св. Сикста опять пришло в расстройство. Уже дважды посетив его, он смог, как наивно надеялся, восстановить порядок и уставность, но едва он уезжал, как там возрождался прежний дух непослушания; монахи становились неуправляемы, воцарялась расслабленность и разлад.

Более того, люди практичного ума были склонны посмеиваться и глумиться над его неудачными реформами, высказываясь, что епископ Женевский «ничего не добился своими двумя поездками, разве что вернулся полузамёрзшим с холодных, заснеженных и заледенелых гор».

Им дружелюбный прелат отвечал с обычным своим любезным добродушием: «Это правда, я всего лишь посеял озимые под снег, но время жатвы придёт. Когда снег растает, тогда мы соберём урожай. Дело Божие мы должны совершать согласно с Божией волей, а Бог терпелив и милостив. Он желает от нас раскаяния. Он не таков, как мы – быстрые на гнев и не склонные прощать, а милостивые лишь к себе».

Итак, Франциск продолжал писать аббату и монахам, увещевая их исправно соблюдать устав. Его кротость и терпение были в итоге вознаграждены. В январе 1618 года они написали ему, что намерены последовать его советам, и послали – с подписями и печатью – заявление об обновлении обетов верности своему уставу. Возрадовавшись этой доброй новости и решив сделать всё возможное, чтобы помочь им и укрепить их, епископ Женевский нанёс им третий визит.

Во время пребывания в св. Сиксте он совершил хорошо удостоверенное чудо, подтверждённое несколькими свидетелями на его канонизационном процессе. В то время как он руководил и управлял своей паствой, народ, живший рядом и подальше, собирался толпой, чтобы увидеть его и получить совет и подсказку от столь дальновидного и близкого к святости наставника. Простой люд гостеприимно принимали и в том монастыре, но, когда численность посетителей возросла, келарь устрасился, что припасы выйдут и настанет голод. Франциск угадал его мысли и, велел не бояться, благословил винный бочонок, печь и реку. В итоге никогда прежде в реке не было так полно рыбы, выпекаемого для монахов хлеба хватало для прокормления толпы, а вино вовсе не убывало, хотя им угощались все.

Франциск Сальский вернулся в Анси, но вскоре после его прибытия до него дошла печальная весть, что аббат и монахи снова в разладе. Ещё раз пересекает он горы и долины, чтобы, невзирая на суровую непогоду, поскорей отвоевать св. Сикста.

Он старался восстановить дисциплину, и, наконец, его благоразумие, кротость и мудрость так впечатлили аббата, что он искренне раскаялся и совершил генеральную исповедь перед епископом. В итоге аббат решил полностью посвятить себя молитве, созерцанию и добрым делам. Его обращение было истинным и настоящим: отныне и впредь он вёл самую что ни на есть образцовую жизнь и вскоре умер святой и счастливой смертью – в соответствии с предсказанием Франциска.

В 1620 году епископ Женевский попытался реформировать женский бенедиктинский монастырь св. Катерины. Это было предприятие величайшей трудности, ибо инокини

оказались даже упрямее монахов. Во главе сопротивления стала аббатиса, которая напрочь отвергла реформированный устав, намереваясь оставить общину в том расслабленном состоянии, в которое она впала. Светская власть поддержала их.

Эта задача оказалась крайне утомительной и чуждой духу миролюбивого Франциска. Его убедительное красноречие, волнующие душу рассуждения и наставления, казалось, падали на бесплодную почву. В итоге он позволил пяти сёстрам, что желали реформ, основать обитель в Румийи и уйти туда, оставив монастырь св. Катерины в полном распоряжении заносчивой аббатисы и её сторонниц.

Румийи вскоре стал процветающей обителью. К верной пятерице присоединилось много послушниц, и в скором времени реформированная община стала так многочисленна, что пришлось учредить несколько монастырей для желающих следовать строгому уставу.

Неудивительно, что посреди всех этих беспокойств и тревог Франциск смог написать:

«Что до меня, я в постоянной суматохе, вызываемой разнообразными заботами, что епархия производит во всё возрастающем объёме. У меня нет и мгновения глянуть на мои бедные книжки – книжки, которые я когда-то так искренне любил! Теперь уж боюсь любить их, как бы почувствовать ещё горше и глубже свой разрыв с ними».

Однако в том же самом 1620 году Господь наш изволил немного облегчить Своему слуге тяжкое бремя его высокой должности, озарив его последние годы постоянным присутствием и преданной любовью его брата и племянника.

Жан-Франсуа де Саль был назначен коадьютором Женевским с правом наследования, и ему был жалован титул епископа Халкидонского.

Франциск сообщает в письме к матушке де Шанталь:

«Итак, вы видите, дорогая моя Матушка, мой брат теперь епископ и мой коадьютор. Я в восторге, и хотя в денежных вопросах мне не легче прежнего, это назначение даёт мне основание надеяться, что вскоре я смогу удалиться из мира, а это, как вы знаете глубочайшее желание моего сердца. Я стремлюсь к этому более, чем к кардинальской шапке».

Жан-Франсуа принял должность Великого раздатчика милостыни при принцессе Кристине, а потому обязан был большую часть времени проводить при дворе в Турине. Однако вскоре после рукоположения он навестил Анси.

Франциск, жаждающая оказать ему всяческое уважение и внимание, несмотря на поздний час, вышел поприветствовать его в городских воротах, а во время визита обращался с ним с предельным почтением и благоговением, настояв на том, чтобы новый прелат служил по-архиерейски, и при каждом удобном случае предоставляя ему почётное место. Некоторые из его друзей и почитателей возражали, но он тихо молвил: «*Opportet ilium crescere me autem minui*. Ему должно расти, а мне умяться. (Ин. 3:30) Ему должно действовать, а мне покоиться». В разговоре с братом он сказал: «Я никогда не

просил герцога Савойского дать мне тебя в помощники и назначить моим преемником. Одному лишь Богу мы обязаны этой великой милостью, и я благодарю Промысел Божий от всего сердца, надеясь, что ты возьмёшь на себя роль Марты, оставив мне роль Марии».

Епископ Халкидонский лишь несколько дней смог пробыть в Анси – обязанности Великого раздатчика милостыни вынудили его возвратиться в Турин. Впрочем, вскоре ему позволили оставить этот пост и вернуться помогать Франциску в управлении епархией.

Шарль-Огюст де Саль, единственный сын Луи де Саля, приехал пожить с двоими епископами в палатах, и как раз во время пребывания у них он смог узнать и полюбить своего святого дядю. В сближающей обстановке домашней жизни он получил возможность изучить характер, оценить высказывания и понаблюдать за поступками кроткого и смиренного Франциска – весь этот блистательный материал для своего прекрасного и подробного «*Vie du Bienheureux François de Sales*» – «Жития блаженного Франциска Сальского».

Задача воспитать и усовершенствовать эту молодую душу была как раз по душе епископу Женевскому, а Шарль-Огюст вполне отвечал вниманию и заботе, которой его окружили. Это был кроткий, старательный юноша, а в позднейшие годы, когда он в свою очередь стал епископом Женевским, он доказал, что прошёл школу святых, ибо Жан-Франсуа де Саль, хоть и совершенно отличался характером и темпераментом от дружелюбного, добросердечного Франциска, был человеком справедливым и добрым, разве что самую малость чересчур суровым и негибким, но больше всего строгим к себе самому во всегдашнем стремлении к собственному идеалу совершенства. Соразмерно разумению, данному ему, он был поистине благочестив и праведен.

Итак, юный сын Луи «преуспевал в премудрости и возрасте и в любви у Бога и человеков» (Лк. 2:52), епископ Халкидонский ежедневно становился всё аскетичнее, всё строже в подвижничестве, а епископ Женевский, наш кроткий, бескорыстный, великодушный Франциск делался всё более неземным, духовным, всё ближе и ближе к Святому Сердцу нашего любящего Господа.

«Должен вам сообщить, дорогая моя Матушка, – пишет он матушке де Шанталь, – что нынче утром, обрета немного уединения, я произнёс присягу полнейшей покорности [Промыслу], но она такого рода, что я не могу её написать, а расскажу вам при встрече. Как блаженны души, что живут в Боге и для одного лишь Бога! Ах, каких только утешений не приносит нам приятие Его святой воли! Что за блаженство во всём предаваться Ему! Мы заявили такое намерение, приняли такое решение, и вот, наши сердца живут по высшему закону, состоящему в вящей славе любви Божией. Ну а слава святой сей любви заключается в сожжении и изничтожении всего, что не есть она, дабы обратить всё к ней и преобразовать в неё. Она возвышается на нашем унижении и восседает на престоле нашей неволи. О дражайшая моя Матушка, как это чувство расширило мою волю! Молю, да не престанет Его Божественная Милость в изобилии одарять меня сим высоким дерзновением ради чести Его и славы

и ради усовершенствования и возвышения сего всенесравненного единства сердец, каковое Он изволил нам даровать. Vive Jésus!»

«Прошу Богородицу защитить вас, а вашего и моего ангела-хранителя – направить вас, чтобы вы благополучно добрались туда, где возлюбленные ваши дочери ожидают вас и где я, ваш бедный отец, жажду видеть вас, чтобы сообщить вам, почему и как получилось, что я сейчас не могу написать больше – впрочем, со мной всё хорошо, слава Богу».

«Посыльный подгоняет меня, ибо надеется застать вас в Дижоне, да и я сам ограничен во времени, имея к исполнению множество дел первой важности».

«У нас всё хорошо, и я ваш в Господе более, чем могу высказать в этом мире, ибо не существует слов, способных выразить мою любовь. Смиренно и преданно

всё более и более Ваш

Франциск».

ГЛАВА XXX. НА ИСХОДЕ ДНЯ

В 1622 году Григорий XV уполномочил Франциска Сальского действовать в качестве своего представителя на капитуле, собираемом фельянами с целью назначения генерала. Таким образом, верный прелат отправился в путешествие в Пиньероль, хотя состояние его здоровья вызывало у друзей и родных определённое беспокойство. Они упрашивали его остаться в Анси, но Франциск Сальский был не из тех, кто бережёт себя; пока жив, он будет весь в трудах, совершенно не обращая внимания на муку и страдания, причиняемые этими усилиями его болезненному телу. Он был полон решимости повиноваться повелению Святого престола любой ценой. В Пиньероле же монахи не могли найти согласия не только относительно избрания генерала; они спорили и по нескольким другим вопросам. Франциск поговорил с каждым по очереди, урезонивая, успокаивая, убеждая, проясняя многие спорные темы. С обычной своей чёткостью видения и здравостью рассуждения он изыскал способы умиротворения всех жалоб и успешно восстановил мир и единство.

Генералом был единодушно избран дом Иоанн св. Франциска. Все пришли к согласию, что он был лучшим и наиболее подходящим кандидатом на столь важную должность, требующую сочетания определённого такта с большой твёрдостью характера и управленческими способностями – чем он в заметной мере и обладал.

Но это напряжение сказалось на изношенном здоровье епископа Женевского. Часто ему становилось так нехорошо, что он был вынужден выходить из церкви, прервав священнодействие. Едва ему немного легчало, он возвращался в церковь проповедовать и уделять таинства.

Однажды он совершенно потерял сознание, и монахам пришлось вынести его. Придя в себя после этого затяжного обморока, он с грустной улыбкой заметил: «Последователю Вождя, увенчанного тернием, стыдно быть таким слабым и нежным!»

И поскольку он никогда не щадил себя, то настоял на возвращении к обязанностям.
<...>

Доведя выборы, проводимые в Пиньероле, до удовлетворительного завершения, Франциск Сальский из послушания воле своего государя последовал в Турин, дабы почтить вниманием его двор. Принцесса Кристина приготовила для своего Великого раздатчика милостыни великолепное обиталище, но смиренный прелат отказался занимать роскошные покои, предпочтя остановиться у фельянов в монастыре Богоматери Утешения (Monastere de la Consolata).

«Не разрешите ли вы мне, – спросил он у отцов, – пожить несколько дней среди вас как один из ваших? Ведь я поистине один из вас; я тоже сын св. Бернарда, ибо связан с вашим орденом. Посему позвольте остановиться здесь, в вашем тихом пристанище у стоп Богоматери Утешения!»

Освободилась кафедра архиепископа Туринского, и герцог Савойский хотел пожаловать её своему горячо любимому Апостолу Шаблэ, обещая одновременно передать женевскую кафедру Жану-Франсуа.

Но Франциск Сальский остался постоянен в любви к невесте юности своей, отказавшись оставить свой дорогой Анси, свою верную и преданную паству. Мир не мог бы предложить ему ничего, ради чего он смог бы покинуть возлюбленных савояров, народ свой, овец, вверенных ему Богом, чтобы хранить и лелеять их, стеречь и вести.

В Турине он размышлял, как и прежде в Париже, над тщетой и глупостью придворной жизни. Эти мысли он с обычной чёткостью и прямоотой изложил в одном из писем матушке де Шанталь.

«Заверяю вас, дражайшая Матушка, что вид мирского великолепия делает для меня великолепный образ христианских добродетелей ещё великолепнее и заставляет выше ценить презрение к миру. Сколь велико различие, дражайшая моя Матушка, между собранием всякого рода просителей – ибо двор именно этим является, и ничем иным – и собранием благоговейных душ, взыскующих лишь небес! Если бы мы только знали, в чём состоит истинное благо! Не думайте, что двор может предложить мне хоть что-нибудь привлекательное. О Боже! Насколько желаннее быть бедняком в доме Божиим, нежели обитать в палатах царских (ср. Пс. 83:11, Лк. 7:25)! Здесь я как бы прохожу послушнический искуса двора, но с Божией помощью никогда не приму его обетов».

«В сочельник я проповедовал у капуцинов в присутствии королевы, и она принимала Святое причастие, но, заверяю вас, что проповедовал я ничуть не лучше и не с большей охотой, чем обычно в нашей бедной обительке Посещения в Анси».

«Нам должно покоить сердца наши в одном лишь Боге и никогда не отвлекать их от Него; только Он наш мир (ср. Еф. 2:14), наше утешение и наша слава. Давайте же глубже и глубже соединяться с нашим Спасителем, дабы приносить плоды добрые (ср. Мф. 7:17)».

«Да разве мы поистине не блаженны, дорогая моя Матушка, тем, что можем привиться к стволу Спасителя? Ибо Высшее существо является корнем этого древа, чьи ветви суть мы, а плоды – наша любовь. Вот о чём я раздумывал нынче утром».

«Смелее, дорогая моя Матушка! Давайте непрестанно возносить сердца наши к Богу; они – шарики ладана, который Ему любо скатывать. Позволим же Ему лепить из них, что захочет. Да, возлюбленный Иисусе, твори с нашими сердцами, что Тебе угодно, ибо мы не желаем в том ни части, ни жребия (ср. Деян. 8:21. – пер. еп. Кассиана), но даруем, посвящаем и жертвуем их Тебе навек!»

«Однако много ещё времени истечёт, прежде чем мы окончательно избавимся от самости и приобретём способность судить, что для нас лучше всего, и желать этого. Я восхищаюсь Вифлеемским Младенчиком, Который, зная так много и будучи столь могущественным, без единого слова позволил кутать Себя и ворочать, заматывать и пеленать, как было принято. Да пребудет Бог всегда в глубине вашего сердца и моего, дражайшая моя Матушка!»

В пору нахождения в Турине Франциск Сальский опасно заболел и слёг на несколько недель; более того, врачи опасались, что он не выздоровеет. <...>

Серафический епископ Женевский и рад был бы воспарить к небесам, но ему было пока ещё не суждено обрести вечный покой. И пока он, измождённый и обессиленный, лежал на одре болезни, до него дошли вести, что в Анси случился неурожай и его возлюбленная паства страдает от мук голода и жажды. Разумеется, волнение и тревога, вызванные новостью, лишь замедлили его поправку. Само то, что он не мог отправиться на помощь им, было пыткой для него.

«Ах, – причитал он, – как только смогу, вернусь в Анси, продам свою митру, посох, серебро, даже одежду продам; всё, что имею, отдам бедному моему народу!»

Из других мест поступали хорошие новости: маршал де Ледигьер 22 июня 1622 года отрёкся от ереси и был принят в Католическую Церковь архиепископом Амбренским.

Франциску Сальскому не терпелось повидаться со старым другом, чтобы поздравить его, а заодно оказать ему потребную помощь и дать совет. Он просил принцессу Кристину позволения покинуть Турин. Она согласилась, так что, как только он достаточно окреп для долгого и утомительного путешествия через Альпы, то пустился в путь домой. На прощание принцесса подарила ему великолепный перстень ценою в тысячи франков.

Франциск безмерно радовался этому щедрому дару, намереваясь продать его и отдать выручку беднякам, но после одной из ночёвок кольца не удалось найти. Ролан жутко огорчился, но кроткий епископ встретил сообщение о потере со своим обычным спокойствием.

«Благодарение Богу! – воскликнул он. – Столь прекрасные камни могли бы оказаться причиной отвлечения; я, возможно, понемногу привязался бы к ним и пожелал бы

оставить кольцо у себя; но вот, Бог избавил меня от этой заботы и, вероятно, обогатил какого-нибудь голодающего бедняка».

Однако кольцо обнаружилось. Оно всего лишь завалилось за подкладку.

Франциск принял новость о находке в том же духе возвышенной отрешённости. Прибыв в Анси, он немедленно заложил его, а деньги раздал беднякам. Друзья, прослышав о его поступке, выкупили кольцо и вернули ему, но едва оно оказалось у Франциска Сальского, он снова заложил его. Снова выкупленное одним из родных, перезаложённое, и так далее, оно в итоге вошло в местную поговорку о том, что кольцо епископа Женевского принадлежит не ему, а является собственностью всех нищих города.

Едва Франциску довелось отдохнуть после приезда из Турина, как герцог Савойский попросил составить ему компанию при дворе и сопровождать принцессу Кристину в качестве Великого раздатчика милостыни по случаю их поездки в Авиньон, где состоится встреча с Людовиком XIII и чествования его в связи с недавней победой над гугенотами Лангедока.

Близкие епископа боялись, что он ни за что не вынесет тягот путешествия, и упрашивали его отказаться.

«Я должен ехать туда, куда Бог меня призывает, – сказал Франциск; и вполне мог бы прибавить слова Эпиктета: «Я всегда довольствуюсь тем, что случается, ибо думаю, что Божий выбор лучше моего».

Тем не менее, он ясно предвидел, что никогда его взор больше не опочит на величественном зрелище озера и горы, на своеобразной красоте серого древнего города, на искренних, добрых лицах родни. Во время прощальной беседы с братьями, он поведал им, что отправляется в путешествие, из которого ему никогда не вернуться, и зачитал им своё завещание. <...>

На следующий день, 27 ноября 1622 года он совершил генеральную исповедь. Затем вверил свои бумаги и документы брату, епископу Халкидонскому, шутливо заметив: «Кажется, я стою лишь одной ногой на земле. Другая по милости Божией уже занесена, чтобы ступить в небеса».

Отцу Ансельму, одному из лучших друзей, он признался: «Это путешествие будет стоить мне жизни, а с вами мы следующий раз свидимся в раю. Нам должно быть послушными, подобно нашему Божественному Наставнику, даже до смерти крестной (ср. Флп. 2:8)».

ГЛАВА XXXI. «НИЧЕГО НЕ ПРОСИ, НИ ОТ ЧЕГО НЕ ОТКАЗЫВАЙСЯ»

Тем утром, когда Франциск Сальский собрался выехать из Анси, он попрощался с возлюбленными своими дочерьми Посещения. Он вознёс Святую жертву мессы в их маленькой капелле, облачившись в прекрасную клаузулу (подаренную ему принцессой Савойской) и оставил её им на память.

«При прощании друзья обмениваются подарками», – сказал он им. И добавил несколько слов, пылающих любовью к Богу и ревностью о душах: «Возлюбленные дочери мои, ничего не просите, ни от чего не отказывайтесь, ничего не желайте, возложите ваши заботы на Божественный Промысл, позвольте Богу творить с вами всё, что Ему угодно. Сердце, безразличное ко всем явлениям, подобно шарикку воска в руках Божиих, способному воспринять любые отпечатки Его вечного благоволения. Оно не обращает свою любовь не на то, что по воле Божией происходит, но на самую волю Божию, которая всё определяет. Чада мои возлюбленные, поступайте всегда так, как желает Бог и ваша настоятельница. Пускай целью жизни вашей будет любить Бога всё больше и больше, а вашим устремлением – достичь Его. Прощайте, дочки мои, до встречи в вечности!»

«Отче, мы будем молить Бога, чтобы он вернул вас нам поскорее!» – в слезах воскликнули сёстры. А выходя из обители, Франциск встретил сестру Анну-Жаклин Кост, которая, пав на колени перед ним, горько разрыдалась.

«Дочь моя, – сказал он ей, – я раньше часто уезжал от вас, и вы никогда не плакали. Почему вдруг сегодня так?»

«Владыка, – отвечала добросердечная светская сестра, – сердце подсказывает мне, что вы никогда не вернётесь, и мы никогда вас больше не увидим».

«А моё сердце подсказывает мне, – возразил Франциск Сальский, – что мы с вами увидимся быстрее, чем вы думаете». Ибо он предвидел, что Жаклин Кост ненадолго переживёт его.

По дороге Франциск Сальский остановился в Белле. Он провёл там несколько дней и каждое утро служил мессу в маленькой обители Посещения. Была она такой крохотной, что епископ молвил: «Я счастлив видеть моих голубок в таком тесном гнёздышке». Когда он в первый день пришёл в обитель, сестра Симплициана, увидев его, залилась слезами.

«Что с вами такое?» – спросил он участливо.

«Ох, отче, – отвечала кроткая инокиня, – вы умрёте в этом году».

«А, вот в чём дело, дорогая моя доченька Симплициана! Так мне, значит, суждено умереть в этом году?»

«Увы, да, монсеньёр! Но я буду просить Господа нашего и Его Пресвятую Матерь оставить нам вас хоть ненадолго. О, я буду молиться так пылко! Я утомлю Их своими молитвами, и Им придётся выполнить мою просьбу!»

«Ах, нет, дорогая моя дочь Симплициана, вы уж не делайте этого! Неужто вам неведомо, как сильно я нуждаюсь в отдыхе? Мне кажется, я так измучен и измотан, что сил совсем не осталось. Вы во мне более не нуждаетесь; у вас есть уложения, и я оставляю вам вашу дорогую матушку де Шанталь. Её вам будет довольно. Да помимо всего вам должно полагать упование на Бога, а не на человеков».

После этой трогательной беседы с сестрой Симплицианой Франциск Сальский пошёл в капеллу и совершил мессу в честь св. Марты. Во время священнодействия он был окружён светом; присутствовавшим казалось, что он словно бы уже на небесах.

Проведя несколько дней в Белле, епископ Женевский выехал в Авиньон. В Лионе он остановился, чтобы отслужить мессу в визитантской обители Белькур и перемолвиться парой слов с настоятельницей, но ему пришлось поторапливаться на отплывающий корабль. Когда он зашёл на причал, капитан отказался пустить его на борт без паспорта, и Ролан вынужден был сбегать получить его. Франциску пришлось ждать около часа; стоял пронизывающий холод, все его слуги ворчали и брюзжали, но кроткий епископ только улыбался, приговаривая: «Этот человек совершенно прав; он знает своё капитанское дело лучше, чем мы своё – путешественническое». Ему удалось утишить раздражение спутников, и они были весьма довольны, когда Ролан вернулся с паспортом и им было разрешено взойти на борт. Сказав: «Хочу подружиться с этим добрым человеком и рассказать ему о возлюбленном Господе нашем», Франциск сел подле капитана.

По прибытии в Авиньон пришлось часами бродить в поисках укрытия, «потому что не было им места в гостинице» (Лк. 2:7), пока потоки дождя поливали их, а порывистый ветер – студил. Наконец жильё нашлось, и Франциск обещал провожатому молиться за него. Всё то время, что они месили грязь, епископ говорил с этим бедолагой о Боге и Его любви к нам.

Авиньон был полон народу. Сюда явился французский и савойский дворы во всём своём царственном великолепии. Королевы Мария де Медичи и Анна Австрийская были окружены пышной свитой царедворцев и фрейлин. Во всём проявлялось богатство и блеск, слава мира сего и краса его, но Франциск отказывался даже глянуть на все эти величественные процессии и ни разу не посетил роскошных празднеств, хотя герцог Савойский настоятельно зазывал его на них.

15 ноября оба двора выехали из Авиньона и направились в Лион. Франциск Сальский последовал за ними, но остановился в Валансе, намереваясь посетить обитель ордена Посещения. Там в качестве привилегированной жилицы обитала одна пожилая дама (по сути она и основала монастырь) – мадам де ла Гранель. Было ей, как одни говорили, восемьдесят четыре года, а по словам других, восемьдесят восемь; но несмотря на солидный возраст, эта почтенная женщина пожелала вступить в орден Посещения. Она просила позволить ей начать послушнический искуc, но получила отказ. Когда Франциск узнал о её просьбе, он немедленно удовлетворил её, сказав сёстрам: «Зачем отказывать ей? Нет такого возраста, в каком человек недостоин посвящения Богу».

Он хотел почтить чрезвычайно благочестивую, замечательную женщину – сестру Марию Валансскую, и, поскольку не знал, где она живёт, попросил одну из светских сестёр указать путь. Девушка, отложив недоделанной работу, которую очень торопилась закончить, припустила таким скорым шагом, что Франциск со своей опухшей ногой и при общей телесной слабости не поспевал за нею. Он попросил её идти медленнее: «Un peu plus doucement, s'il vous plait» - «Малость помедленнее, пожалуйста». На несколько минут монахиня замедлила ход, но вскоре опять стремглав ринулась вперёд. Епископ поспевал за нею, пыхтя и отдуваясь, и больше не стал просить мчаться не так живо, добродушно заметив: «Те, кого ведут, должны следовать».

Когда они прибыли, девушка преклонила колена, и Франциск, возложив руку ей на голову, благословил её трижды, сказав: «Когда-нибудь ты будешь носить покрывало ордена Посещения».

Разговор его с Марией Валансской длился долго; настолько даже, что, когда он вышел от неё, спутники уже негодуяще роптали, мол, негоже было заставлять их всех ждать.

«Сударь, – сказал епископ одному из них, дружелюбно улыбаясь, – вам же наверняка ведомо, как полезно такому грешнику, как я, побеседовать сœur à sœur – по душам с такой благоговейной невестой Христовой, как сестра Мария. Она будет читать «Радуйся Мария» за вас, и после славного ночного отдыха вы позабудете обиды.

Когда епископ Женевский прибыл в Лион, несколько выдающихся людей заспорили между собой, кому достанется честь принимать достославного святителя. Месьё Жак Олье, губернатор провинции, предлагал ему занять половину своего роскошного особняка. Иезуиты просили его погостить в своём монастыре св. Иосифа. Всем и каждому он (зная, как трудно будет найти жильё в городе, куда съезжаются дворы Франции и Савойи) отвечал, что уже договорился. Его несостоявшиеся гостеприимцы вполне довольствовались этим ответом, поверив, что он и на самом деле нашёл подходящее жильё; но пристанище, выбранное Франциском, представляло из себя каморку в доме садовника при монастыре Посещения – жалкая клетушка, открытая всем ветрам небесным, сквозная, холодная и с чадной печкой.

«Мне никогда не бывало лучше, чем тогда, когда было не особо хорошо», – заметил он с обычным своим сдержанным юмором. – Que jamais il n'était mieux que quand il n'était guère bien. Кроме того, – продолжил он, – я буду всецело в распоряжении дорогих моих дочерей-визитанток и, таким образом, окажусь полезнее им. Да ещё смогу спокойно принять любого бедного грешника, у кого может возникнуть желание повидаться со мной».

Друзья добивались от него позволения дать ему в пользование карету (его ноги и ступни были в ужасном состоянии; такие опухшие и воспалённые, что ходьба являлась для него сущей пыткой), но он отказался. «Хорош был бы я, передвигаясь повсюду с проповедью евангельской бедности, насущного покаяния и самоограничения – в карете, запряжённой парой! Хороший же пример я бы преподал!»

Иные высказывали замечание, что епископ Женевский поощрял женщин искать его духовного наставления и приходиться к нему слишком часто.

Франциск ответил на это, что и за Христом следовало много женщин и что многие роптали на это.

«В любом случае, – сказал ему один из друзей, – я всё не возьму в толк, что за забаву они находят в приходах к вам, ведь, по моему наблюдению, говорите вы им очень мало».

«А вы думаете, пустяковое дело дать поговорить им? Хорошего слушателя они предпочитают хорошему говоруну. Она говорят вдоволь за себя и за меня; вероятно, именно потому они и любят приходиться ко мне, ведь говорливым людям очень по душе терпеливые и внимательные слушатели».

Затем его друг сказал, что частенько поглядывал на его исповедальную и заметил, что у неё толпится куда больше женщин, чем мужчин.

«И вас это, конечно, вас не удивило! – сказал епископ с добродушной улыбкой и весёлым блеском в добрых голубых глазах. – Разве не особо поминает Церковь благочестивый женский пол, и разве женщины, как правило, не набожнее мужчин? Дай Боже мужчинам, которые куда грешнее и больше совершают смертных проступков, так стремиться к покаянию!»

«Тогда, – продолжил друг, воодушевлённый любезностью святого, – значит, женщин спасается больше, чем мужчин?»

«Говоря серьёзно, – отвечал Франциск совершенно спокойно, – не наше дело выведывать тайны Господа и быть советником Ему» (ср. Рим. 11:34).

Месьё Жак Олье часто навещался в скромную хижину садовника, приводя с собой маленького сына Жан-Жака, совершенно несносного мальчишку, своевольного и неуправляемого. Отец крайне тревожился за него, но Франциск Сальский, возложив руку отроку на голову, благословил его и сказал: «Ничего не бойтесь; ваш юный сын однажды станет великим святым. Бог избрал его во славу и честь Своей Церкви, а также на спасение и усовершенние многих душ».

В позднейшие годы этот непослушный мальчуган, Жан-Жак Олье, основал орден св. Сульпиция и был поистине светильником горящим и светящим (ср. Ин. Ин. 5:35), одним из благороднейших и праведнейших людей своего века.

Франциск Сальский основал тринадцать визитантских монастырей: в Анси, Лионе, Мулене, Гренобле, Бурже, Париже, Монферране, Невере, Орлеане, Валансе, Дижоне, Сен-Этьен-ан-Форе и в Белле. Для них он сделал всё, что было в человеческих силах; итак, оставалось лишь попрощаться с ними навеки и сказать на расставание слова поддержки и совета. Всё оставшееся время святой посвятил им.

«Отче, – обратилась к нему однажды некая инокиня, – вот чернила и бумага; пожалуйста, напишите, в каких добродетелях вы нам больше всего пожелаете упражняться!»

Франциск взял перо и написал одно слово: «Смирение».

Матушка де Шанталь не видела Франциска Сальского три с половиной года. Весьма желая побеседовать с ним, она поспешила в Лион. Когда он вошёл в монастырскую приёмную, она была поражена, как сильно он изменился внешне. Его лицо преобразилось; свет любви Божией сиял на его лице, сообщая ему неземное величие; жаркий огонь, снедавший его душу, светился в глубине глаз, и он более походил на серафима, чем на человека; словно бы Господь наш запечатлел на его челе сияние блаженства, уготованного ему. Казалось, после долгих лет труда он вошёл в полноту возмужалости и той зрелости души во Христе, что Бог жалует лишь немногим избранным.

«Матушка, кто из нас первый заговорит?» – спросил Франциск Сальский Жанну де Шанталь.

«Я, отче, – ответила она со своей обычной порывистостью, – мне нужно много рассказать вам о состоянии моей души».

«Ах, дочь моя возлюбленная, вы как всегда неутомимы! Когда же вы станете совсем бесстрастны? Я надеялся было встретить вполне серафическое существо. О душе вашей мы поговорим в Анси, а сейчас нужно обсудить дела нашей конгрегации. О, как люблю я наше маленькое сообщество, ведь сам Бог его любит!»

Несколько часов они обсуждали различные вопросы, относящиеся к основному устройству ордена. Франциск особенно желал, чтобы каждая обитель была свободна и независима от других, находясь под руководством епископа и Святого престола. Он сказал, что чем больше молится и испрашивает указания, тем большую чувствует убеждённость в том, что такова воля Божия и что такое устройство, будучи весьма благотворно, никак не нарушит единства и равновесия.

«Помните, – сказал он матушке де Шанталь, – что наши дочери являются духовными дочерьми духовенства, а именно духовенство образует первый орден во всяком монашеском сообществе» (напр. «первый», т.е. мужской, «второй» – женский, «третий» – светский орден у доминиканцев и францисканцев. – прим. пер.).

На прощание мадам де Шанталь с жаром воскликнула:

«Отче, я уверена, что вас когда-нибудь причислят к лику святых, и надеюсь принять участие в вашей канонизации!»

«Бог может совершить такое чудо, матушка моя, – промолвил Франциск весьма серьёзно, – но те, кто будет вести дело по моей канонизации, ещё не родились».

То были их последние слова друг другу. Они никогда больше не встретятся при жизни; но когда немного позднее мощи святителя были положены в монастырской капелле

Анси, Жанна де Шанталь преклонила колени перед гробом и, вспомнив, как святой в их последней беседе сказал ей, что выслушает рассказ о её душевных делах в Анси, излила сердце перед возлюбленным отцом. Нет сомнений, что он услышал и дал добрый совет, ведь когда она вернулась к общине, лицо её было как лицо ангела, и сёстры уразумели, что она получила откровение свыше и духовное утешение от святого с небес – их возлюбленного покойного отца.

ГЛАВА XXXII. «ДЕНЬ УЖЕ СКЛОНИЛСЯ К ВЕЧЕРУ»

На Рождество 1622 года Франциск Сальский возносил в полночь Святую жертву в церкви Посещения. Сёстрам-визитанткам он казался подобием ангела райского, ибо лицо его сияло, преображённое славой Блаженного видения. Матушка де Блонэ свидетельствует, что ей показалось, будто она видела архангела Гавриила подле епископа, когда он пел «Gloria in Excelsis» – «Слава в вышних».

«Владыка, – спросила она его, говоря с ним через решётку ризницы, – правда ли, что во время «Gloria» рядом с вами был ангел Гавриил, или мне привиделось?»

«Дочь моя, – смиренно ответил Франциск, – моё сердце так глухо к Божиим внушениям, что Ему приходится посылать Своих ангелов говорить моим телесным ушам и будить мою душу их пением».

Но матушка де Блонэ не довольствовалась этим ответом. Она продолжала расспрашивать, и Франциск признался:

«Это правда: я никогда прежде не испытывал большего утешения при алтаре. Там присутствовал Богомладенец – видимо и невидимо. Почему бы и архангелу там не быть..? Впрочем, более я вам ничего не расскажу; слишком уж много мы услышали».

В письме к матушке де Шанталь Франциск ясно изложил те прекрасные помыслы, что наполняли его душу в Рождественскую ночь:

«Ах, дражайшая дочь моя, как сладостна эта ночь! «Небеса, – поёт Церковь, – проливают мёд на весь мир». А я со своей стороны думаю, что те святые ангелы, от славного пения которых звенит воздух, спустились собрать этот мёд с Лилии, что почивает на руках возлюбленной Владычицы нашей Богородицы и св. Иосифа. Но не слишком ли дерзновенно думать, что возлюбленные наши ангелы – ваши и мои – были среди того славного оркестра небесных музыкантов, которые пели в ту ночь? Ах, если бы они ещё хоть разок напели слуху сердца моего ту небесную песнь! Какая радость! Какое счастье! Прошу их, чтобы то была «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!» (Лк. 2:14).

«Возвращаясь от Священных таинств, хочу сказать «доброе утро» возлюбленной моей дочери, ибо думаю, что даже пастухи, почтив Благословенное Дитя, о Коем возвестили им сами небеса, немного передохнули. Но какую же нежность они наверняка чувствовали к своим овцам! Должно быть, во сне они услышали священное пение ангелов, что перед тем приветствовали их столь радостно своим гимном. И увидели драгоценного Младенца и Матерь, которых успели навестить».

«Что мы подарим маленькому нашему Царю, что не получили бы прежде от Него и Его божественных щедрот? (ср. 1 Кор. 4:7) Что ж, я преподнесу Ему на Высокой мессе возлюбленную дочь, которую Он мне подарил. О Спаситель душ наших, сотвори так, чтобы была она чистым золотом любви, чистой смиренной подвига, чистым ладаном молитвы, и прими затем её в защитительные объятия Свои, и да молвит Сердце Твоё её сердцу: «Я – спасение твоё во веки и веки» (ср. Пс. 34:3)

Ваш преискренне любящий отец и слуга

Франциск».

В качестве Великого раздатчика милостыни при принцессе Кристине епископ Женевский должен был пойти в Доминиканскую церковь, чтобы принять исповедь государыни и её мужа, вознести Святую жертву за них на рассвете (на мессе «Аврора») и уделить им Святое Причастие. Затем он возвратился в визитантскую обитель, намереваясь отслужить там свою третью литургию, но, зайдя в ризницу, обнаружил, что его капеллан уже облачён. Этот добрый священник сразу же предложил епископу Женевскому литургисать первым, но Франциск отказался, любезно заметив, что только рад будет провести немного времени в тишине, молясь и размышляя. Он присутствовал на трёх мессах капеллана, спрятавшись в тёмном углу капеллы, и только ближе к полудню отслужил свою последнюю мессу. Дав себе совсем недолго передохнуть, он затем вручил хабиты Посещения двум послушницам и проповедовал на тему читаемого в тот день апостольского послания: «...Научающая нас, чтобы мы, отвергнув нечестие и мирские похоти, целомудренно, праведно и благочестиво жили в нынешнем веке, ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа» (Тит. 2:12-13).

Отдохнув немножко, он затем беседовал со своими благословенными дочерьми о любви к Богу, принял нескольких посетителей, отдал прощальный визит Марии де Медичи и до поздней ночи не имел возможности покинуть королевский двор.

В праздник св. Стефана он служил Высокую мессу и уделил Святое причастие инокиням Посещения. Пообедал с одним из лучших своих друзей, генеральным викарием епархии, обсудил с ним несколько важных вопросов, а в пять часов направился в монастырь Посещения, чтобы попрощаться со своими возлюбленными дочерьми. Он сказал им:

«Чада мои, на земле мы больше никогда не увидимся. Помните, что мои последние слова к вам были: Ничего не просите, ни от чего не отказывайтесь, ничего не желайте, кроме как творить волю Божию. Какое счастье полностью полагаться на Господа нашего, подчиняя свою волю Его воле, почитая Его в бедствии и благоденствии, в печали и радости, исполняя всё, чего ни изволит Он, подобно малым детям! Позвольте Ему вести вас правой рукой (ср. Ис. 41:13) или левой – младенцам всё равно, какой. Позвольте Ему опускать вас или поднимать, ведь, как хорошая нянька, Он лучше знает, что нам нужно. Поэтому, чада мои, не желайте ничего, ни от чего не отказывайтесь; этими словами сказано достаточно».

«Но отче, – спросила одна из монахинь, – следует ли греться, если озябнешь?»

Епископ снисходительно улыбнулся.

«Коли очаг зажжён, – ответил он, – то, очевидно, для того, чтобы мы обогрелись; но давайте делать это умеренно, без спешки и нетерпения. Прощайте, чада мои, до свидания в вечности!»

Спутники пришли за ним с факелами, чтобы светить по дороге назад к его жилью.

«Мне пора, чада мои, – сказал он. – Я бы охотно провёл ночь, беседуя с вами. Не представлял, что так поздно. Послушание призывает меня, я должен идти».

«Прежде чем вы покинете нас, отче, скажите, что вы нам пожелаете запечатлеть в душах глубже всего?»

«Разве я уже не сказал вам? – молвил он. – Не просите ничего, ни от чего не отказывайтесь, подражайте Иисусу в колыбели. Он принимает бедность, наготу, общество зверей, холод, суровую погоду – всё, что уготовал Ему Отец, – без малейшего ропота. Он принимает заботу Своей Матери и св. Иосифа, поклонение царей и пастухов в одном и том же бесстрастном духе. Подражайте Ему».

Наутро он возвратился в монастырь Посещения, вознёс Божественную жертву и уделил Святое причастие сёстрам. Затем принял исповедь от матушки де Блонэ.

«Отче, вам плохо? – спросила она. – Вы выглядите нехорошо».

«Дочь моя, – ответил епископ, – всё обращается на благо тем, кто любит Бога (ср. Рим. 8:28). Прощайте! Оставляю вам дух мой и сердце».

За стенами церкви, он побеседовал какое-то время с герцогом де Бельгардом и месье де Вильруа. Он стоял с обнажённой головой. Дул пронизывающий ветер, было холодно и промозгло. Он продрог, но отправился с визитом к герцогу Намурскому. Выйдя от него, он отправился к князю Пьемонтскому. Когда он наконец пришёл домой, то был совершенно без сил и, едва не лишившись чувств, свалился в кресло. Слуги принесли ему поесть и попить. Он едва прикоснулся к блюдам, но, едва передохнув, написал два письма, а затем переговорил с несколькими священниками и дворянами. Он чувствовал себя так худо и был столь слаб, что не смог проводить их до двери, что было в его обычае. Роллан заметил это и спросил, неужто ему совсем плохо.

«Вы так думаете», – ответил он (ср. Лк. 23:3).

Роллан пересказал ему только что слышанную проповедь, в которой священник увещевал королеву любить своих слуг.

«А вы, Роллан, – спросил Франциск измождённым голосом, – крепко любите меня?» (ср. Ин. 21:15)

Верный слуга вместо ответа расплакался.

«О, это хорошо, – сказал Франциск. – Я тоже люблю вас, мой добрый Роллан; но давайте паче всего любить Бога, ведь Он наш общий Божественный Господин».

Произнеся последние слова, он лишился чувств. Слуги немедля распахнули окна, уложили его в постель и послали за врачами. У него случился малый инсульт, при лечении которого лекари в согласии с тогдашними научными представлениям прибегли к жесточайшим средствам, чтобы вывести его из оцепенения, в которое он погружался. Ему пришлось претерпеть сущее мученичество. Но хотя при прижигании головы и затылка раскалённым докрасна железом он чувствовал крайнюю боль, хотя ужасающая пытка вызывала обильный поток слёз, он не издал ни единой жалобы. Верный своему неизменному правилу никогда ничего не просить и никогда не ни от чего не отказываться, он позволил врачевателям делать с ним что угодно и ни словом не возразил против их жутких приёмов.

Епископ Беллейский в своей книге «Дух св. Франциска Сальского» даёт живое описание того, как Франциск простёрся на одре мучений: «Он претерпевал болезнь с терпением, сопровождающимся столь великой любовью и благодушием, что с уст его ни разу не совалось ни слабейшей жалобы, ни малейшего пожелания, несообразного с Божественной волей. Он ни разу не высказал даже самого робкого сожаления о том, что мог бы ещё послужить Богу и ближнему, если бы сохранил здоровье. Он был готов страдать, поскольку такова была Божия воля. «Он лучше меня знает, что мне на благо», – говаривал он. «Давайте не мешать Ему. Он – Господь, пускай творит, что является благом в очах Его. О Господи, да будет воля Твоя, а не моя. А лучше так: Отче небесный, то моя воля, коль скоро она Твоя. Да, Господи, на то моя воля. Да запечатлеется святая воля Твоя и правый закон Твой в моём сердце». На вопрос, не дать ли ему какого лекарства или похлёбки, не пустить ли ему кровь, он отвечал: «Делайте что хотите с этим больным бедолагой. Бог отдал меня в руки лекарей». Хотя он мучился от острейшей боли, в его глазах читалась безмятежность души».

Франциск оставался в полном сознании, хотя оцепенение временами усиливалось. Чтобы вывести его из этого состояния, к его затылку и голове прикладывали раскалённое железо – оно даже прожгло ему кость. Посреди этих неопишуемых мук он напевал «Te Deum», отрывки из Песни Песней и псалмы.

«Моя пища есть творить волю Отца моего, сущего на небесах (ср. Ин. 4:34). Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому (Пс. 41:3). Скажи мне, ты, которого любит душа моя: где пасешь ты? где отдыхаешь в полдень? (Песн. 1:6)

Когда казалось, что он вот-вот лишится чувств, его успешно привели в сознание вопросом: «Вы уверены, что вы в глубине души не кальвинист?»

«Боже упаси!» – воскликнул Франциск, совершенно придя в себя и вернувшись с самого порога вечности, чтобы отвергнуть столь жуткую мысль. «Я никогда не был еретиком; то было бы слишком большим предательством!» Размашисто перекрестившись, он молвил ясным, звонким голосом: «Я жил и желаю умереть в вере Святой Римской Католической и Апостольской Церкви, в единственно истинном вероучении».

Он попросил розарий – тот, с освящёнными медальончиками, что он приобрёл в Риме и Лорето. Ректор общины иезуитов положил ему эти чётки на руку и, по его просьбе, стал напоминать слова акта (молитвенного исповедания – прим. пер.) веры, надежды и любви.

Прибыл отец Форье, О.И., старый духовник Франциска и, приблизившись к нему, спросил, помнит ли он его. Умиравший бросил на старого друга взгляд, полный любви и благодарности, и молвил:

«Если я забуду тебя, ...забудь меня десница моя!» (Пс. 136:5)

«Не помолитесь ли вы Господу нашему, чтобы Он оставил вас с нами ещё хоть ненадолго? – попросил его отец Форье, – Промолвите вместе со св. Мартином: «Господи, если я всё ещё нужен Твоему народу, я не отказываюсь от труда!»

Франциск скорбно вздохнул: «Я нужен? О нет! Я слуга, совершенно ни на что не годный (ср. Лк. 17:10) – *servus inutilis, inutilis, inutilis*», – повторил он трижды с глубокой печалью.

Обратив внимание на особую заботливость одного брата-иезуита, он спросил, чем его отблагодарить.

«Монсеньёр, – ответил добрый брат, – помяните меня в Царствии Божиим!»

Франциск пообещал это, а затем, обратившись к горько плакавшей челяди, любезно молвил:

«Не плачьте, чада мои. Не должно ли исполниться воле Божией?»

Жуткое лечение, применённое врачами, только ускорило приближение его смерти. Некая монахиня, что ухаживала за ним, пытаясь утешить, сказала, что прибыл его брат, епископ Халкидонский.

«Сестра моя, – серьёзно сказал Франциск, – никогда не лгите».

Его спросили, не грустит ли он о расставании со своими дочерьми из ордена Посещения. Он невозмутимо ответил: «Начавший дело будет совершать его» (ср. Флп. 1:6). И повторил это трижды.

В течение дня он исповедался и попросил Последнего помазания. В час утра ему уделили предсмертные таинства, но из-за непрерывной тошноты ему не удалось принять Святое Напутствие. Он продолжал напевать стихи из псалмов.

«Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому: когда приду и явлюсь пред лице Божие!» (Пс. 41:3)

«Уповай на Бога; ибо я буду еще славить Его, Спасителя моего и Бога моего» (Пс. 42:5)

«В день скорби моей ищу Господа; рука моя простерта ночью и не опускается; душа моя отказывается от утешения» (Пс. 76: 3).

«Истомилась душа моя, желая во дворы Господни; сердце мое и плоть моя восторгаются к Богу живому» (Пс. 83:3).

«Господи, Боже спасения моего! днем вопию и ночью пред Тобою: да внидет пред лице Твое молитва моя; приклони ухо Твое к молению моему» (Пс. 87:2-3).

Постепенно он слабел. Теперь его уже едва могли привести в себя. Даже раскалённое железо не помогало. Тогда один из священников спросил его, не страшится ли он поражения в последнем бою. Он открыл глаза, улыбнулся и промолвил медленно, с безграничной нежностью:

«Очи мои всегда к Господу, ибо Он извлекает из сети ноги мои» (Пс. 24:15).

«Обнажи меч и прегради путь преследующим меня; скажи душе моей: «Я - спасение твое!»» (Пс. 34:3)

И опять повторил: «Начавший дело будет совершать его».

Повернувшись к одному из друзей, он сжал его руку и молвил: «Advesperavit et inclinata est jam dies» – «День уже склонился к вечеру» (Лк. 24:29).

Произнеся святое имя Иисусово, он безмолвел. Это было последнее слово, сказанное им на земле – Иисус.

Ещё на несколько минут душа задержалась в своём земном обиталище.

Присутствовавшие, стоя на коленях, читали молитвы по умирающему. Дойдя до призыва: «Все святые Невинноубиенные, молитесь за него», повторили его трижды, поскольку как раз был праздник святых Невинноубиенных младенцев. При третьем повторе Франциск Сальский, князь-епископ Женевский преставился от земли в серафическую красоту святости, омытый Драгоценной Кровью Иисуса и сиянный отблеском Его славы.

ГЛАВА XXXIII. КАМЕНЬ ОТВАЛЕН ОТ ГРОБА

Душа Франциска покинула темницу тела и воспарила в небесный дом – к стопам Возлюбленного, Который даст ему венец вместо пепла, елей радости вместо плача, одеяние хвалебное вместо духа скорби (ср. Вульг. Ис. 61:3). Более не будет его пламенный дух стенать от тягот и бремен, приковывающих его к земле. Теперь прекрасная душа его стала свободна и усладилась Блаженным видением, ибо «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор. 2:9). Измождённые останки покоились спокойно и мирно, никаких следов страданий не было на прекрасном лице усопшего; более того, казалось, что он поживает словно бы тихим сном. <...>

Франциск Сальский скончался 28 декабря 1622 года в возрасте пятидесяти шести лет, на двадцатом году епископата. Ещё отнюдь не старик, он был совершенно обессилён страданиями и лишениями. При вскрытии обнаружили, что сердце у него было здоровым, но печень изнасилась, одно лёгкое несло след от прокола шпагой, мозг частично залит кровью, а вместо желчи обнаружилось три сотни твёрдых камешков,

похожих на бусины розария. Этот феномен, по объяснению врачей, был вызван чрезвычайными усилиями, которые он в течение жизни прилагал, дабы сдерживать свою природную предрасположенность к гневу.

При этом Франциск был кротчайшим из всех святых Божиих – «Кротким святым». О нём поистине можно сказать то же, что и о благословенном Господе нашем: «Трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит» (Мф. 12:20). Всю свою жизнь он проповедовал мягкость, смирение и кротость и, несомненно, воплощал в жизни то, что проповедовал. «Дух ордена Посещения – это дух смиренной любви к Богу и всяческого добросердечия к нашим ближним».

Ревностная жертвенность и любвеобильное добросердечие были самыми замечательными его особенностями, но не будем даже пытаться описать славные добродетели и возвышенный нрав этого благороднейшего из святых.

Иные пренебрежительно называли Франциска Сальского «апостолом высших классов». Конечно, епископ Женевский считал, что и у вельмож есть души, которые тоже нужно спасать, как и души людей простых. Он был одинаково учтив с королевой и с посудомойкой, а с королями и князьями обращался с таким почтением, как если бы они были ремесленниками да рабочими. Он был любезен, вежлив, учтив с каждым; он был в совершенстве порядочным человеком, исполненным истинного благородства, праведным иереем, героическим святым. <...>

Другие обвиняли Франциска в чрезвычайной мягкотелости, в благодушии, граничащем со слащавостью; упрекали в том, что он слишком отказался от изначального замысла относительно деятельности ордена Посещения, приписывая его крайнюю уступчивость бесхребетности, а безусловную покорность суждению других – слабоволию.

«Сильный всегда будет повелевать, говорят иные с уверенностью, похожей на риторику адвокатов, не знающую ни исключений, ни добавлений. Но что такое сила? Слепой ли это произвол, который не видит ни ужасов, ни многообразных последствий, ни ран, ни увечий тех, которых он давит? Узкость ли это ума, который не может сознать других нужд, кроме своих собственных, который не смотрит на последствия, а лишь на минутные интересы и для которого великая сила пожертвования кажется глупой слабостью? Есть особый род подчинения другому, который составляет удел лишь большого ума и пламенной любви; и сила – часто только другое название добровольного, рабского подчинения, неисправимой слабости (Джордж Элиот. «Феликс Гольт»).

Тело Франциска было перевезено в Анси и передано его дочерям-визитанткам, которые поместили его в своей церкви. Там мощи хранились до Французской революции, когда их спрятали подальше, дабы уберечь от осквернения.

После восстановления мира была построена нынешняя церковь и монастырь Посещения, главным образом благодаря пожертвованиям Шарля Феликса и королевы Марии-Кристины. Здания были освящены в 1826 году, после чего там были положены

мощи св. Франциска Сальского и св. Жанны-Франсуазы де Шанталь. Это милая церковь в итальянском стиле, маленькая, но совершенная в каждой своей детали.

В 1626 году была назначена комиссия, принявшая свидетельства 5000 свидетелей героических добродетелей св. Франциска Сальского и чудес, совершённых им. Даже кальвинистский служитель из Женевы сказал о нём: «Если бы мы почитали кого-нибудь святым, то я не знаю никого с апостольских времён более достойного этого звания, чем этот человек». Его дело было немедленно представлено в Риме, но возникли многообразные препятствия, и беатифицирован он был не ранее 1661 года папой Александром VII. Канонизировал его тот же папа в 1665 году. В 1877 году Пий IX объявил его Учителем Церкви под особым титулом «Доктор благочестия».

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ